

Виктор Пелевин

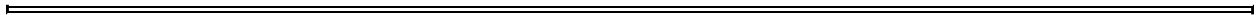
Лампа Мафусаила,
или
крайняя битва
чекистов с масонами

Annotation

Как известно, сложное международное положение нашей страны объясняется острым конфликтом российского руководства с мировым масонством. Но мало кому понятны корни этого противостояния, его финансовая подоплека и оккультный смысл. Гибридный роман В. Пелевина срывает покровы молчания с этой тайны, попутно разъясняя в простой и доступной форме главные вопросы мировой политики, экономики, культуры и антропогенеза. В центре повествования – три поколения дворянской семьи Можайских, служащие Отчизне в XIX, XX и XXI веках.

- [Виктор Пелевин](#)
 -
 -
 - [Часть 1. Золотой жук](#)
 - [Часть 2. Самолет Можайского](#)
 - [Часть 3. Храмлаг](#)
 - [Часть 4. Подвиг Капустина](#)
 -
 -
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)

- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)

Виктор Пелевин
Лампа Мафусаила, или Крайняя битва
чекистов с масонами
большой полифонический нарратив

Действие книги происходит в параллельной вселенной, все совпадения с которой являются кошмарным сном. Высказывания и склонности героев не являются выражением позиции или вкусов автора и служат исключительно характеристике персонажей для достижения глубокого и незабываемого художественного эффекта. То же относится к каббалистическим интерпретациям знаков «Алеф-Бет».

Идут белые снеги...

Евтушенко

Часть 1. Золотой жук

производственная повесть

Эдгару Аллану По

Поскольку значительная часть моей истории (если не вся она) будет посвящена событиям с отчетливым мистическим привкусом, хочу сразу сказать, как я отношусь к этой самой мистике.

Я считаю себя одним из мелких лейтенантов Мамоны – и, как служитель серьезнейшего из земных мистицизмов, испытываю брезгливое недоверие к любым формам мистицизма декоративного – от косых хомяков, предсказывающих футбольное будущее, до мировых религий, не способных даже на это.

Я называю серьезнейшим из мистицизмов, конечно, ту его форму, которая помогла сказочно разбогатеть всемирно известным инвесторам – например, Джорджу Соросу или Уоррену Баффету. Как профессионал, я знаю: при отсутствии надежного инсайда подсказать, в какой момент покупать, а в какой продавать акции, валюты или коммодитиз^[1], может только мистическое чувство.

Это нельзя раз за разом делать верно, опираясь лишь на «информацию» – дело в том, что современный мир производит ее в таком разнонаправленном, дешевом и обильно-пенном ассортименте, что выбор между ее взаимоисключающими векторами ничем не отличается от гадания на кофейной гуще. Зайдите на CNBC, прочтите одни заголовки – и поймете, о чем я. Знание, к какому потоку информации прислушаться – и есть ясновидение.

Еще за таким знанием может стоять инсайдерская осведомленность. Но инсайд, как известно, не бывает постоянным. Или, вернее, становится таковым исключительно при отбытии тюремного срока. Сидите себе inside your cell^[2] вчера, сегодня и завтра... Так что герои финансового космоса не жулики, нет. Они мистики. Причем очень успешные. И помогает им не «инсайд», а «инсайт» – подобие особого духовного озарения, в котором они пребывают.

Во всяком случае, так я пишу в своих обзорах, когда работаю на Цивилизацию. Когда я работаю на Вату, мои взгляды несколько запутанней. Но об этом позже.

Поэтому я не то чтобы совсем не верю в мистику. Я в нее верю – но только что объяснил, в какую. Архаичные суеверия не для меня. Я строгий и последовательный материалист – в том, что касается природы моего разума и окружающего мира. Но в Духа Денег я тем не менее верю всей душой, хотя и не пишу о нем в обзорах.

Противоречия здесь нет. Этот могучий Дух – такой же материалист, как я. Материалист до такой степени, что полностью отрицает свое существование – и вместе с ним его бытие тщательно скрываем мы, его слуги.

Теперь, надеюсь, дальнейшее будет понятней.

* * *

Скажу несколько слов о себе и своих корнях – просто чтобы не возвращаться к этой теме.

Мой отец был олдовым московским хиппи (многие сейчас уже не поймут, что это значит) и принадлежал к так называемой *системе* – полуэзотерическому, полунаркоманскому авангарду поколения, которое выросло перед самой советской Катастрофой и во многом ее подготовило. Я не видел папу ни разу. Вернее, наверняка видел, но не запомнил. Он умер от плохо поставленного укола, когда мне был всего год.

Среди московских хиппи было принято давать детям чуть-чуть необычные имена – как бы из зеленого ненасильственного будущего, сливающегося с былинным мультипликационным прошлым: Микола, Данила, Ермолай. В этом было что-то свежее и почти антисоветское – так, по воспоминаниям моей тетки, казалось в те дни. Но мой отец пошел значительно дальше.

Он назвал меня Кримпаем. Моя очень и очень молодая мама не возражала – это был крутой приколы по укурке. Когда папа умер, она сдала ребенка тетке из номенклатурной семьи (тоже одна из родовых черт *системы*), и воспитали меня уже там.

Помню свое первое детское постижение Отчизны: как-то после новогодних праздников, наслушавшись пьяных взрослых разговоров, я вдруг сообразил, что каждый календарный год у нас в стране бывает две холодные зимы – и только одно лето. Причем эти две зимы будут совершенно точно, что бы ни случилось, а вот насчет лета между ними – такой гарантии нет... С той самой поры я знаю, с чего начинается Родина. С зимы. И меня смешат любые разговоры об «агрессивности русских»,

согласившихся прозябать в таком месте со всеми своими танками и атомными бомбами, пока рядом коптят теплое небо всякие болгары и португальцы.

Мое самое яркое детское впечатление – дореволюционная карточка из альбома со старыми фотографиями, который мне давала иногда полистать тетка.

На карточке были изображены трое. Слева стоял лучащийся счастьем мужчина в игрушечной короне, с тонкими дворянскими усиками и несколько испитым лицом. Справа – удивительной красоты молодая женщина, глядящая на своего короля с насмешливым снисхождением. На руках у нее был ребенок в пеленках, уставившийся в камеру с испугом и надеждой – словно соображая, чего ему ждать от этого таинственного мира, выпятившего на него свой стеклянный глаз... Впрочем, все малыши выходят на фотографиях одинаково.

Такой снимок сегодня назвали бы студийным, постановочным. Мужчина с усиками был одет в театральную хламиду, а его корона походила на согнутое в обруч полотно большезубой пилы. Его спутница была в простом белом платье, но оно вполне могло сойти за античную тунику.

На обороте снимка сохранилась полустертая надпись тонким карандашом:

ЛИЗОЧКА, МАРКИАНЪ И КРОХА МАФУСАИЛЬ

Моя тетка сказала, что это мои прапрадед с прапрабабушкой (ребенок, соответственно, приходился мне прадедом, что плохо укладывалось в голове). Как следовало из золотого штампа, карточку выпустило фотографическое ателье в девятнадцатом веке – но она была цветной, и цвета выглядели прилично. Наверно, ее раскрасили пастелью вручную, а потом покрыли лаком: зубцы короны были замечательно подсвечены множеством крохотных золотых блесток, делавших картинку очень живой.

Мафусаилом звали малыша – а Маркианом мужчину в короне. Это были редкие имена, и оттого я – обладатель столь же странного и необычного имени – сразу проникся к этой дореволюционной семье нежнейшими чувствами. Выходило, дело не в папе-дураке, а в древней семейной традиции. Маркиан Можайский, Мафусаил Можайский, а еще через пару поколений – Кримпай Можайский. Вполне.

По семейной легенде, Маркиан украсил себя золотой короной, потому

что нашел серьезный клад. Долгое время он жил с моей прабабкой в Баден-Бадене, где и был сделан снимок. О судьбе малыша Мафусаила сведений не сохранилось.

Вот здесь, наверно, и зародилась моя будущая страсть к золоту. Мне казалось, что корона на фотографии волшебная, и если долго-долго глядеть на ее поблескивающий обруч, люди со снимка заметят меня – и сообщат что-то очень важное с другой стороны вековой пропасти между нами... Я пробовал даже тереть корону, как лампу Аладдина – и оставил на бумаге пятно. Карточка потом куда-то потерялась, но я до сих пор вижу мерцающие золотые блески, как только закрываю глаза.

Когда я чуть подрос, тетка сказала, что мое имя – индийское, и означает «герой». Типа «Рабиндранат, Рамана и Кримпай». Это меня вполне устраивало, и я ухитрился миновать самые чувствительные в смысле личностных запечатлений годы без всяких комплексов. Но уже в шестом классе умудренные порнотрафиком одноклассники с хохотом объяснили мне мой настоящий смысл.

Creampie – то есть «кремовый (или сливочный) пирог» – это особый жанр порно, где актер-мужчина не пользуется презервативом, завершает процедуру именно так, как замыслила природа – а в конце клипа демонстрируется крупный план женского интимного места с вытекающим мужским семенем. Именно этот оптимистический жизнеутверждающий кадр и называется «пирогом со сливками» из-за некоторого внешнего сходства.

Вот уж действительно – точное имя, прямодушно и без прикрас фиксирующее реальность: Кримпай Сергеевич. В известном смысле мой папочка превзошел французских экзистенциалистов – разве можно короче и лучше объяснить подрастающему человеку, что он такое и какая сила бросила его в мир?

Если русских зовут иванами, а немцев фрицами – то всех людей вообще зовут кримпаями. Но жить с таким именем от этого не легче.

Мои подружки (их было несколько, пока я не разобрался в себе), а потом и друзья называли меня «Крим». И да, шутка «Крим наш» уже была. Много раз, с кримом и без.

* * *

Однажды, когда я был еще совсем маленьким – лет восьми – в окно дачи, куда тетка вывозила меня на лето, влетел странный бронзовый жук.

Он был желто-золотого цвета, с легким красным отливом, и казался комком живого золота.

Я в это время сидел у стола и рисовал испанский галеон. Из его пушечных портов торчали дула орудий, а на палубе ровными рядами стояли сундуки с сокровищами, потому что в трюме все не помещалось.

Я успел только поднять глаза – и эта тревожно гудящая золотая пуля, разогнав по комнате широкую дугу, без всякого предупреждения ударила меня в лоб.

Я жутко перепугался, закричал, свалился со стула – и забился под стол. Жук сделал по комнате еще несколько кругов: его жужжание то приближалось ко мне, то удалялось. Я чуть не визжал от страха – мне почему-то казалось, что он нападет на меня снова. Но, прогудев еще раз прямо над моей головой, жук вылетел в окно.

Я никогда прежде не видел бронзовика такого странного цвета. Обычно эти жуки изумрудные – и чуточку отливают золотом. Но этот был отчетливо золотым, гораздо светлее – будто в его пигмент забыли добавить зеленую густоту. Он словно весь был покрыт чешуйками золота с моей любимой старой фотокарточки.

– Альбинос, – сказала тетка, когда я сообщил ей о случившемся.

– Что это значит?

– Ну, как трава бывает белая, когда растет под палаткой, знаешь? Наверно, вырос где-то под лопухом без солнечного света. Он тебя укусил?

– Нет, – сказал я. – Или... Не знаю.

Вечером тетка дала мне книгу. Это был сборник Эдгара По, заложенный на рассказе «Золотой Жук». Я прочел эту удивительную историю очень быстро, не расставаясь с книгой даже в туалете.

Если кто не читал – это рассказ о том, как золотой жук привел героя к пиратским сокровищам. Там фигурирует прибитая к ветке мертвая голова, через глазницу которой пропускают жука на нитке, пергамент с козлом, черепом и шифром, появляющимися после прогрева, и прочие романтические атрибуты.

Сказать, что рассказ произвел на меня впечатление – значит ничего не сказать. Он меня, как говорили когда-то партийные литераторы, перепахал. Вернее, вспахал – провел в моей душе ту единственную борозду, которая и осталась в ней от всей мировой литературы. Я помнил «Золотого Жука» почти наизусть.

Кстати сказать, когда я позже прочел его в оригинале, оказалось, что в переводе многое утрачено – один из кладоискателей, негр Юпитер, очень смешно говорит по-английски, и По передает это, заставляя его

произносить одни слова вместо других.

Сейчас беднягу Эдгара Аллана освистали бы: во-первых, за слово «негро», во-вторых – за изображение рабской сущности афроамериканца (отпустили на свободу, но даже угрозами не заставили уйти от господина). Словом, в наши дни «Золотой Жук» По неактуален по многим причинам. Но тогда было совсем другое время.

Вооружившись сачком и – для окончательной уверенности в себе – большой линзой, за секунду превращавшей муравьев в синий дым, я отправился искать своего жука и посвятил этому много летнего времени. Но мне попадались только зеленые бронзовки. Я некоторое время сортировал их по фанерным спичечным коробкам, бывшим тогда в ходу – но потом мне надоело.

Постепенно я забыл про Жука, и он тоже не напоминал о себе очень долгое время.

* * *

Моя московская юность была малоинтересна из-за своей обычности, и рассказ о ней я опущу. Я окончил школу и финансовый институт – и плавно вписался в жизнебизнес, сразу же выйдя на приличную дорожку (или даже орбиту). Некоторое время я работал банковским функционером, а потом стал серьезным трейдером. Я греб деньги лопатой – для других и для себя – и все в моей жизни было, как говорил мой куратор из органов, *чики-чик*. Но главное, я по-настоящему любил свою работу. Ее трудно было не любить.

Я специализировался по золоту, оно росло, и у меня появлялось все больше клиентов, желающих быстро получить прибыль. Совсем покрупному я начал работать в конце нулевых годов, когда лопнул очередной американский пузырь, включилось «количественное смягчение» (то есть долларовый станок) и золото быстро и неостановимо пошло вверх.

Если вы держите хотя бы миллион или два долларов в золоте, вам не надо ходить в казино. А также смотреть кино или лазить в фейсбук. Просто сидишь себе у экрана, глядишь на меняющийся в реальном времени график и вздрагиваешь: «Уй, только что десятку потерял... А теперь двадцатку заработал... Ой, опять упал на пятнадцать...»

Сидеть так можно весь день и всю ночь, и ни капельки не наскучит. Захватывающий интерес гарантирован, и никаких других сильных переживаний душе уже не надо. Этот прыгающий черно-зеленый график будет посильнее и «Фауста» Гете, и Бхагавад-Гиты вместе взятых: эмоции и

ум вовлекаются в бдение над его зигзагами куда сильнее, чем в сопереживание всяким художественным «характерам» (которых «люди искусства» и придумывают-то лишь ради того, чтобы и самим когда-нибудь нырнуть в акции, золотишко или открыть патриотический фастфуд-фэшн).

Особенно богатое содержание открывается за графиком XAU/USD, то есть стоимостью золота в долларах – или, что то же самое, стоимостью доллара в золоте (хотя говорить так неполиткорректно – это значит назвать золото деньгами, а доллар непонятно чем).

Чтобы оценить всю драматургию происходящего, надо немного представлять, что такое USD, что такое бумажное XAU, которым торгует «Комекс»^[3], и что означают развороты этого графика.

«Вот, поднялось... Кто-то десять тонн цапнул, не меньше... Началось? Развернулось? Нет. Опять пятнадцать тонн скинули... Это где, в Нью-Йорке или Шанхае? В Нью-Йорке, где еще... Ой. Вот скакнул так скакнул... И держится, держится! Вот теперь началось. А, нет... Это шортселлеры^[4] контракты выкупают, чтоб не попасть под раздачу... Забегали, забегали, как тараканы под кипятком...»

Именно этому экранному бдению и были посвящены мои лучшие дни – хотя я рулил в основном не своими деньгами, а чужими.

Оглядываясь сегодня на свою еще очень далекую от завершения жизнь, я вспоминаю не детство, не любовные приключения разного рода, а именно эти мгновения у монитора, когда новый излом графика раз в десять секунд выпрыгивал из вертикальной черты настоящего момента – как бы из столба, к которому было привязано время, – и менял всю вселенную. С тех пор я точно знаю, что время движется справа налево, как этот график.

Этот же график делает тебя философом. На нем видно, как относительно и зыбко все то, на что мы полагаемся, как забывчив наш ум и волатильно сердце.

Когда из-за атаки шортселлеров золото падает за один день с 1135 до 1080 долларов за унцию, это кажется чуть ли не падением Берлина. Зато всего через месяц, когда оно так же быстро поднимается с 1045 до 1080, тот же рубеж представляется почти победой под Курском. И эти два диаметрально противоположных чувства, вызванных одной и той же цифрой, совершенно искренни и заполняют душу целиком – хоть разделяет их всего тридцать дней...

Что же говорить о человеке, затерянном в истории, где временные интервалы куда больше, происходит нечто мутно-неясное, а внятных нумерологических ориентиров нет вообще?

Я верил в золото всерьез – это было похоже на любовь. В те дни все выглядело элементарно: на моей стороне был многовековой опыт человечества. За меня был, в конце концов, сам доллар – не зря ведь Америка отказалась в свое время от золотого стандарта. Золоту полагалось расти бесконечно – такова в те дни была мейнстримная мудрость, и я верил в нее вместе со всеми. И потом, я просто любил блеск этого металла, приятную визуальную тяжесть его брусков, повторяющиеся девятки на полированной желтой поверхности...

Я стал классическим примером того, что называется «Gold Bug» – инвестором, верящим только в золото. Я знал, конечно, это выражение, и оно мне нравилось. Я иногда вспоминал с усмешкой бронзовика-альбиноса, стукнувшего меня в детстве по голове – и видел теперь в этом своего рода знамение.

Я даже сделал на спине тату – большущего золотого жука (художник составил его из красных, зеленых и желтых блесток на темном фоне – и получилось вполне прилично, хотя моему любовнику Артуру всегда мерещилось, что это голова дракона). Под жуком было готическое слово:

XAUBUG

И еще у меня было кольцо с большим золотым скарабеем – мне казалось, что это в точности тот самый жук, который навестил меня в детстве, а прежде водил знакомство с Эдгаром По. Я носил его на большом пальце – словно XAUBUG присел на мою руку отдохнуть.

Я понимал термин «тотем» лучше любого антрополога. Золотым жуком был я сам. Я уверенно полз вперед и вверх по графику, давя своим тяжким желтым телом смешные бумажные валютки. Если вы посмотрите на кривую цены золота за последние двадцать лет, вы увидите длинный крутой подъем, начавшийся вместе с новым миллениумом. Вот именно по нему я и карабкался к вершинам, гордо озирая пораженный кризисом мир.

Тогда казалось, что это навсегда – и меняться будет только наклон графика. Так писали серьезные эксперты, с ними соглашались обозреватели... И я верил этому постоянно звучащему в финансовой прессе хору Серьезных Голосов. А потом...

Собственно, все видно на графике.

Золото дошло до 1900 долларов за унцию – и стало прыгать вверх-вниз. Протрубила труба Сороса – шептались, что через него делает свои объявления Картель. Золото, сказал он, плохая инвестиция. Никто сперва не поверил. И тут начались гигантские сбросы бумажного золота на «Комексе».

Говорили, что из XAU выходят ETF'ы^[5] – но точно никто ничего не знал. Никто пока не понимал, кто за этим стоит, Картель или Спекуляторы (я специально не пользуюсь словом «спекулянты», чтобы обремененный советским опытом читатель не подумал, будто я говорю о чем-то ему понятном; если коротко, в финансовом мире Картель – это боги, Спекуляторы – это титаны).

Конспирология расцветала. Вообще, все золотые жуки – естественные конспирологи. Это родовое, как две черные точки на спине скарабея у Эдгара По.

Те, кто боялся произнести слово «Картель» (я имею в виду западных финансовых журналистов), говорили, что ФРС начала третий раунд количественного смягчения, чтобы помочь Обаме попасть на второй срок – по статистике кандидат правящей партии практически никогда не может переизбраться, если фондовый рынок падает. А как только биржу накачали дешевыми деньгами, акции пошли вверх – и инвесторы стали перебрасывать свои деньги из золота на фондовый рынок, чтобы заработать на ралли... Не знаю. По-моему, сказать «работал Картель» (yes, we can!) – это то же самое, только короче.

В общем, версий существовало множество, скачки вниз были такими быстрыми и мощными, а надежда отыграть потерянное такой сильной, что вместе со многими я не успел выйти из XAU вовремя и потерял деньги. Надо было продавать, а я медлил и медлил... Ответственность за промедление была на мне. Золото прыгало между 1900 и 1600 долларами за унцию достаточно долго, и все надеялись на реванш – а потом его вдруг очень быстро обвалили до 1200. Как вскоре выяснилось, и это не было пределом.

Все было бы ничего, будь деньги моими. Но я потерял очень большую сумму чужих.

ОЧЕНЬ.

В прямом физическом смысле никто не лишился ничего – у клиента

осталось его золото. В банковском сейфе в Монако сохранилось все до последнего брусочка. Но стоило оно теперь на тридцать процентов меньше.

Специфику своей работы я раскрывать не буду – подобные схемы действуют до сих пор. Суть дела была такой, что предъявить мне формальные претензии было трудно – прямых распоряжений о продаже ко мне не поступало. Но в нашей стране, как известно, работают не с документами, а с людьми.

Я потерял деньги не какого-то подмосковного депутата, а генерала ФСБ Капустина. Это объяснил мне партнер, вместе с которым мы вели дела.

Клиенты пришли с его стороны, и у него было три версии происходящего. По одной из них, чекистов сильно напугал один из их экономических консультантов («экономист хэ», как выразился партнер, имея в виду не то фамилию, не то сокращенный эпитет), обещавший скорый и необратимый крах доллара. По другой версии, это были не личные средства Капустина, а чекистский общак или вообще какой-то секретный фонд. По третьей – проводилась спецоперация, где нас использовали втемную.

Но сам я предполагал, что дело в другом.

У конторских в то время было принято вкладываться в нефтянку, но Капустин, видимо, помнил, как кончился СССР – и понимал, что скоро сделают с нефтью. Поэтому он решил уйти в золото, доверившись двум золотым жукам. Делал он это втайне от своих, поскольку те могли посчитать такое поведение крысятничеством. Отсюда и выбор таких не слишком серьезных посредников.

Этот Капустин занимал в конторе какой-то важный секретный пост. Разумеется, деньги были записаны не на него и не на прямых родственников – а на совсем левых людей, и никакое расследование ни за что не привело бы к самому генералу. Но я быстро понял, насколько все серьезно.

Моего партнера, с которым мы вели дело, убили.

Причем убили с особой даже для наших мест жестокостью: сожгли в лесу на старой советской кровати, разведя под железной сеткой костер. Во рту у бедняги нашли обгорелый кляп, из чего следовал вывод, что жгли его не для того, чтобы заставить говорить, а для того, чтобы причинить ему боль, не привлекая внимания. Это, очевидно, ждало и меня самого.

И я понял то, что время от времени понимает в нашей стране каждый: девяностые вовсе не кончились. Просто раньше они происходили со всеми сразу, а теперь случаются в индивидуальном порядке.

Я попытался связаться с номинальными владельцами потерянных денег. Но они не стали со мной говорить – телефон молчал. Я продал собственное золото – все накопленные сбережения, примерно на два миллиона долларов, – и перевел им. Продавать пришлось близко ко дну, сам я потратил на свое ХАУ куда больше... Но даже отдав все, что у меня было, я не смог покрыть и малой доли потерянного.

А трубка молчала и молчала.

У меня началась депрессия. Удручал даже не этот внезапный прыжок из обеспеченности в нищету – такое в жизни бывает – а моя метафизическая, так сказать, капитуляция: я продал Золото. Продал все свое Золото... Отдал за электронную фикцию своего Жука.

Моя жизнь не имела больше смысла.

Я чувствовал, что меня со дня на день убьют, и, скорее всего, самым жестоким образом. Смерти я боялся гораздо меньше, чем боли – и со мной случился нервный срыв.

Я решил уйти из жизни сам. Поверженный ХАУБУГ на моей спине был даже рад такому повороту событий.

Самоуход, как я целомудренно назвал про себя задуманное, казался мне наиболее уместным решением: я был уверен, что процедуру можно будет сделать безболезненной и совсем не страшной.

* * *

Я отправился к своему дилеру. Это был бойкий парень по имени Сер. Так он сокращал «Сережа», имея в виду не фекальный глагол, а адскую серу. Но я подозревал, что он таким образом борется со своей латентной гомосексуальностью: «Сергей», то есть «серый педик» – очень эффективное в смысле метапрограммирования имя, и носят его, как правило, яркие гомофобы.

Для обоснования своей адской претензии у Сера на стене висели вверительные грамоты: слева – постер с престарелым Миком Джаггером в парчовом пиджаке, справа – другой постер с вписанным в перевернутую звезду козлом, а между ними – большие старинные счеты, превращенные в предмет искусства.

Костяшки счетов были переделаны в черепа тончайшей резьбы – в результате чего получилась уменьшенная модель ацтекской храмовой стойки «tzompantli». Это объяснил мне сам Сер, мимоходом упомянув, что ритуальный объект хранится у него с тех времен, когда он продавал

пейотль. Думаю, он врал, а счета достались ему от сумасшедшего дедушки-бухгалтера, у которого на пенсии было много свободного времени.

По виду Сер походил на программиста-надомника; два сервера, стоявшие у него в комнате, были на самом деле сейфами, где хранился товар (при этом они работали – и при снятии внешней панели умиляли дрожью разноцветных огоньков).

Видимо, от экзистенциального страха Сер постоянно удалбывался, вернее даже утрамбовывался каким-то недорогим медицинским препаратом («акселем», как он его называл) в туповатую и добродушную колбаску, ничему не удивляющуюся и настолько готовую к любому повороту судьбы, что было даже непонятно, почему мировая олигархия еще не превратила в таких колбасок нас всех. У него от этого «акселя» менялся голос – в задушевную сторону. Казалось, он вот-вот заплачет.

Я не был наркоманом – во всяком случае, в социальном смысле. Обычно я прикупал у Сера препараты, с помощью которых мы с Артуром делали наши отношения значимей и глубже, как поступают в наших кругах многие. Но в этот раз я прямо объяснил, что мне нужен билет в рай. В один конец.

Сер за свою карьеру успел повидать всякого – и удивился не особо.

– А если меня потом найдут и прикопают? – спросил он.

– Тебя не найдут.

– Все знают, что ты берешь у меня.

– Никто не знает, – ответил я. – Я никому не говорю.

– Я сам говорю, – криво улыбнулся он и показал пальцем вверх. – Капитализм – это учет. По-другому у нас никто не работает.

Можно было догадаться – раз куратор имелся даже у меня, то тем более был у него.

– Я напишу записку, – сказал я. – Напишу, что я сам. И прошу никого не винить... А тебе отдам все деньги, какие остались. Шесть тысяч долларов.

Сер отказал.

Но тем же вечером он позвонил – и сказал, что согласен.

– Тебе как хочется? – спросил он, когда я принес деньги.

– Тихо и спокойно, – сказал я. – И без боли.

– Это не так просто.

– Почему?

– Потому что человек так устроен, – ответил он. – Его сложно убить безболезненно. Боль – наша внутренняя сигнализация, что дело плохо. И

контуров этой сигнализации в организме очень много.

– Я думал, – сказал я, – уж что-что, а этот вопрос человечество решило.

– Только внешне.

– В каком смысле?

– Смерть считается безболезненной, если человек не кричит «уй, мама!» Но что при этом чувствует мозг, не знает никто.

– Неужели? – изумился я.

– Даже в американских тюрьмах, – ответил Сер, – не могут сделать нормальную летальную инъекцию. Я недавно одну статью читал – там написано, что после стандартного терминального укола приговоренный испытывает жуткие муки, просто это никому не заметно из-за паралича лицевых мышц и голосовых связок...

– Ты меня не пугай, – пробормотал я. – Мне и так страшно.

– Я не пугаю. Я, наоборот, сказать хочу, что сделаем безболезненно. В смысле отпавку. Я знаю как – мы всю твою сигнализацию отключим по очереди, в нужной последовательности. А дальше... Не от меня зависит.

– Думаешь, там что-то есть?

Сер пожал плечами.

– Сам пока не был.

– Ничего там нет, – сказал я. – И это меня устраивает. Больно точно не будет?

– Точно. Забудешься под тихий шум дождя...

Мне понравилась эта картина. В ней был какой-то древнеяпонский уют: самурай делает харакири на опушке соснового леса, и ему совсем-совсем не больно – он любит сосны и слушает тихий шорох капель...

Если вдуматься, вся культурка, которой нас откармливают – книги, фильмы, религии – примерно об этом. А потом каждому приходится стать этим самураем самому – и лично проверить, как обстоят дела.

Я отдал деньги и получил от Сера кристалл, похожий на грифель зажигалки, немного бурого порошка и толстую пилюлю из двух пластиковых половинок, обернутую на стыке чем-то вроде полоски скотча («для дополнительной гарантии»).

– Ну, как говорится, ни пуха ни пера, – сказал Сер.

Он был настолько утрамбован, что это прозвучало вполне нормально. Я подумал, что речь в этой мрачной поговорке идет о земле, парящих над ней ангелах и неясных перспективах атеистического посмертия.

Записав последовательность, в которой надо было принимать последние подарки судьбы, я отправился домой.

У моего подъезда стояли двое. Они кого-то ждали. У одного в руках был букет цветов – в таких прячут заточку или арматуру.

Я очень испугался, что не успею уехать по льготному билету. С трепетом пройдя мимо (они, к счастью, ждали кого-то другого), я уже не колебался – и, добравшись до своей квартиры, приступил к процедуре немедленно.

Ничто не придает человеку такого мужества, как страх. Когда невозможно становится жить, умирать даже любопытно. Я принял душ, но прощальной записки писать не стал. Иногда молчание – знак несогласия.

* * *

Я не помнил, что было раньше – и осознал себя, когда темнота вокруг приобрела объем, как иногда бывает во сне. Объем этот казался огромным – а темнота кристально прозрачной. Она была черной и вместе с тем абсолютно ясной. Мой взгляд проникал в нее далеко, невероятно далеко – как никогда раньше. И во все стороны сразу, как не бывает вообще.

Чернота словно бы блестела – не знаю, как объяснить, но казалось, что она сделана из крепчайшего алмаза, бесконечно огромного и несокрушимого. И я сам, и все остальное было просто игрой света внутри этого алмаза.

То здесь, то там как бы самозарождались узелки света – завязывались разноцветные огоньки. Я говорю «как бы», потому что мне было понятно: свет не может зародиться в этом алмазе сам. Он должен откуда-то прилететь, чтобы отразиться от невидимых граней.

И это значило, что я сам уже отразился от них, и – в очередной раз – несусь сквозь вечную пустоту в поисках своего дома. Или хотя бы чего-то такого, с чем у меня имеется давняя и прочная связь.

Мерцающие вокруг узелки света можно было рассматривать в подробностях – внимание сразу переносило меня к ним, заставляя их разворачивать передо мной свой смысл.

В пустоте играли два дракона. Они были невероятной, тончайшей красоты – и игра их тоже казалась нежной, похожей на любовную ласку, соединенную с чем-то вроде партии в замысловатые шахматы, только без доски и фигур.

Я сам не заметил, как стал одним из них. Это было жутко – и приятно. Я наугад сделал ход в их непонятной игре – ходы в ней совершались простым изъятием воли. Тут же все вокруг сделалось грозным и

страшным, словно я рухнул в ад – а дракон, игравший со мной, превратился в жуткого мучителя, и его длинные белые усы стали источником пронзающей меня боли.

Я сообразил, в чем дело. Много лет назад, еще учась в финансовом, я поговорил с одним размашисто крестившимся священником с командирскими часами на руке, и тот сообщил мне, что на национальном флаге Китая изображен враг рода человеческого, дракон – он же древний змей.

В китайской культуре, сказал я тогда в ответ, смысл этого образа совсем другой и означает небесную силу, и вообще китайскому дракону больше лет, чем любой из трех голов христианства (в те дни я общался с большим числом людей и слышал от них много интересного) – но слова священника, оказывается, запали мне в душу, и только сейчас сработали, отрезав от открывшегося мне мира... Дракон не хотел быть врагом рода человеческого. Я сам вынуждал его к этому, и он защищался как мог.

Я вдруг понял, что вся моя память стала узорами света – и была уже не внутри меня, а вокруг. Собственно, все, что я видел, и было памятью. Я прыгал между узелками света, заглядывал в разные замочные скважины – причудливые и страшные, мрачные и пестрые (сейчас я уже плохо их помню) – и отовсюду меня гнали прочь, как это сделал дракон.

Так продолжалось очень долго. Но огни вокруг постепенно делались все тусклее – и, не найдя себе нового пристанища, я в конце концов остался один.

Света вокруг больше не было. А я все еще был. И я уже понимал, что угаснуть и забыться навсегда у меня не выйдет – в реальности просто не было такой опции.

Только теперь мне стало ясно, какую чудовищную ошибку я совершил, решив умереть по своей воле. Я буду вечно падать в эту черноту, догадался я, вечно – без всякой надежды. А ангелы и черти будут напрасно ждать меня где-то в другом месте... Ни пуха, ни пера, как и было сказано.

Я не был нужен в этой тьме никому.

Никому. Тут просто никого больше не было. Чем глубже я опускался, тем несомненней это становилось... Надвигавшееся на меня вечное одиночество показалось мне невыносимо страшным. Хуже этого не могло быть ничего.

А потом я понял, что вслед за мной во тьму спускается преследователь.

Он держался у меня за спиной – или, вернее, за границей поля моего внимания, – но иногда становился заметен. Сначала я думал, что это

оптический эффект, что-то вроде стеклянистых червячков, проплывающих перед глазами при взгляде в небо. Но потом, когда неясное содрогание темноты на периферии моего взгляда повторилось несколько раз, я стал следить за ним внимательнее – и внезапно различил нечто похожее на фигуру ныряльщика.

Это был не человек. У него была огромная голова – вернее, клубок чего-то вроде змей или дредов, и больше всего он напоминал черную медузу, из центра которой, кроме щупалец, росло тело с руками и ногами. Ныряльщик управлял своим движением словно в воде – и я понял, что он широкими кругами спускается вслед за мной в бездну, все время стараясь оставаться невидимым.

Сказать, что я испугался – значит не сказать ничего. Одиночество, только что ужасавшее меня, теперь показалось мне раем. Мне сделалось так страшно, что я чуть не задохнулся.

Почему-то я решил, что это сам дьявол, лично явившийся за душой самоубийцы – и чем нелепее казалась такая мысль уму, тем крепче верило в нее сердце. Дьявол хотел превратить меня всего без остатка в чистый страх – и сожрать его... И это у него почти получилось.

Я, кажется, стал делать какие-то резкие рывки, кидаться из стороны в сторону. Это были не физические движения тела, которого я не ощущал и не видел, а, скорее, метания охваченного ужасом ума. Как бы там ни было, я спугнул своего преследователя. Его не было больше видно.

На несколько минут я успокоился – и даже, помню, с сарказмом вспомнил об уютных земных ужасах (вроде генерала Капустина), которые и привели меня в эту вечную ночь. Это правда было очень смешно. А потом мой преследователь опять мелькнул в темноте – с другой стороны и ближе, много ближе.

Он играл со мной, как кошка с мышью. Никто не мог мне помочь.

И тогда я вспомнил про Золотого Жука.

Это ведь была единственная сущность, в которую я действительно верил. Даже, наверно, любил. Неужели он не придет мне на помощь? Ведь этим жуком был я сам!

Когда-то это казалось игрой – но ничего серьезней в моей жизни, как выяснилось, не было... Я и умереть решился из-за этой игры – вернее, из-за своего проигрыша...

Неужто не поможет даже мой Жук?

И вдруг вокруг зажегся тусклый золотой свет. В нем не было ничего угрожающего, но мой преследователь сразу метнулся куда-то в сторону и исчез.

Свет не походил на те огни, что я наблюдал прежде. Его источник был невидим – он находился у меня за спиной. Сияние сделалось ярче, и я различил перед собой черный человеческий силуэт, окруженный золотым нимбом. Сперва я испугался, решив, что вернулся мой преследователь – а потом понял, что это моя собственная тень в потоке золотого света. Выглядела тень жутковато – наверно, она и спугнула человека-медузу.

Я вспомнил виденную в школе открытку с изображением золотого оклада рублевской «Троицы» отдельно от иконы – три черных контура среди сверкающего кованого золота... Я подумал тогда, что это идеальный культовый объект для черной мессы (сейчас я просто назвал бы его хорошей инвестицией). И вот теперь эта детская мысль бумерангом вернулась ко мне... Я и не догадывался прежде, что моим восприятием управляет столько разных червей и вирусов.

Теперь я словно попал на эту открытку сам – у меня была черная тень, но не было тела. Впрочем, не так ли именно и должны обстоять дела в этом пространстве?

Затем я понял, что мне задают вопрос. Слов я не слышал, но каким-то образом понял смысл.

«Тебе нужна помощь?»

«Да, – ответил я тем же странным способом. – Ты Золотой Жук?»

«Как тебе угодно».

Я сообразил, что со мной говорит не тень. Неясная сущность находилась позади меня, там же, где источник света. Неудивительно – татуировка «ХАУБУГ» была у меня на спине. Хоть у меня теперь не было спины, память о телесной геометрии оставалась.

Я попытался обернуться и посмотреть на говорящего со мной, но было не совсем понятно, как это сделать в бесплотном качестве. Тогда я представил себе, что стою в ванной и через плечо разглядываю жука на своей спине в зеркале.

Как ни странно, это сработало. Я увидел подобие длинного золотого рога и овальную голову, от которой тот отходил. Судя по голове, Жук был огромен. Его рог был нацелен прямо в меня – из него бил конус золотого света, в котором я висел. Но я рассматривал все это очень недолго – рог и голова исчезли из моего поля зрения, и, сколько я ни старался, я больше не мог их обнаружить. Передо мной остался только черно-золотой отпечаток моей собственной тени.

«Ты хочешь умереть?»

«Уже нет», – ответил я.

«Это была ошибка?»

«Да-да, – согласился я. – Глупая ошибка».

«Твой друг желает тебя спасти», – сообщил Жук.

Я решил, что он говорит про себя.

«Каким образом?»

«Твоя жизнь, твоя судьба, твоя смерть – просто записи. Их можно обновлять. Твой друг изменит твой *каркас*. Уберет причину, из-за которой ты страдаешь и ищешь гибели... Но для этого надо, чтобы ты разрешил это сделать. Ты должен согласиться».

«И что случится дальше?»

«Как только изменится твой *каркас*, – сказал Жук, – изменится и твой *пергамент*».

Можно было подумать, это что-то объясняло. Но я уже начинал понимать логику происходящего: я ведь искал Золотого Жука, и я его нашел. *Пергамент* был несомненно заимствован из рассказа Эдгара По – там был чертеж с черепом, козленком и длинной зашифрованной надписью. Его следовало прогреть на огне. Это слово выбрал не Жук – он вряд ли читал По – а моя собственная память, сквозь которую он каким-то образом пропускал свои странные смыслы, превращая их в ясную мне речь.

«Новый пергамент? – спросил я. – Там будет тайный шифр? Карта?»

«Да-да, будет, – согласился Жук. – Новый шифр. И новая карта».

«Карта чего?»

«Тебя. Новая карта тебя. Новые *надписи*».

«Что со мной случится?»

«Ты вернешься в мир, – ответил Жук. – У тебя будет другая судьба, но в целом все останется по-прежнему. В твоей жизни не будет роскоши, но сохранится много скромных удовольствий. Ты будешь счастлив в любви. Гораздо счастливей, чем сейчас. Я вижу на твоём *пергаменте*, что ты должен встретить родственную душу... Ты согласен принять помощь?»

Это определенно выглядело лучше вечного падения в черную бездну. Но все же я задумался – и надолго. Золотое сияние стало понемногу меркнуть.

«Согласен», – сказал я наконец.

Сияние погасло.

Стало совсем темно. Я с ужасом понял, что упустил свой шанс и теперь точно утону во мгле.

Но тут в моих ушах раздалась резкая музыка – прямо какой-то

утренний бодряк – и я увидел совершенно не уместную в этом мрачном измерении рекламу кабельного телевидения:

НЕ ДОЖДЕТЕСЬ! ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ КАНАЛ

Розовая надпись проплыла мимо, потом вернулась, зацепила меня невидимым крюком и поволокла за собой вверх – туда, где на немыслимой высоте над черными глубинами осталась поверхность знакомого мира – и жизнь, моя сложная горькая жизнь...

* * *

Я пришел в себя в больнице – и ничуть этому не удивился. Где же еще. Вокруг был тот особый медицинский уют, который создает дорогое больничное оборудование, свежее белье и зеленая униформа врачей: как-то сразу верится, что смерть в такое пространство не пустят. Во всяком случае, без бахил.

Я чувствовал себя вяло – и как бы опаздывал со своей реакцией на происходящее. Со мной уже говорил врач, а я все еще думал о словах хорошенькой медсестры: оказывается, я вызвал платную «скорую», велел оператору сломать дверь, если не открою... Я никакой «скорой» не вызывал. Хотя мог про это просто забыть.

Или это мог сделать раскаявшийся Сер.

Врача интересовал подробный отчет о моих видениях, и я рассказал ему все, что помнил. Он ничуть не удивился, сделал несколько пометок в блокноте и задал мне пару наводящих вопросов. Вроде того, через какое плечо я обернулся посмотреть на Жука.

Наверно, он искал в моих словах противоречия и признаки бреда – но эта мысль пришла мне в голову уже по пути к метро. А заметив, что иду к метро, я сообразил, что врачи меня отпустили, заставив подписать несколько бумаг.

«От медицинской помощи отказался...»

Уже в метро я понял, что толком не помню, где недавно был: кажется, белый трехэтажный дом, синяя вывеска над дверью, в целом какая-то приличная частная клиника, в Москве таких много. Все это, конечно, можно было легко выяснить.

Дома меня встретила сломанная дверь. Но я даже не расстроился – я

уже почти пришел в себя.

Звонить Серу и спрашивать, кто именно вызвал «скорую», я не стал – было страшновато. Отчего-то казалось, что он, как киллер из драмы-нуар, почувствует себя обязанным все-таки исполнить оплаченную услугу.

А я уже не хотел умереть. Я теперь очень хотел жить. Говорят, так всегда бывает после неудачного суицида.

Я не придавал большого значения пережитым галлюцинациям – и без врачебной помощи было ясно, откуда взялись посетившие меня видения. Золотой Жук из рассказа По проскользнул через глазницу моего черепа и привел меня к настоящему сокровищу – жизни, которую я так легкомысленно собирался покинуть.

Мне казалось, что мир, куда я вынырнул из черной бездны, стал совсем другим. Его словно омыло весенним дождем, растворившим все мои страхи.

Во-первых, через несколько дней выяснилось, что моего партнера убили вовсе не из-за истории с генералом Капустиным. Партнер тайно от меня прокручивал не то узбекские, не то таджикские деньги – и вот оттуда к нему и прилетел весь культурный обмен.

Мои проблемы, конечно, никуда от этого не исчезли. Но они оказались не такими безвыходными и страшными, как мерещилось мне на дне отчаяния.

Убивать меня не стали. Меня всего лишь избили. И даже не сильно – скорее, символически: как бы сломали о плечо невидимую шпагу. Били номинальные собственники (вернее, терпилы) – пожилые неспортивные господа со страдальческой одышкой. Они хотели сделать мне больно, но у них не получалось. Я не сопротивлялся – у их охраны это могло выйти значительно лучше.

Генерал Капустин, если он действительно пострадал от моих операций, никак себя не проявлял. То есть от слова «вообще».

Но все было плохо и без него. Мне пришлось продать свою квартиру в центре и переехать в панельную девятиэтажку. И еще я лишился работы.

Меня отодвинули от серебряных и золотых струн, на которых я так нежно играл, и вскоре я вынужден был переквалифицироваться в управдомы – стать одним из тех финансовых аналитиков, что дают космической пустоте свои компетентно-доверительные советы: в каких валютах хранить деньги и какой вклад предпочесть «в наше смутное время».

Прежние знакомства немного помогли.

Я специализировался в основном по коммодитиз, и с особенным

чувством всегда писал про тот актив, которым прежде торговал – ХАУ. Иногда мне приходилось выступать перед людьми.

Я хорошо понимал свою новую роль в мире и мог с убедительно-серьезным видом поговорить о движении российских индексов, или даже хмуро задуматься, куда дальше пойдет рубль. Мой галстук и костюм были безупречны, а чуть тронутые гелем волосы и тщательно оттриммированная небритость показывали городу и миру, что люди дела ценят не только деньги, но и стиль.

Зеленый логотип интернет-издания, при котором я главным образом кормился, скорее всего, знаком читателю – но называть его я не буду. Элита во всем мире содержит такие консалтинг-конторы исключительно для раздувания информационной энтропии – чтобы у мелкоты создавалось ощущение «информированности».

Понтий Пилат интересовался, что есть истина – но сегодня актуален другой вопрос: что есть информация? Дать научное определение этому понятию я не возьмусь. Но о том, что будет завтра и послезавтра, лучше всего информирован Картель – просто потому, что для остальных «информация» и есть просачивающиеся во внешний мир сведения о его планах. Чуть хуже информированы Спекуляторы. А всех остальных разводят втемную такие как я – чтобы стада «участников рынка» блуждали в потемках, и ничто не мешало серьезным инсайдерским операциям.

Я не хочу сказать, что подобные издания лгут специально. В этом нет необходимости. Люди ведь не читают самих статей, они обычно проглядывают заголовки – нас сегодня программируют так, чтобы мы не могли удерживать внимание ни на чем дольше пятнадцати секунд.

Заголовки звучат так: «Золото падает на новостях из Федерального Резерва». Или так: «Золото растет из-за плохих данных по занятости». Ну-ну. В реальности все немного иначе.

Например, в первом случае один большой банк сбрасывает бумажные опционы на золото строго в день заседания Федерального Резерва США (такое вот совпадение, да). А во втором Спекуляторы решают спровоцировать короткое ралли, дружно выставив золото в лонг, и синхронизируют акцию с выходом плохой статистики по американским рабочим местам (то, что она будет плохая, они знают по инсайду). Это все-таки не совсем то, о чем орет финансовая пресса.

Но финансовому консультанту и особенно журналисту не нужна действительная картина, ему достаточно броской фразы, убедительно выглядящей причинно-следственной связи, которая не является дезинформацией на сто процентов. Наш ум устроен так, что глотает эту

наживку всегда.

Свою новую роль я понимал верно, гнал темную пургу, сквозь которую не было видно ни реальности, ни меня самого, и мировая закулиса (хе-хе) платила мне небольшую зарплату. Разумеется, я ни с кем не обсуждал этого негласного общественного договора. Сегодня в мире ценится не просто понимание, а молчаливое понимание.

В общем, моя история была классической. Настолько, что даже шутки о ней напоминали Санта-Клауса своей седобородой древностью: потеряв свои деньги, я принялся учить, как правильно распорядиться чужими.

Про Жука я теперь вспоминал лишь в ванной – когда он глядел на меня с повернутой к зеркалу спины.

* * *

Я часто писал обзоры по валютам (и, конечно, всегда упоминал в них золото) – на эти материалы после начала кризиса возник большой спрос.

Чтобы было понятнее, как работают финансовые аналитики моего типа (а других этот мир не кормит), приподниму мрачную завесу тайны – разумеется, только в той части, которая касается материалов для открытой печати, где мы показываем миру свой благородный профиль.

Когда вы трудитесь на Цивилизацию, надо иметь чуткое, большое и волосатое ухо добра и света, примерно как у Йоды из «Звездных Войн». Два раза вам никто повторять не будет. Повторять не будут вообще. Понимать надо не только прямые указания, но и интонации. И отыскивать эти указания и интонации в информационном поле следует самому.

В тот момент даже дураку было видно, что Картель усиленно шортит золото – причем ясно было, что это длинный тренд. Я определял это просто – почти любой заголовок в мейнстримных медиа, которые я сканировал, содержал негативные эпитеты – и тогда, когда золото шло вверх, и тогда, когда оно шло вниз. Когда золото опускалось, это называлось «Gold falls, tumbles, precipitates...»^[6] Когда же оно поднималось, это называлось «Gold struggles to recover...», «Gold fails to climb to...»^[7], – и дальше называлась взятая более-менее с потолка отметка, которую золоту опять «не удалось взять». А если, например, золото росло десять дней подряд, но на пятый день чуть припадало, заголовки были такие: «Gold drops first time in five days»^[8].

В общем, со словом «золото» проделывали то же самое, что в конце

прошлого века со словом «серб»: при всяком возможном и невозможном случае помещали в негативный контекст (задач у мейнстримной прессы много, а технология, по сути, только одна).

В чем отличие профессионала от лузера-любителя? Лузер склонен к конспирологии. Он будет выяснять, «кто за этим стоит», ротшильды или рептилоиды, хотя еще в школе его учили, что современный финансовый капитал – такой же последовательный интернационалист, как товарищ Троцкий.

Профессионал же, в отличие от лузера, знает, что миром правят не англо-саксы, не евреи, не китайцы – а Дух Денег, чьи пути неисповедимы. Этот Дух надевает на свои бесплотные пальцы самых разных людишек – а потом сбрасывает их, как хирург резиновую перчатку. Поэтому профессионал интересуется лишь четко оформленной тенденцией – и, когда она делается ясна, берется за работу по ее монетизации.

Мои обзоры были позитивны, корректны и насмешливы – но изнутри напоминали невидимое миру кровавое самобичевание, которому подвергают себя фанатики-шииты.

«Что делает «золотой жук», уходящий из доллара в золото? Он, по существу, шортит Америку, все увереннее и увереннее выходящую из кризиса. Он надеется заработать на крахе мировой экономики (который, чего уж тут скрывать, пытается приблизить своей «рыночной активностью»).

Со времен Великой Депрессии известно, что перевод значительных сумм в золото можно рассматривать как своего рода финансовую диверсию, ибо это серьезно понижает скорость обращения денег. Но все быстрее нормализующаяся экономика развитого Запада, несомненно, способна это пережить. Так что не будем осуждать нашего горе-инвестора – свобода действия всех рыночных операторов как раз и гарантирует устойчивость западной экономической модели.

Вот только какой же угрюмый и пессимистичный склад ума нужен, чтобы не понимать простых истин: будущее не за мертвыми слитками металла, лежащими в банковском сейфе – оно за умными часами, смартфонами, частными космическими кораблями, компьютерами «apple», новыми медицинскими технологиями, юными дерзкими умами. Словом, за Атлантом, держащим на своих плечах неостановимый прогресс человечества.

Если коротко, золото падает, потому что у него нет покупателей. А покупателей у него нет, потому что на дворе двадцать первый век.

Золото вышло из моды примерно так же, как штаны-бананы. Оно уже давно стало просто бессмысленным блестящим фетишем, который до сих пор хранят зачем-то люди, застрявшие в своем внутреннем средневековье.

Поэтому не стоит удивляться, что традиционная функция safe haven^[9] на наших глазах естественным образом переходит от золота к доллару – как роль главного транспортного средства перешла в свое время от лошади к —»

Это был, что называется, business as usual – таких статей я написал не одну, не две и не три.

Но потом начался укрокризис, и все системы координат испытали резкое искажение – как будто их погнуло взрывной волной от «Бука».

Из-за сложных материальных обстоятельств мне теперь приходилось трудиться больше – и я стал понемногу брать халтурку из других мест, работая и на ватный дискурс тоже (разумеется, под псевдонимом).

По причине общего российского неустройства (и, я бы сказал, глубокой отсталости даже самой нашей отсталости) «работать на ватный дискурс» означает, по сути, создавать его на ровном месте – так что грех мой был двойным.

Вата, чтобы было ясно – это вовсе не патриархально-православное русопятство под чекистским патронажем, как неверно думают некоторые бойцы. Вата – понятие международное и транскультурное, равно обнимающее, например, боевой флаг американских конфедератов и белую традиционную мужскую сексуальность.

Главное отличие ваты от цивилизации в том, что вата по своей природе реактивна. Она не создает повестку дня, ошарашивающую всех неожиданностью, острым запахом и непонятно откуда взявшимся финансированием, а послушно отрабатывает ту, что бросили ей в почтовый ящик «силы прогресса» – и при этом надеется победить в культурной войне, на которую ее вызвали этой самой повесткой. Ну-ну, Бог в помощь.

Есть ли у ваты шанс? Нет, пока она остается ватой. Вот салафиты и укры перестали ею быть, разослали всем свои повестки – и у них шанс появился. Они теперь – альтернативные проекты. На самом деле все просто – как сказал великий Гете, лишь тот достоин жизни и свободы, кому дают финансовый ресурс.

Но пусть эту важную и запутанную проблему разбирают титаны фейсбука. Я же скажу только, что для профессионала без личных политических пристрастий вата и цивилизация идеально дополняют друг

друга – примерно как тампон и международный женский день.

В качестве иллюстрации своих слов приведу кусочек из второго обзора по золоту, написанного мной одновременно с первым, но для другого издания – в порядке утилизации не востребуемых цивилизацией смыслов:

«Удивительно, но сегодня мы оказались в мире, где нет реального мерила всеобщей стоимости. Если, конечно, не считать таковым листочки пресованной мацы с портретами масонов восемнадцатого века, обеспеченные долгами сидящих на вэлфере афроамериканцев (и афроамериканок, Аарон, афроамериканок тоже – не зря ведь их портреты ставят теперь на банкноты вместо масонов).

Последние десять тысяч лет мерилом стоимости было золото. Но сегодня нам говорят, что оно устарело. До такой степени, что стоило Каддафи только заикнуться о введении золотого стандарта в Северной Африке, как его тут же смел восставший народ.

Действительно, стоящие за долларом люди (или, вернее, силы – ибо насчет их биологической природы окончательной ясности нет) научились серьезно качать цену золота в своей зеленой бумаге. Цель у них одна – сделать доллар незаменимым.

Наивные чекисты думали, что трюк – это контролировать как можно больше месторождений нефти и газа. Но действительный трюк – контролировать мировые деньги, за которые нефть продают. Они возникают из ничего, но при этом безальтернативны (даже идиоту понятно, что остальные мировые валюты вторичны по отношению к доллару и являются просто его функцией). Единственной реальной альтернативой баксу до самых последних времен оставалось древнее как мир золото.

Допустим, вы печатаете эти самые доллары – ничем не обеспеченные расписки, ходящие в качестве средства платежа. Золото – ваш естественный конкурент. Как вам его одолеть? Я не буду углубляться в частности – опишу только самый общий принцип (конкретика чуть сложнее, но не меняет сути).

Продавайте бумажное золото в огромных количествах каждый раз, когда кривая XAU/USD оказывается возле критических точек, роняя его стоимость и теряя много «денег» – убыток для вас не важен, потому что вы свободно эмитируете из межпланетной пустоты те «условные единицы», в которых его несете.

Дети верят, что если переливать воду из одного стакана в другой над ухом у спящего, он описается. А взрослые и серьезные – может быть,

самые серьезные на планете дяди – поступают еще проще: они переливают из пустого в порожнее на «Комексе», пока контролируемые ими медиа погружают людей в сон.

Вы не можете покупать «золото» сами у себя, но правая рука Картеля может продавать опционы левой (названия операторов опущены из соображений национальной безопасности, но все, кто в теме, их хорошо знают). Любой bullion bank^[10] будет счастлив выслужиться перед начальством. Причем делать подобное лучше всего сразу после очередного выступления старушки-процентщицы на заседании Федерального Резерва с обещанием поднять ставки – чтобы для дураков и финансовых журналистов все происходящее казалось «рыночным» несколько лет подряд.

Всем, кроме этих самых финансовых журналистов, видно, какими блоками бумажных расписок эти веселые расшалившиеся ребята кидаются друг в друга по ночам, когда все остальные игроки уходят спать и ликвидность золотого рынка минимальна.

Поскольку торговля идет на рынке опционов и фьючерсов, физическое золото при этом не сдвигается с места – оно просто становится «дешевле».

Вы повторяете эту операцию столько раз, сколько требуется, неся «убытки» и спокойно глядя в глаза так называемому «регулятору», кормящемуся у вас в обозе.

Дело не в том, что цена золота временно упадет.

Дело в том, что вы напугаете инвестора. Ибо рано или поздно даже самый тупой инвестор поймет, что на золоте сидит кто-то очень большой и мохнатый, желающий остаться неизвестным, и дело тут не в fundamentals^[11], а в том, что рыночные силы порвут любого, еще не понявшего, кто держит рынок. Напугать людей достаточно один раз – и у золота долго не будет покупателей. Цена желтого металла начнет глобальный разворот.

Так работает мировое принуждение к доллару. А потом, не сомневайтесь, в золото вложатся те самые ребята, которые нагибали его к земле.

В общем, если вы думаете, что коррупция – это то, что творится в России или на Украине, вы, как бы помягче сказать, провинциальны и не видели зверя страшнее кошки. Все организации, составляющие рейтинги национальных «коррупций», существуют исключительно для музыкального сопровождения подобных финансовых афер, кормящих целые континенты

– слишком больших афер, чтобы внимательный глаз журналиста мог случайно их заметить.

Но – увы и увы – то обстоятельство, что с помощью долларового станка можно до поры до времени издеваться над золотом, вовсе не делает сам доллар надежным способом сбережения. Сегодня его задрали до потолка, но единственной гарантией его будущей стоимости служат менструальные циклы Джанет Йеллен^[12] (а серьезные инсайдеры уже не раз и не два произнесли шепотом слово «менопауза»).

ДА, ААРОН, Я СКАЗАЛ «МЕНСТРУАЦИЯ ДЖАНЕТ ЙЕЛЛЕН»! А ПОТОМ Я СКАЗАЛ «МЕНОПАУЗА ДЖАНЕТ ЙЕЛЛЕН»!

Yes, we can kick the can^[13], говорил дядя Барак – но всякая Ponzi scheme, или, как выражаются в России, «пирамида», обречена рано или поздно —»

На подобных виражах мне начинало казаться, что Жук на моей спине поднял золотые надкрылья и грозно жужжит – я приходил в себя. Но текст оставался. Нужно было только подредактировать его чуть-чуть – заменить мацу прессованной морской капустой, убрать на всякий случай этого загадочного Аарона Карловича, афроамериканцев и афроамериканок, хижину дяди Барака и прочие неполиткорректные выплески уязвленного ума.

Такая двунаправленная работа была в высшей степени экономична – все расщепленные в моей голове смыслы находили применение, в то время как при труде на одну цивилизацию в мусор уходило пятьдесят процентов выработки. Мне казалось, что я сменил одноктактный движок на двухтактный – и попал наконец в ногу с нашей безотходной эпохой.

Я работал быстро, не останавливаясь, с кривой ухмылкой на губах – когда надкрылья на моей спине раскрывались, мне уже не надо было подыскивать выражения. Достаточно было переводить жужжание в слова.

* * *

Вот так я стал слышать Жука.

Его голос не был в прямом смысле «жужжанием» – я выражаюсь так лишь для того, чтобы подчеркнуть необычность подобного типа коммуникации.

Скорее, это была возникающая в моем сознании цепочка образов,

заряженных эмоцией и волей: как бы комплексный смысловой разряд, пронзавший мое сознание на такой глубине, где существовал один непроглядный мрак. А потом вверх, к светлым слоям осознанного, начинали подниматься пузыри интенций и мыслей – и я замечал, что мне пришла в голову отличная идея.

Так, наверное, происходило и прежде – но сейчас я стал замечать эту глубоководную молнию, мелькавшую время от времени в безднах моего ума (я уже знал, что любой ум – такая бездна, а то, что мы полагаем собой – просто узор на солнечной поверхности воды: не «настоящий» пловец, а контур человеческой фигуры, складывающийся из приходящих с глубины пузырьков).

Когда молния била с севера на юг, я занимался любовью. Когда она била с юга на север – напивался вдрызг. Когда с запада на восток, становился цивилизацией. Когда с востока на запад – ватой. Утрирую, конечно, но совсем немного.

Я нашел происходящему рациональное объяснение: так, говорил я себе, работает любой человеческий мозг – и, ставя перед ним противоречащие друг другу задачи, я просто стал замечать его глубины, скрытые от сознания... Заглянул, так сказать, за кулисы... Ничего сверхъестественного в этих «молниях» нет, уверял я себя. Все хорошо. Я вполне нормален. Просто я вижу на метр или два глубже – и знаю теперь, что спрятано под асфальтом, по которому ходим мы все.

Но все же меня завораживало открывшееся. Именно эти глубинные разряды и были, по сути, мной – потому что все мои действия оказывались следствиями их быстрого и почти неощутимого просверка... Греки не зря верили в Зевса-громовержца – может, они выражали этой метафорой то же самое?

Увы, как бы современно ни выглядела лакированная поверхность нашего ума, в его глубинах сохранились все кривые зеркала и суеверия, среди которых люди блуждали последние сто тысяч лет. Эти слои с тех пор совершенно не изменились (что несколько подтачивает веру в быстрый прогресс человечества).

Поэтому, когда со мной начали твориться странности, я сразу как-то позабыл все свои естественнонаучные гипотезы – и даже испугался, что мой глубоководный суфлер замыслил меня погубить.

Тьма сгущалась надо мной постепенно. Пока перемены касались простых бытовых привычек, я не волновался – и наблюдал за своими действиями с легкой иронией. То же касалось и все более ватных интонаций, появлявшихся в моих финансовых обзорах.

Голос-громовержец, в общем, не требовал ничего чрезмерного – и часто я понимал логику его команд.

Пока эта логика была.

* * *

Жук сказал, что я буду счастлив в любви и встречу родственную душу. Это обещание запало в мою память.

Я был, в общем-то, удовлетворен своими отношениями с Артуром (не хочу втягивать его в эту историю даже мысленно, так что рассказывать про него не буду) – но за годы знакомства между нами накопилась взаимная усталость, а близость выродилась в привычку.

Поэтому я совсем не удивился, когда Жук велел мне обратить внимание на одного молодого умника из Фонда Эффективной Философии, заседающего в фейсбуке.

«Это твоя судьба», сообщила мне одна из глубоководных молний. Причем несколько раз подряд.

Его звали Семен (да, бывают философы по имени Семен) – и его молодое свежее лицо в круглых очках сразу мне понравилось. Он был, как мне показалось, альбиносом – у него была розовая кожа и очень светлые, почти белые волосы. Но это мне тоже нравилось. Он был моложе меня.

Сомнений насчет него не было никаких – у нас так часто бывает при первом взгляде на фотографию. Как сказал один знакомый гомофоб: «знаете, эти мужские глаза, в которых ежедневно отражается чужой член – что-то в них меняется навсегда...»

Я прочитал все доступные статьи Семена – и он надолго погрузил меня в философические мысли. Если они вам не интересны, прыгайте к следующей главе – сюжет они не развивают никак. Но мне кажется, они важны, потому что мы начинаем сближение с другим человеком, пропитываясь теми смыслами, среди которых он живет.

Семен называл себя «либералом» – но не в том кухонном смысле, в каком либералы мы все, а высоком идейном. Он был либералом-философом.

Для москвича это было самой умной и безрисковой лонг-позицией: ясно было, что ФСБ не даст свежим росткам европейского выбора зачахнуть без еды даже в наше смутное время. В России не рекомендуется непрошено подвывать утюгу, кидая камни в либеральную витрину Отчизны, на которую тратит последнюю выручку Газпром – но можно без

всяких проблем годами состоять в непримиримой фронде, откуда набирают кадры для министерства финансов.

Властям ведь не нужны неуправляемые друзья. Властям нужны управляемые враги – чтобы ниша была плотно занята и случайных идиотов в ней не заводилось. Чирикать они могут что хотят – главное, чтобы в час «Х» повернули толпу куда надо. Вот поэтому чекисты будут надувать через камуфлированную соломинку все это либеральное разнотравье и многоцветье, даже если нефть упадет до пяти. А всяких там националистов и патриотов, увы, ждет финансирование только по остаточному принципу. Но вы, я думаю, в курсе и без меня.

Я уважаю любой бизнес – и мне в голову не пришло бы требовать от попики, чтобы тот сам верил в своего бога. Семен в него и не «верил» – сама подобная постановка вопроса была абсурдной. Он был современным оператором смыслов – и не служил идее, а торговал ее деривативами, тщательно обдумывая, с каким продуктом выйти на рынок.

Например, он постоянно повторял: «либерализм исходит из простой идеи – человек принадлежит самому себе. Это есть главная аксиома...» и т. д. и т. п. Про это он мог рассуждать печатными листами, и довольно связно. Но он никогда не задавался вопросом, что вообще значит «принадлежать себе», кто реальный бенефициар этого воображаемого офшора и через какие механизмы происходит контроль. Семен не интересовался этим не потому, что был полным идиотом – а потому, что сознательно кривил, так сказать, туннелем эго.

Как философ он, конечно, все время *лгал*. Не в том смысле, что говорил неправду – что есть истина? – а в том, что умно и расчетливо перемещался по полю смыслов, наступая только на те слова, где уже были чужие надежные следы – и именно это было в его философии главным.

Я не видел здесь моральных проблем. Современным философам невозможно было бы жить и работать, если бы они не лгали синхронно сразу всей корпорацией, поглядывая друг на друга для ориентировки – потому что им ни в коем случае нельзя говорить о том главном, что понимает любой трейдер: вся их «цивилизация ценностей и смыслов» принадлежит далеко не себе. Она принадлежит – вместе со всеми смыслами, ценностями и прочими жировыми складками – той самой компании потных от страха фальшивомонетчиков, которую оптимисты называют «мировым правительством».

Если вы занимаетесь золотом, вы знаете все это наверняка, потому что торговля XAU – одна из тех профессиональных кочек, откуда закулисная мировая механика видна безошибочно и точно.

Об этом постоянно пишут в серьезных профессиональных изданиях – потому что играть на рынке, не понимая таких вещей, сложно. Об этом не догадываются только мировые «философы» – но именно в этом и заключается их нелегкий труд.

Картель, управляющий мировыми делами через систему тонкой и многоступенчатой гидравлики, вовсе не таится от бесстрашной философской мысли в сумраке. Он, скорее, сам отбрасывает ту сумрачную тень, в которой философская мысль блуждает, пытаясь понять, на что теперь дают гранты. А на что их дают, проще всего выяснить, посмотрев, чем озабочены актуальные художники, мыслители и прочий гуманитарный корпоратив.

Я не хочу сказать, конечно, что все эти люди куплены с потрохами. Вовсе нет. Мир гораздо жестче. Платить начинают только тем, кто сам пробился в топ – а к этому моменту всякий мыслитель хорошо понимает, о чем мыслить, а о чем нет. Современный Декарт подобен элементарной частице – он проявляется лишь там, где этого требуют расчеты и балансы. Во всех остальных ситуациях он неощутим как электромагнитная волна.

Поэтому все духовные объекты, мерцающие сегодня в гуманитарной вселенной, сделаны из денег. И основной – вернее, единственный – вопрос философии звучит в наше время так: из чего сделаны сами деньги? Но философы умные ребята и молчат по этому поводу в тряпочку.

Конечно, это поразительно: кто-то, пожелавший остаться неизвестным, вынимает прямо из воздуха нечто такое, за что все остальные (включая самих философов) всю жизнь грызут друг другу глотки, а философы тихонько перетирают «за гендер» и ищут, что бы еще осудить или одобрить своим непререкаемым авторитетом. Вот и выходит, что думать обо всем приходится нам, трейдерам.

Скажу честно, основной вопрос ясен мне не до конца.

Глобальная финансовая система опирается на доллар. Вера в доллар, если по науке, основана на балансе платежеспособности ФРС (сорри, слово «solvency» на русский нормально не переводится). А этот баланс... Может, это профессиональная слепота и я чего-то не понимаю, но реально он опирается только на тоненькую жилку золота – если, конечно, не считать долгов американских сами знаете кого друг другу. Фед, правда, очень не любит про это вспоминать.

С другой стороны, говорить, что доллар не обеспечен ничем, все-таки преувеличение – он обеспечен хотя бы десятью авианосными группами. Рубль, с другой стороны, тоже вроде бы подкреплён огромным количеством вполне реальных боеголовок, но они ему отчего-то ни капли не помогают...

В общем, мой третий глаз, похоже, наглухо закрыт и эта тема для меня мутна.

Но если говорить о практическом аспекте, все очень просто. Доллар – это желудочный сок Картеля, с помощью которого тот переваривает мир. Мы все – пища в желудке. А различные комбинации слов и картинок, встречающиеся в информационном поле мейнстрима – это слюна и ферменты.

Вату даже жалко. Она год за годом пытается создать свою элиту, чтобы перестать быть пищей – а элита, развив когнитивные навыки, прикидывает цепким молодым умом, куда все идет, и превращается во враждебную слюну. И не надо никакой конспирологии – вот я, а вот Семен.

Так что на самом деле Семен был примерно таким же либералом, как немецкая овчарка. Он, как и я сам, был *трейдером* (я, естественно, не вкладываю в термин осуждения). Его ватные оппоненты принадлежали к той же философской школе, только были окрашены в другую масть, неумны – и уверенно проигрывали собачьи гонки.

Все это не имело для меня значения – рынок философских категорий и их текущие котировки были мне не слишком интересны. Если вы поняли, что происходит с золотом, вы уже знаете, что происходит с культуркой, политикой, идеями и всем прочим. Сила сама себе это продает и сама у себя покупает (см. мой второй обзор по золоту), а рядом стоят такие вот философы и бренчат на своих лирах о том, что... (см. мой первый обзор). Я собственно, и сам был философом – только по *commodities*. А Семен был брокером по ценностям и смыслам – и работал, естественно, только с теми позициями, которые обещали нормальное ралли.

Поэтому его извод «руссо либерализмо» раздражал меня не своим идеологическим смыслом, а неуместным для пищеварительного фермента пафосом – и особенно постоянными ссылками на какие-то «свободные рынки», которых в мире не осталось года так с две тысячи девятого, что знает любой профессионал (как и все гуманитарии, Семен путал рынок с международным казино, где Картель позволяет Спекуляторам играть чужими сбережениями на старость).

Словом, его философию я всерьез не принимал – да и он сам, скорей всего, тоже.

* * *

Но у Семена было удивительное чувство стиля.

Когда в Париже застрелили карикатуриста Шарли и над российскими сетями взошел тэг «Je suis Charlie», Семен не поддался стадному чувству – и солидаризировался с позицией главы французского королевского дома графа Парижского, осудившего одновременно и убийц, и провокацию. Некоторое время в фейсбуке Семена в качестве юзерпика висела строгая надпись на фоне бледных лилий:

JE SUIS LE COMTE DE PARIS^[14]

Чем он приятно контрастировал со своими соседями. И убрал он эту картинку тоже как раз тогда, когда было нужно, а не тремя неделями позже, как некоторые.

Таких очаровательных мелочей было немало. И еще мне очень нравились консумерические пассажи Семена.

Их он регулярно вывешивал в фейсбуке между бичеваниями и плевками, доказывая материальную эффективность своей философии. Это была продвинутая схема экономотребления по-московски, позволявшая сберегать деньги, сохраняя уважение к себе (и в этом смысле мы с ним были почти близнецами).

Семен относился к тем молодым московским интеллектуалам, что держат на рабочем столе хумидор и постят в интернете подробные отчеты о вчерашней дегустации красного.

Таких много, но Семен выглядел среди них крепким профессионалом. Красненькое у него стоило обычно в районе ста долларов, а сигары были настоящей Кубой – теперь в этом уже не было никаких политических двусмысленностей. Демонстрация акта потребления в его постах имела форму внезапного разговора с невидимым другом о приятных мелочах жизни, а определение самого себя через этот акт было таким простодушно-наивным, что даже вызывало симпатию.

Его профильные боевые листки были, правда, не о сигарах. Он как бы ловил утреннее солнце экраном своего смартфона и слепил им мирового Вия – в надежде, что референты уже подняли тому веки. Маркетинг мобильных приложений походил в его исполнении на «Оду к вольности», и наоборот. В общем, паренек пребывал на самом острие духа. И был настоящим интеллектуалом, не то что помешанный на тачках Артур. Замечу, что нет ничего трогательнее, чем молоденький гуманитарий, рассуждающий о техническом прогрессе. Думаю, что стрэйта примерно так же заводит лепечущая блондинка.

Но особенно меня тешило наше профессиональное сходство. Мне казалось, что мы торчим в информационном поле точно напротив друг друга – как два антипротестных фонаря на проспекте Сахарова (где-то читал про такие).

Мне нравилась метафора. Да, мы не горим (то есть излучаем сумрак) и больно бьем током любого, кого приводит к нам реальная человеческая нужда. Но мы не полностью лишены полезных качеств – у нас можно поучиться недорогим стилистическим решениям.

Хумидор, хорошее красное и приемник метаспама, требующий ежедневной подзарядки и ношения на запястье, уже почти объединили нас с Семеном в одно целое: чем дольше нас подвергают гипнотическим процедурам, тем полнее мы принадлежим себе, я помню, и самое сладостное в том, что одна из этих процедур – ты, мой малыш...

То есть я уже начал придумывать двусмысленные нежные фразы, чтобы вдохнуть в его ухо. Словом, я с удовольствием выполнил бы указание Жука плотно сблизиться с так подробно изученным мною объектом.

Вот только...

Рассказывать о дальнейшем мне неловко – читатель может принять меня за извращенца.

Но придется.

* * *

Примерно в это время со мной началось то, что ватная психиатрия называет «расстройством в сфере влечения». Причем расстройство это было таким, что социализировать его, даже подпольно, не было никакой возможности.

До этого я был малопримечательным в сексуальном отношении человеком – обычным московским геєм-тихарем: постил рыб в инстаграм («у девушек есть над нами странная власть...») и ухлестывал за секретаршами на работе, тщательно дозируя свои пассы, чтобы на приглашение к нежному танцу не пришло вдруг позитивного ответа. Как я жил в остальное время, каждый, кто в теме, понимает сам.

Конечно, жить с такой ориентацией в России непросто. Не столько из-за всеобщей гомофобии, как это иногда представляют на Западе, сколько из-за некоторой, я бы сказал, былинности русского сознания. Русский человек все видит в сказочном свете – и гомосексуальность тоже. И, самое

главное, он постоянно норовит объяснить, как все устроено на самом деле – и его бесстрашная мысль рано или поздно настигнет вас даже за пределами фейсбука.

Одно время я собирал народные мысли и мнения по поводу однополый любви. Например, один из известных московских нациков, с которым я немного общался, когда учился в финансовом, обрисовал суть проблемы так:

– Гомики тоже бывают разные, Крим. Если сравнить немецкую и английскую педерастию, они имеют совершенно противоположную природу. Немецкий гомосексуалист, если заглянуть к нему в подсознание – это кающийся воин, наложивший на себя позорное проклятье и епитимью за то, что предал фюрера. У них на парадах гей-БДСМ вместо «тигров» и «пантер» – умерщвление духа, скрытый протест. И чем яростнее эти белокурые бестии ухают, трахая друг друга в задницу перед камерой, тем страшнее должно быть умному наблюдателю: добром это не кончится точно. А вот англичанин... Англичанин – это гомосексуалист истинный и настоящий, в полном смысле слова, до ногтей и корней волос...

В другой раз я нашел на астрологическом сайте подкаст, где подробно, с диаграммами, объяснялось, что женщины делаются феминистками/лесбиянками (подозреваю, для автора это были синонимы) под энергетическим влиянием рептилоидов-самок с планеты Нибиру.

А совсем недавно таксист-частник с исламскими четками на зеркале, подвозивший меня в четыре утра, сообщил мне следующее:

– Я что слышал, знаешь, да? Всем миром правят масоны. А самый главный в мире масон сейчас лютый пидарас. Говорят, совершенно бешеный – всех вокруг пытается отпидарасить при любой возможности. То есть ебанутый реально. Каждый вопрос к этому сводит. И вообще всю мировую культуру хочет поменять, пока возможность есть. Это с самого верха идет информация...

Концентрированный итог моих антропологических изысканий уместился в одну емкую цитату, висевшую над моим рабочим столом:

«Содомит не человек, показал российский философ Дупин, во всяком случае с точки зрения классической философии. Платон говорил, что человек есть двуногое животное, лишненное перьев. Ощипав курицу, Аристотель заставил Платона добавить к этому описанию плоские ногти. Легко видеть, что на петухов ни первое, ни второе определение не распространяется».

Конечно, можно было долго веселиться, собирая эти духовные искры, что я и делал, предполагая со временем вылепить из них достойный нашего грозного и великого времени нарратив. Но ужас в том, что подобные мемы способны менять ту реальность, где живет их собиратель.

Дело тут не в суевериях, а в безжалостном научном знании. Если верить современным физикам, все воображаемые миры – если мы можем описать их словами – обязательно существуют где-то в мультиверсе хотя бы в виде симуляции. Отчего же, спрашивается, я не могу проснуться в одном из них? Именно в том, какой описываю?

Поэтому из суеверного страха я прекратил фиксировать народные заметы, опасаясь, что если в моей коллекции их окажется слишком много, я просто провалюсь в создаваемое ими пространство. То есть даже не провалюсь, а просто не смогу уверять себя и дальше, будто живу в каком-то другом.

И не подумайте, что я занимаюсь пропагандой гомосексуализма. В отличие от платных наймитов ЦРУ я отчетливо понимаю бесперспективность подобной агитации на суровых российских просторах. Более того, я ответственно объявляю, что ничего хорошего в гомосексуализме нет и он имеет много таких скверных аспектов, о которых натуралы даже не догадываются.

Если у вас есть возможность оставаться натуралом – оставайтесь, в нашей стране вам будет намного проще. Вот только у тех, кому судьба сдала эту карту (или, как сейчас выражаются, набор хромосом), увы, выбора чаще всего нет.

Я часто вспоминал по этому поводу один диалог из дневников Ильи Ильфа. «Вы марксист?» – «Нет. Я эклектик». – «А по-вашему, эклектизм – это хорошо?» – «Да уж что хорошего». Записали: «Эклектик, но к эклектизму относится отрицательно».

Вот это в точности о нас.

Поэтому я только морщился, встречая в сети карикатуры на тему того, что «гомосексуализм излечим». И вдруг выяснилось, что в этой шутке...

Началось все с картинки на моем айпэде. Не помню, как я на нее попал – кажется, искал какую-то информацию для расширенного обзора по commodities и выбрал на длинную статью. Сама статья была очень интересной и утверждала, помимо прочего, что относительная динамика пары LUMBER/XAU (да, древесина/золото – как ни странно такое звучит) способна предсказать поведение рынка акций: когда золото ведет себя лучше древесины, волатильность скоро вырастет.

И волатильность не заставила себя ждать.

Статью иллюстрировала фотография только что поваленного дерева, распиленного необычным образом – его будто бы рассекли от верхушки до корней огромной саблей. Половинка дерева лежала на земле, из нее торчали еще живые ветви – и оранжево-янтарная сердцевина ствола влажно блестела в утренних лучах...

Я почему-то вспомнил, что череп, через который пропускали для ориентировки на местности золотого жука в рассказе По, был прибит к ветке (это, разумеется, превращало сюжет в чистую условность – за несколько десятков лет любое дерево заметно меняет свое положение в пространстве, и описанная в рассказе система целеуказания невозможна). Но это неважно, думал я. Жизнь удивительна, мир полон рифм...

Со мной произошло что-то странное. Я зевнул – и ощутил в груди удивительную искристую легкость, словно только что вдохнул аромат незнакомого прежде счастья. Заклучалось счастье в том, чтобы лечь на этот свежайший влажный срез всем телом. Надо было лечь голым животом и прижаться к этим щепкам, занозам и капелькам смолы. Мысль о смоле, о ее густом и пьянящем запахе, волновала почему-то сильнее всего – и я с изумлением понял, что у меня эрекция...

Я жутко развеселился и вечером рассказал обо всем Артуру. Я специально сгустил краски, сделав свое переживание скорее смешным – в то время как на деле оно было очень волнующим.

Мы немного выпили, разогнались, пошутили насчет молодых пеньков и перешли к делу. И тут я с изумлением понял, что мой мускулистый Артур вызывает у меня... примерно такие же чувства, какие вызывало раньше распиленное пополам бревно. То есть никаких.

Мало того, я даже понял, как воспринимают мужскую телесность натуралы-гомофобы: темные завитки волос на теле Артура, пупырышки на его коже не волновали и притягивали, а вызывали брезгливое желание отодвинуться, словно я оказался в раздевалке слишком близко к чужому потному телу, от которого могу подцепить кожную болезнь.

– Да... мы действительно кажемся им уродами... – прошептал я.

– Что? – спросил Артур и заложил руку за голову, открыв подмышку с чуть влажной темной прядью.

Это свело бы меня с ума еще день назад – но сегодня вызвало почти тошноту. Особенно слегка прибитый женским дезодорантом запах мужского пота.

Что было совсем странно.

Перед нашими встречами Артур действительно пользовался женским «Pink Crush Stick» брэнда «Teen Spirit» – и делал это по моей просьбе. Это

было нашей секретной традицией.

Так уж получилось – однажды, в самом начале нашего знакомства, когда мы впервые остались у него дома на ночь, у него кончился дезодорант. Тогда он залез в шкафчик своей младшей, но очень продвинутой сестры Агаты (она иногда жила в его квартире) – и одолжил этот самый «Pink Crush», который та покупала из-за каких-то музыкально-культурных аллюзий, в то время совершенно мне непонятных. С этим дезодорантом у нас было связано много воспоминаний – и Артур специально затаривался им на Амазоне.

– Артур, – сказал я, – ты знаешь, я себя сегодня совсем плохо чувствую... Ничего не получится...

Он позвонил на следующий день, но я сослался на головную боль. Через три дня – опять. А еще через день он прислал мне с курьером две смолистых доски со строительного рынка. К ним прилагалась язвительная записка (в ней я впервые увидел слова «дендрофилия» и «арборфилия» – Артур не поленился слазить в интернет; он клялся, что в память о наших лучших минутах никогда не опустится до *дендрофобии*).

Но самое жуткое было в том, что вместо обиды я испытал... вожделение к этим доскам. И как только курьер отбыл, я затащил их в квартиру, бросил на кровать... В общем, избавлю читателя от подробностей, хотя они могли бы, верно, развлечь равнодушного к чужой боли человека. Заноза на приборе – не самая приятная вещь.

С тех пор и начались мои муки.

* * *

Разумеется, первым делом я захотел узнать, один ли я такой в мире – и погрузился в интернет.

Конечно же, оказалось, что нет. *Дендрофилия* и *арборфилия* (как и было сказано) оказались почтенными и древними видами спорта; было даже слэнговое выражение «go green». Isn't it good, norwegian wood?^[15] Хиппи, энвайронментализм, очки Боно, дупло «Joshua Tree»... Намеков, рассыпанных по культурному пространству, было множество. Имелась и пара роликов на ютубе – скорее юмористического характера, но эти, так сказать, искры и дым указывали на существование мощного, хоть и глубоко скрытого пламени.

Вместе с тем, четкой и ясной информации было мало. Никакого сексуально ориентированного «общества дендрофилов» или «лиги

арборфилов» не существовало в природе. Я понимал, отчего это так, по себе.

Прочие дендрофилы просто не были мне интересны – как одному сексуально озабоченному натуралу не интересен другой. Я не искал общества подобных себе. Я искал тенистой и прохладной древесной мглы, под сенью которой я мог остаться наедине со своей новой страстью.

В случае крайней нужды я мог обойтись и без живых деревьев: лавка с дыркой из детского анекдота действительно способна была мне помочь.

Но если рядом был лес...

Я стал ездить туда, как другие ходят в массажный, так сказать, салон. Сдирать кору с дерева было для меня так же волнительно, как школьнику – снимать с одноклассницы игрушечный бюстгальтер. Но к моим переживаниям добавлялась странная – и, конечно, неестественная – радость от того, что дерево не может мне помешать, не может воспротивиться: оно было как бы связано, усыплено наркотиками, и моим сообщником в этом сомнительном спорте была сама природа.

Только этого мало, сказал поэт. Крайним, ни с чем не сравнимым по преступности и остроте наслаждением было срубить деревце (иногда я истекал грешным соком, не успев закончить работу), а затем, резко и грубо сбив топором кору, лечь на влажный ствол, еще не знающий, что он уже мертв, убит... Это знал пока лишь я, и гладил еще живое дерево, хватаясь за его ветки, чтобы не сойти от исступления с ума.

А вершиной доступного мне экстаза, той гранью, за которой уже чудились ворота в мир богов, бывал момент, когда на пике наслаждения я видел перед собой *золотую каплю смолы*, где соединялись все милые мне смыслы.

Думаю, гражданам традиционных ориентаций будет сложно меня понять – и хорошо, что так. За наслаждения подобной интенсивности грешников попросту отправляют строить шоссе длиною в жизнь. Я же рисковал только минимальным штрафом за порчу зеленых насаждений и конфискацией топора.

Некоторые деревья были отчетливо женственными, некоторые – мужскими (это зависело от их формы, от выступов коры и характера раздвоения ствола). Но, как ни странно, меня тянуло к женским так же сильно как к мужским – древесный пол был мне не важен. Я оказался, как выразился бы язвительный Артур, *дендробисексуален*. И если я чаще срубал для своей потехи мужские деревца, то лишь потому, что по-сексистски полагал: в небесной канцелярии, где ведется счет моим грехам, за это меньше спросят.

По этой же причине я никогда не трогал маленьких, трогательно тонких ростков, покрытых первыми клейкими листочками – это позволяло мне сохранить хоть какую-то тень респектабельности в собственных глазах. Хотя должен признаться, что сцена из фильма «Табу», где Такеши Китано одним ударом своей катаны срубает юную цветущую вишенку, стала моим видеофетишем номер один – и с большим отрывом. Остальной же фильм со своей кровавой гей-азиатчиной теперь казался мне малоинтересным.

Я могу бесконечно продолжать эту экскурсию по смолистым лабиринтам своей страсти – но подозреваю, что читатель (даже активист ЛГБТ) примет меня за психопата: увы, реальность такова, что радужный флаг было бы правильно поменять на семь оттенков серого, в которых эти обласканные цивилизацией и ненавидимые ватой люди пытаются увидеть свое «разнообразие» и «непохожесть на других» (утверждаю это как один из них).

Если вы мужчина и трахаете других мужчин, это вовсе не делает вас «другим» и «не таким как все». Вы такой же точно, как все, просто трахаетесь с мужиками. И нетерпимость к другим в вас та же самая.

Я знаю, о чем говорю: когда во время нашей последней встречи я попытался нарядить Артура *железным дровосеком*, он сорвал масленку со своей головы и разбил ею мою новую плазменную панель. Хорошо, что я не успел выдать ему топор – а то пришлось бы бесплатно сняться в American Psycho.

После этого я видел Артура только один раз (если не считать, конечно, его новых фотографий с *телочками* в инстаграме). Он назначил мне встречу в натуральном клубе и пришел туда с сестрой Агатой, словно оскорбленный повар, предлагающий клиенту рыбную альтернативу. Сестра у него, кстати, была очень красивая. Мы поговорили, выпили – и разошлись навсегда.

Закончу эту постыдную страницу прямо здесь – и прошу поверить мне на слово: моя дендрофилия, нелепо-смешная со стороны, была глубокой как море, такой же неисчерпаемой и крайне, крайне затратной.

Одна поездка к секвоям обошлась мне в несколько месячных зарплат... Опущу детали – скажу только, что это было как секс с Цезарем (здесь меня поймет и гей, и натурал). Дело в том, что в готическом сумраке древнего леса меня арестовал полицейский, конфисковав кору и двухтысячелетнюю древесину, из которой я планировал выточить *дилдо Тиберия*.

Близость либеральнейшего Сан-Франциско, увы, не помогла. Штраф

был огромен. Но я не жалел ни о чем.

Ля-ля тополя...

* * *

При этом я жил, работал и даже размышлял иногда на вечные темы... Я оставался материалистом и по-прежнему верил лишь в мистику рынка. Как ни велик был соблазн возложить вину за происходящее на Золотого Жука, я не поддавался и считал его привидевшейся мне галлюцинацией.

Наука считает, что «видения», «знамения» и «вещие сны», посещающие человека, возникают из его личного багажа и похожи на результаты вычислений, сделанных в фоновом режиме. Видимо, Жук был моим отражением, как бы образом моего «я».

Я практически не сомневался, что дело обстоит именно так. И все же, проходя мимо церкви, я несколько раз испытывал странный соблазн зайти в это заведение и уколоться самым древним из известных человеку седативов.

Правда, стоило представить себя стоящим со свечой перед иконой – и не по служебной необходимости, как сами знаете кто, а всерьез, – и желание угасало.

Кроме того – и это было куда важнее, – церковь, мимо которой я ходил, была построена совсем недавно и имела такую характерную ауру серьезного бизнес-проекта, что любой контакт с этой энергией был бы неотличим от приобретения миноритарного пакета акций и последующих бесед с представителем фирмы-эмитента.

Самое же главное, это было капитуляцией, после которой от меня осталась бы только пыль. Мне пришлось бы отступить от слишком многого и жить в облаке греха вместо облака «apple».

Я, однако, все еще колебался.

Спасло вот что: однажды я увидел на своем пути свежую табличку с крестом, стрелкой и словом ХРАМ – и прочел слово как «Экс-пам», успев даже предположить, что это новая разновидность религиозного спама, названная так в честь Св. Андрея. Мысль меня рассмешила, и наваждение прошло.

Я чувствовал: пока я остаюсь последовательным материалистом, в моей дендрофилии еще нет ничего страшного. Это был просто психический дефект – а кто сегодня без них? Хотя я и бегал голый с топором по лесу, я не убивал людей и был во всех остальных отношениях

нормальным членом общества, даже платил налоги.

А вот если бы я отказался от трезвого взгляда на жизнь, тогда моя вселенная немедленно заполнилась бы ангелами, демонами и необходимыми для техобслуживания бородатыми специалистами в рясах, приехавшими в мою душу на свой кадильно-распевный корпоратив. Нет, спасибо – я держался за свой материализм так же крепко, как деревенская бабка за икону.

Поэтому меня поражало и даже оскорбляло, что в моем собственном бизнес-издании печатали иногда совершеннейшую лабуду: какие-то кандидаты физико-технических наук писали прелестное и смутное – мол, природа сознания непонятна до сих пор... квантовые трубки... дуальность... мировая душа... И это – прямо под кросс-курсами валют и ценами на золото и нефть.

Я подозревал, впрочем, что они по работе заняты тем же, что и я – генерируют энтропию. Мне самому вопросы материи и духа были ясны настолько, что я мог при необходимости прочистить загаженные юные мозги – это, кстати, и произошло, когда Артур привел на нашу последнюю встречу сестру Агату, приехавшую в Москву из Гоа, чтобы поднять финансирование на следующие полгода у моря.

Агата оказалась настоящей красавицей – и была при этом похожа на брата. Артур со смехом рассказал, что его назвали в честь писателя Конан-Дойля, а ее – в честь Агаты Кристи.

Если бы я увидел Агату на год раньше, я бы, наверно, развлекся, мысленно перевоплощая ее в другого Артура – совсем еще юного, свежего и переодетого в женское платье (подобная медитация позволяет отжать небольшой эротический контент, все-таки содержащийся в женщине – у нас его называют *рыбий жир*). Но теперь...

Меня волновали не Артур с Агатой – а доска стола, за которым мы сидели. Она была залита прозрачным лаком, и тонкий древесный узор казался мне бесстыднейшей из порнографий, которую, к счастью, в самых нескромных местах закрывали пепельницы, тарелки и стаканы.

Агата, как и все чиксы в этом возрасте, была высокодуховным существом (и мезозойским рыбьим мозгом осознавала, конечно, что это сильно поднимает ее капитализацию).

– Мысль непредсказуема, – говорила она, потряхивая бусами и брелками с профилем какого-то бхагавана. – Никто не знает, что такое сознание.

Почему-то все они любят «Байлиз» со льдом. Наверно, там есть вещества, в которых нуждается молодой женский организм, готовящийся к

продолжению рода.

– Я знаю, – ответил я. – И сейчас объясню. Вот простейшее рассуждение, которое ты, милое дитя, сможешь повторить сама, когда уедешь в свое Гоа и дяди не будет рядом... Итак...

Дальше я загнул по очереди три пальца.

– Мысли – это эхо электрических разрядов в нейронных цепях мозга. Сперва происходит разряд, а потом появляется мысль. То, что мы осознаем ее с задержкой – доказанный научный факт. Это раз. Электрические разряды, как и все другие материальные эффекты, зависят только от начальных условий и физических законов. Это два. Значит, наше мышление – это такой же материальный, предопределенный и предсказуемый процесс, как движение бильярдных шаров по сукну или бег планет вокруг солнца. Это три...

Бедная девочка так и не нашлась, что ответить.

Надо сказать, я ни разу не встречал убедительного возражения на этот силлогизм. И действительно – как возразить? Говорят, что сегодня физики как-то подверстывают к делу свою квантовую неопределенность – но это пока просто болтовня. Если Бог играет в кости, то Он знает, что у Него выпадет, даже когда Он этого не знает. Думаю, со временем Ватикан это разъяснит.

Я всегда верил в простой причинно-следственный мир – и меня завораживала подразумеваемая им картина. Выходило, что курс доллара к юаню и цена на нефть, скажем, через три года, два месяца и четыре дня уже в сущности определены – и неизвестны никому лишь потому, что в любой человеческой модели невозможно учесть все переменные.

Пятнадцать миллиардов лет назад вселенная начинала расширяться, и уже тогда все мои желания и интенции – даже такие тривиальные, как желание почистить зубы или сходить в туалет, – были полностью предопределены. Точно так же заранее заданы взлеты и падения бизнесов, траектории стран и судьбы народов.

Это может показаться неправдоподобным, если вы, к примеру, содержите в Москве небольшой ресторан. Или работаете совестью нации. Или, что бывает особенно часто, совмещаете оба занятия. Тогда из-за постоянных профессиональных коллизий вам кажется, что и материальная, и духовная реальность меняются абсолютно непредсказуемо и хаотично.

Но если вы трейдер, то в душе вы знаете, что все в нашем мире предрешиено.

У трейдеров есть целое искусство чтения графиков – charting. Вы глядите на кривую изменения стоимости вашего актива за долгий срок,

накладываете на нее особые математические треугольники и ассимптоты (не буду уходить в детали, они весьма эзотеричны) и с высокой степенью точности предсказываете, как будет дальше меняться цена.

Разве было бы такое возможно, не будь судьба мира заранее записана на скрижалях? От обычного смертного будущее скрыто, но те, кто состоит при Деле, давно научились заглядывать в щелочку и видеть все необходимое.

Нет, мы не знаем, конечно, полной картины грядущего, но фокус именно в том, чтобы увидеть в щелочку ровно столько, сколько необходимо для получения прибыли – и отвернуться от остального. Это по какой-то причине допускается. Захотите большего, и против вас повернутся законы природы. Согласитесь на меньшее – обидятся акционеры. Так работает весь Уолл-Стрит, а не одни только гадалки и ясновидцы.

Иногда, пробираясь с топором под мышкой сквозь лесную чащу, я думал об этих великих тайнах – и страх, сопровождавший мои экспедиции за счастьем, придавал моим мыслям остроту афоризмов.

«Будущее состояние материальной Вселенной определяется настоящим, а мозг – просто материальный объект. И я, и все остальные материальные тела, сквозь которые дует сквозняк мыслей – всего лишь следствие событий, случившихся в далеком прошлом».

«Свобода воли на самом деле просто синоним неосведомленности – и заключается в том, что никто пока не построил компьютера, способного рассчитать уже заданные события и эффекты, которые произойдут в нашей психике. Единственный компьютер, действительно способный это сделать – сама разворачивающаяся Вселенная, но она считает с такой скоростью, что предсказание события совпадает с ним самим...»

«Мысль так же материальна, как мираж в пустыне».

А потом я находил свое дерево – и забывал про все.

* * *

Снаружи я был весел, обворожительно циничен и благополучен – но изнутри моя жизнь стала кошмаром.

Я не решался пойти со своей проблемой к врачам, понимая, что сразу окажусь в дурдоме – туда в нашей стране могут посадить вообще кого угодно, от радикального художника-акциониста до простого бухгалтера, которого облучили пришельцы. А тут...

Допустим, я рассказал бы врачам про дендрофилию. Это они еще

нашли бы в своих каталогах. А потом меня спросили бы – а когда это началось? С чего?

И тогда мне пришлось бы поведать про свой разговор с Золотым Жуком. А там и про суицид... Возможно, по отдельности московские доктора еще смогли бы это переварить – но вместе... А если бы вдобавок вскрылась моя привычка бегать по лесу в плаще, накинутом на голое тело, с дорогим американским топором в подплечной петле...

Я сам запер бы такого пациента в мягкую камеру. И посадил бы, наверно, на какие-нибудь сильные седативы – из тех, которые больше похожи на сельскохозяйственные удобрения для подкормки овощей.

В общем, медицина мне помочь не могла. Она могла мне только помешать, и сильно. Мне приходилось жить со своей дикой невозможной тайной – и каждый день делать вид, что я такой же, как окружающие меня люди – геи, натуралы и женщины.

Мало того, судьба словно издевалась надо мной. Я встретил наконец в оффлайне Семена, так вероломно обещанного мне Жуком.

Я увидел его на одном из тех загородных экономических семинаров, где сидящие на чемоданах специалисты Высшей Школы Экономики объясняют конным чекистам, что настоящая суверенность лишь тогда чего-то стоит, когда опирается на казначейские обязательства США, а гарантией подлинной многополярности в нашем непростом мире может быть только долларовая база. Светское мероприятие, почти что матч в поло.

Семен сидел в первом ряду, стильно и ярко одетый, в дорогих наушниках. Сперва даже непонятно было, кого он слушает – меня или музыку.

Почему он здесь, было ясно вполне – мы ведь не дети и отлично знаем, кто сегодня кормит наших либералов: бесчеловечно было бы снять людей с западного финансирования, не предложив взамен своего. Растить сто цветов, чтобы с самого начала держать под контролем всю клумбу – это, кажется, называется, «активное мероприятие».

Я говорил в той доверительно-простецкой манере, которую так любит подобная аудитория, всегда почему-то уверенная, что ей излагают самый свежий и точный инсайд – хотя сообщают ей обычно банальности, понятные и умному школьнику. Я в этом смысле не был исключением и отрабатывал свой гонорар без излишнего энтузиазма, сгибая послушливые слова строго под вкус собравшихся.

Про золото я говорил немного дольше, чем требовалось, и объяснил, что никакого падения ХАУ по большому счету не было, а был рост доллара: во всех остальных валютах – евро, йене и особенно в какой-

нибудь там норвежской кроне – золото ведет себя надежно, не говоря уже о деревянном. Потом я немного рассказал, как работает долларový насос, сделав одно отступление, обычно радующее вату:

– Валютная ипотека не есть наша национальная проблема. Долларový Картель – это росзянка. Вот представьте, летит какая-нибудь азиатская муха – и видит красивый цветок. Муха садится и набирает бесплатных кредитов в дешевом долларе – в полной уверенности, что нашла бесконечный источник нектара. А потом доллар взлетает на тридцать процентов к ее валюте, цветок закрывается – и мухе надо отдавать совсем другой кредит. Эта схема внешнего экономического пищеварения известна всем, но я хочу обратить ваше внимание вот на какой ее аспект: в ней не задействована ни одна материальная сущность вообще. Чисто духовный процесс. Поэтому Дух Денег – вовсе не метафора. Это в нашем мире реальность номер один. Но, как вы понимаете, «Эго Мацы» вряд ли вам про это расскажет...

По ледяному молчанию зала я понял, что зря ляпнул про эго мацы.

Когда стараешься говорить приятное любой аудитории, нередко происходят ошибки, поскольку ни одна аудитория сама не знает до конца, что ей приятно, а что нет, и подобная беспринципность способна оскорбить людей, показав им, что ты о них думаешь... И потом, в чем, спрашивается, был циничный расчет? Обругать конторское радио, выступая перед конторой? Майор Карнеги нервно перевернулся в гробу и закурил.

К счастью, начались вопросы.

А разве сама Америка не страдает от сильного доллара, спросил меня какой-то пожилой мужчина, похожий на ельцинского товарища по теннису.

– Так точно, – ответил я, – страдает. Сильный доллар их экспортерам нужен примерно так, как нам тридцатка за баррель, потому что экспорт становится дорогим и падает. А у них это – около половины прибыли больших корпораций. В Китае сейчас кисло, юань падает, евро тоже топят изо всех сил – причем сами европейцы. Но долларový Картель и Америка – не совсем одно и то же. Вернее, совсем не одно и то же. Поэтому пока одни жуки опускают евро с юанем, другие жуки поднимают доллар...

Семен чуть нахмурился, словно увидел тучку на ясном небе. Все-таки слушал он не музыку, а меня. Но я уже понял, как завоевать его сердце.

– А наши вожди... Как бы это помягче объяснить. Вот в восьмом году наехали на грузинов – и одновременно прикупили трежерис^[16]. И все было чики-чик. А тут... Ладно наехали на укров, ладно Сирия – но ведь стали при этом демонстративно покупать золото, а из трежерис – выходить... Ну вот американцы тоже вышли. В смысле, из раздумий.

Семен по-детски улыбнулся, и все следы непогоды сдуло с его лица.

Чекисты тоже заулыбались – они любят подобную фронду: она кажется им свидетельством искренности. Они, скажу вам по секрету, вообще обожают нас, либералов – и втайне завидуют нашей свободе. Но больше всего они любят, конечно, когда им пересказывают их собственную мифологию.

– Вернее, не американцы, а англичане, – продолжал я, избегая смотреть на Семена. – Потому что, как присутствующие хорошо знают, это не МИ-6 ходит под ЦРУ, а наоборот. Так что сначала принц Чарльз поехал в Саудовскую Аравию и станцевал с ребятами из местного королевского дома танец с саблями. Не по Хачатуряну, а под местные звуки. И немного с Саудами пошептался – ну, как принц с принцами, они только такой уровень понимают. Тогда-то саудиты пробку из бочки и вынули...

Семен устало поморщился.

– Дешевая нефть тянет за собой остальные коммодитиз. Сильный доллар давит на них сверху. А сделать доллар сильнее можно не меняя ставку. Достаточно, чтобы старушка-процентщица из ФРС обещала это каждый месяц. Такое у них называется «forward guidance»^[17]. Для Америки сильный доллар и положительная ставка – это неприятно, но терпимо, к тому же притягивает капитал. А вот для нас низкие коммодитиз – смерть. Это как мощный дядя душит доходягу-тинэйджера под водой. Дядя тоже дышать хочет, но не так сильно, он дольше может без воздуха...

Семен даже хохотнул.

– Хотя, с другой стороны, дядя тоже утонуть может... Он ведь гниловатый уже, если честно...

Семен опять нахмурился.

– В общем, вечно так тянуться не будет, – продолжал я, – но ведь и душить доходягу долго не надо. Как говорил великий Кейнс, the market can stay irrational longer than you can stay solvent^[18]. Доллар сильный, пока мы с вами дышим и разговариваем, а потом зеленого опять сдуют, так что сейчас очень хороший момент войти в ХАУ. Если вы еще не поняли, к чему я все это говорю...

Семен задумчиво закрыл глаза, словно размышляя, не уйти ли правда из USD в ХАУ, и если да, то в каких масштабах.

Я заметил, что какой-то господин с бородкой тянет руку, чтобы задать вопрос – и ткнул в него пальцем.

– Прошу вас.

Господин поднялся на ноги. В руке у него появилась сложенная

бумажка, что меня немного насторожило.

– Это вы хорошо пошутили насчет мацы, – сказал он. – А я тут одну статейку вашу читал, Кримпай Сергеевич, которую вы под псевдонимом напечатали. Вы там тоже интересно выразились, дайте-ка я процитирую...

Он развернул свою бумажку.

– Вот. «Если разобраться, единственная опора доллара в долгосрочной перспективе – это рептилоидная хуцпа Федерального Резерва...» – он поднял на меня очень внимательные глаза. – Скажите, откуда у вас такие сведения? Вы где-то про это прочли? Или, может быть, кто-то устно вам сообщил?

Над залом пролетел смешок.

– Нет, не сообщил, – сказал я, даже покраснев от смущения. – Простите, как к вам обращаться?

– Капустин Федор Михайлович.

Я непроизвольно дернулся, и в зале опять засмеялись.

Это был тот самый Капустин, чьи деньги я потерял.

Теперь я узнал его (раньше я видел только фотографию без бороды и усов – они превратили его в чеховского доктора).

– Товарищ генерал... Я имел... Я хотел... Мы вообще-то не раскрываем своих источников...

– В этот раз придется, – сказал Капустин под хохот зала.

Я вдруг с размаху успокоился.

Как же нелепо было думать, что подобное существо могло заказать кому-то меня – или моего покойного партнера. Какое там. Это ведь не итальянский нобиль восемнадцатого века. Не убийца, а просто чиновник. Все, что он может – это шить двести восемьдесят вторую. Что он, наверно, прямо сейчас и делает – рефлекторно, как медуза.

– Хорошо, – ответил я, – объясню. Хуцпа – это идишизм, означающий предельную наглость. Такую наглость, которая берет города. А слово «рептилоидный» имеет здесь метафорический характер. В смысле «нечеловеческий». Я в рептилоидов вообще-то сам не верю. Но приходится говорить на языке аудитории. Что делать, если нашим людям так понятнее. А смысл высказывания в том, что поднимать учетную ставку на пороге рецессии, да еще когда во всем мире ее, наоборот, снижают – это действительно требует нечеловеческой наглости. Вся их хорошая статистика по рабочим местам – фикция и подтасовка, потому что создаются в основном низкооплачиваемые работы с частичной занятостью. Типа подметать тротуар перед Макдональдсом два раза в неделю. И любому занятость – это *lagging indicator*^[19]. Реально они или уже в

рецессии, или вот-вот в нее свалятся, а жесткую монетарную политику при рецессии не проводят. Это значит, ставку опять придется снижать – или вообще делать негативной, как в Европе. Неизбежно начнется новый раунд количественного смягчения. При этом доллар, конечно, будет падать, отсюда негативный долгосрочный прогноз. Извините за идишизмы, у меня к ним любовь от бабушки.

Про бабушку я наврал – чтобы он и думать забыл про двести восемьдесят вторую.

– Понятно, – сказал поскучевший Капустин. – Вы вообще хорошо излагаете, Кримпай Сергеевич. Мы вас, наверное, пригласим для консультаций...

– Буду счастлив помочь, – ответил я.

Боже мой, вот она – Россия двадцать первого века. Как объяснить этому человеку, что сама необходимость говорить на подобном ватном жаргоне – отвратительном и нелепом, согласен, – вызвана в конечном счете такими, как он? Той средой, которую они создали? Воздухом, который они пропердели насквозь? Ведь эти Капустины даже не чувствуют, как душно в той пропасти, куда они спихнули Россию... Пригласят для консультаций, надо же. Пусть вызывают повесткой.

Тем не менее пережитого страха и унижения оказалось достаточно, чтобы сразу после лекции я ретировался, не оглянувшись на Семена. А мы ведь могли познакомиться – таким, возможно, и был замысел судьбы. По его лицу, по тысяче мелких деталей было совершенно ясно, что... Впрочем, я уже не мог сказать «тоже».

Теперь меня куда больше волновал стул из Икеи, на котором Семен сидел во время лекции. Светлая фанера с разлетным и вольным рисунком...

* * *

Я не пошел ни в церковь, ни к психиатру.

Но все же я не удержался от визита к гадалке, или, как она себя называла, «православному экстрасенсу» (по-другому сейчас сложно). Она работала под псевдонимом «сударыня Анна». Меня привлекло то, что не надо было излагать анамнез: клиенту вообще не следовало открывать рот, она «слышала его боли» сама... На таких условиях я готов был пообщаться даже со знахаркой.

Сударыня Анна принимала в чем-то вроде старого деревянного сарая, стоявшего во дворе зажиточного загородного дома с несколькими

машинами в гараже. Внутри сарая пахло сеном (его там было довольно много) и старым деревом. Я увидел у стены древнюю прялку (видимо, выкупленную в этнографическом музее) и стоящее на четырех высоких ножках корытце с водой, над которым поднималась доска с щелью для лучины.

Это приспособление, чуть похожее на молоденького деревянного жеребенка, приподнявшего попку мне навстречу, сразу показалось мне настолько бесстыдным, сексуальным и запретным, что я даже опустил в смущении взгляд.

Сударыня Анна (кресты, кокошник и два настороженных глаза) сидела на стуле именно возле этого корыта. У нее было скуластое лицо сельской продавщицы и вульгарно яркие губы. Мне пришлось сесть на второй пустой стул – прямо у источника соблазна.

Я предполагал, что знахарка будет щупать мой пульс или глядеть в глаза – но вместо этого она дала мне лучину.

– Потри о голову, – сказала она.

Я подчинился. Тереть пришлось долго, дерево возбуждало – и мне начало уже казаться, что я попал в бордель строго по своему профилю. Но знахарка, к счастью, прервала эту двусмысленную процедуру, отобрав у меня лучину, после чего вставила ее в раздвоенную доску над корытцем.

– Сейчас огонечек все расскажет, – прошептала она и зажгла лучину от замотанной в бересту зажигалки.

Лучина ярко занялась, быстро прогорела (кажется, она была пропитана чем-то еще кроме моего кожного сала), и ее остатки упали в воду, где с шипением угасли. Только теперь я понял, что этот двусмысленный жеребячий снаряд – просто старинный осветительный прибор с контуром безопасности.

Сударыня Анна погрузилась в изучение угольков. Это продолжалось минут десять, и к концу процедуры она как-то даже состарилась. Потом она подняла на меня глаза и задушевно сказала:

– Ты, голубчик, вот что знать должен. У каждого из нас есть ангел, который нас создает по божьему образу и подобию. И злой демон, который хочет переделать нас под себя. Ангел на правом плече, а демон на левом. Ты то ангела слушаешь, то демона. А надо тебе пойти в молитве к ангелу, упасть ему в ноги и во всем повиниться... Обо всем-всем рассказать, что на душе. Он тебе поможет, и от демона защитит.

Я сообразил, что она повторяет одно и то же заклинание каждому клиенту – именно по этой причине ей и не надо пачкать мозги об индивидуальные проблемы. Это меня разозлило.

– А что делать, – спросил я, – если у меня нет ни ангела, ни демона, а есть кто-то третий, непонятный? И не на плече, а на спине?

– Ну тогда иди к нему, – сказала знахарка. – Что ж тебе еще делать?

– А как я к нему пойду?

– Да как раньше ходил, – сказала она, спокойно глядя мне в глаза. – Ты ж его знаешь, верно?

Мне стало страшно. Я поднялся, положил на стул деньги, молча вышел во двор и сел в машину.

Через полчаса езды я остановился и съехал на обочину поразмыслить

Она что, правда была ясновидящей?

Нет, это вряд ли. Просто хороший техник-коммуникатор, слушает, что ей говорят, и делает выводы... Действительно, если я ей рассказал про кого-то у себя на спине, я ведь его знаю? Значит, каким-то образом к нему ходил. Ну вот она и сказала – сходи, мол, туда опять, голубчик. Будь я знахаркой, ответил бы клиенту так же.

Но почему-то до разговора с ней эта простая мысль не приходила мне в голову.

Действительно, если я встретился с Жуком в результате определенной процедуры, и после этого начались мои проблемы – почему бы эту процедуру не повторить? Не самоубийство, конечно. А, так сказать, само погружение. Надо наконец выяснить этот вопрос у Сера. Почему я так суеверно его боюсь?

То есть понятно, конечно, почему... Но хватит уже, хватит.

Я вынул телефон и, не раздумывая больше, набрал его номер.

– Сер, это я. К тебе можно заехать?

Он не удивился.

– Когда?

Я прикинул время на дорогу.

– Часа через полтора-два. Не бойся, все нормально. Надо поговорить.

– Я и не боюсь, – сказал он. – Валяй, заезжай.

У Сера дома все было по-прежнему, только к Мику Джаггеру на стене добавился плакат группы GORGOROTH (длинноволосые люди с гримом типа «ужоснах», в пулеметных лентах и перевернутых крестах). Серверов с мигающими лампочками было уже не два, а три. На третьем стояла роликовая доска с очень убедительно прилипшим песком.

Я коротко рассказал Серу о своем опыте и чудесном спасении, сразу же объяснив, что очень рад постигшей меня неудаче, не держу на него зла и претензий не имею. Жука я не упоминал – говорил только про очень необычные глюки.

– Извини, брат, – сказал Сер. – Я такие вещи не могу комментировать. Твои тараканы – это твои тараканы.

– Хорошо, – ответил я, – комментировать не надо. Но объяснить-то можешь? Слово даю, никому не скажу. Вообще никому и никогда.

Видимо, тонкая разница между двумя глаголами подействовала на прибитого акселем Сера. Он горестно вздохнул и сел на один из своих серверов.

– Я ж тебе говорил, я в домике, – он сделал соответствующий жест руками над головой. – Доведение до самоубийства – это статья. Или там эвтаназия, или еще что-нибудь – они всегда как надо упакуют. У меня куратор есть, я о таких случаях докладываю. Я и доложил – мол, так и так, один пидор решил вскрыться. В смысле, не расчехлиться, а коньки отбросить... Извини, с ними только так говорить можно, сам-то я нормально...

– Неважно, – перебил я.

– Ну вот он и велел тебя послать подальше. А потом вдруг перезвонил – и говорит, ты это, деньги возьми. А дашь ему нашу специальную пилюлю. С гарниром, чтоб он охуел...

– Какую пилюлю?

– Специально для тебя выдал. Сказал, что новое военное средство по борьбе с психическими девиациями. Приводит в норму при отравлении психотропами и так далее. И, самое главное, купирует суицид. Куратор сказал, ты потом спасибо скажешь. Угадал, че...

– Может, они новые препараты испытывают?

– Вряд ли, – пожал Сер плечами. – Просто бабки с тебя сняли.

– А врачей кто вызвал? Откуда они знают, где я живу?

– Я сбросил куратору твой телефон, – ответил Сер. – Адрес пробить пять минут. Может, они как-то следили – где, чего. Сейчас ведь у каждого с собой поводок. Через камеру видно, по микрофону слышно, с местом тоже полная ясность. Извини, брат, что не предупредил, но ты бы денег тогда не дал. А куратор про бабки уже услышал, ту сумму, что ты назвал – и велел ему занести, мне только пять сотен перепало. Пришлось бы свои отдать. А я на нуле... Конторский препарат был в кишечной капсуле, это которая с ободком.

– А чего ты мне еще дал? – спросил я. – Что за гарнир?

– Ой, а я уже не помню, что у меня тогда было. Сколько времени-то прошло...

– Вспомни.

Он задумался.

- Ты во время трипа икал?
- Издеваешься?
- Нет, – ответил он. – Сейчас объясняю.

Он действительно принялся объяснять – и очень подробно. Сначала он рассказал про «sandyflipping» – так назывался трип на коктейле, как он выразился, из «кисляка и шульги». «Кисляк» давал глубину и контент, а «шульга» – эмоциональный файервол. Альтернативный коктейль назывался «hippyflipping», это когда вместо «кисляка» брали «псилу», она была мягче и умнее, но в комбинации с конторской пилюлей, как предупредил куратор, вызывала икоту. «Гарниром» называлась одна из этих двух комбинаций. Так что, если не икал, значит по первому варианту, с «кисляком»...

Этот фармакологический разбор был мне малопонятен. Мы с Артуром, как многие в нашем кругу, изредка баловались кристаллическими метами – и каждый раз после этого я несколько дней чувствовал себя так плохо, что зарекался повторять. Но похмельное омерзение забывалось быстро и бесследно – где-то я слышал, что именно эта особенность человеческого мозга и делает нас потенциальными алкоголиками и наркоманами.

Прочие же танцевальные субстанции были мне знакомы плохо – в юности я прошел мимо, о чем совершенно не жалел. Поэтому я задал только один вопрос – не опасен ли для меня «кисляк» с учетом моей повышенной кислотности. Сер выразительно округлил глаза.

– Не знаю, что ты называешь опасностью. Тут у каждого свои тараканы.

- Да, – сказал я, – правда. А эти конторские пилюли у тебя еще есть?
- Будешь смеяться, одна есть. Для тебя оставили.
- Серьезно?
- Угу. Велели выдать. Но только в том случае, если сам вернешься и попросишь. Такой у них, значит, курс лечения... С тех пор и храню.
- Можешь мне опять то же самое намешать? Чтобы все было точно так же?

- А зачем? – спросил Сер.
 - Я в тот раз одно кино не досмотрел.
- Он поглядел на меня с интересом.
- Не вопрос. Я даже бабок с тебя не возьму.
 - Только «скорую» не вызывай, – сказал я. – Хоть раз не стучи, пожалуйста.

Впрочем, я на это особо не надеялся.

За приготовлением моего заказа он пытался вести светский разговор, рассказывая про модные охуяска-трипы – это были путешествия в Южную

Америку, оформляемые через одно турагентство: программа была несколько шире, а стоимость немного выше, чем на бумаге.

Я был хмур, непроницаем и только насмешливо кивал. Через пять минут мой заказ был готов.

– Когда куратор мне эти пилюли дал, – сказал Сер, – я, честно говоря, решил, что контора тебя грохнуть хочет... А потом думаю, а зачем тогда вторая пилюля? Через день покурил, и дошло – это, наверно, если с первого раза не получится... гы-гы-гы... Верно они рассчитали.

Вторая капсула выглядела в точности как первая, только у нее был надрезан кончик – и тщательно заклеен снова. Сер сказал, что на эффект это не повлияет. Гарнир был в крошечном пластиковом пакете.

Все оказалось до одури просто. Приехав домой, я в точности повторил то, что делал в прошлый раз. Даже принял последний душ.

* * *

Я как бы проснулся во сне, в точности как тогда – но на этот раз глубина была больше. Огни остались далеко вверху. Я видел только их отблеск, словно сквозь толщу воды просвечивали разноцветные звезды. Похоже, фазу попов и драконов я проспал.

Света вокруг почти не было. Но зато во Вселенной время от времени раздавался низкий глубокий звук, будто где-то далеко бил колокол невероятного размера – и его звон был похож на долгое «Ом-м-м-м...» Индусы, кажется, верят, что этот звук создает все существующее. Как знать, может, они и правы.

В этот раз я не боялся. Во всяком случае, в первые минуты: я помнил, что не умру, и мое погружение не может быть вечным. А потом я сообразил, что именно так большинство торчков и умирает – на доверии.

В общем, без спазмов ужаса не обошлось, хотя человек-медуза в этот раз за мной не гнался. Видимо, страх был необходимым ингредиентом опыта. Как только мне стало по-настоящему жутко, в алмазной черноте что-то переменялось, и я словно коснулся дна. Вокруг появился слабый золотистый свет, и я различил перед собой черный силуэт – собственную тень.

Я понял, что прибыл, и теперь надо найти источник этого света. Как и в прошлый раз, я вспомнил о зеркале, где разглядывал свою татуировку, сделал сводящее с ума усилие – и бесплотно повернулся.

Жук оказался передо мной.

Я видел его, правда, несколько странным образом – ракурс и угол все время менялись: как будто в пространстве вокруг Жука было установлено множество телекамер, и мое внимание поочередно подключалось то к одной, то к другой, то к третьей. Но в целом я мог разглядеть его хорошо.

Жук выглядел совсем иначе, чем я думал.

У него было яйцеобразное тело золотого цвета – как бы со следами грубойковки. Вверх от яйца отходило что-то вроде продолговатого клюва или сужающейся длинной воронки с зазубренным краем, похожим на выщербленный носик чайника.

Оказывается, в прошлый раз я разглядел всего Жука, но принял его тело за голову и рог огромного насекомого, не поместившегося в моем поле зрения.

Мне показалось, что я уже видел нечто отдаленно похожее на старых картинах – Иеронима Босха или кого-то другого из чокнутых фламандцев: тогда была манера изображать демонов в виде утрированных уродцев, не столько страшных, сколько занимательных и смешных (что отражало, как я подозреваю, нежелание формирующегося финансового капитала принимать прочие космические силы всерьез).

Ни глаз, ни ушей на этом золотом яйце заметно не было – но по смутному дрожанию вокруг клюва мне стало ясно, что органы коммуникации этого существа именно там. Поток золотого света бил из клюва Жука, но не слепил и не мешал. Мало того, я чувствовал, что между мной и этим светом есть какая-то связь.

Постепенно я начал различать окружающее пространство – его панорамы менялись вместе с ракурсами Жука. Это был трехмерный ландшафт, похожий на картинку из микромира – увеличенный во много раз фрагмент мушиного живота или микросъемку пыльцы. Жук лежал – вернее, косо стоял – в углублении, покрытом короткими и очень толстыми волосками. Или это было что-то вроде травы?

Но главное заключалось в том, что я увидел самого себя.

Над клювом Жука парило подобие ажурной вуали – круг еле различимого материала, словно бы легчайший парашют. Этот прозрачный лепесток покрывали цветные узоры и пятна, соединяющиеся в рисунок, смысл которого я немедленно понял несмотря на его сложность.

Рисунок был мною. И чем дольше я на него глядел, тем больше узнавал своих черт – словно идиома обрела буквальность, и мои качества действительно оказались черточками и узорами.

Золотые зубцы и клинья, похожие на орнамент вавилонской стены, были моей неутоленной и несчастной любовью к XAU.

Два симметричных синих зигзага были моей профессиональной привычкой отжимать любую тему на два выхлопа – прогрессивный и ватный, причем ватный зигзаг оказался заметно толще (увидеть это воочию было немного неловко).

Любовь к сигарам была пятном, похожим на серое колечко дыма, а красная запятая, напоминающая комариное брюшко, отражала мое винопитие.

Рядом с дымом и запятой я обнаружил философа Семена – это было розоватое наслоение, занимавшее много места, но казавшееся бледным из-за нашего так и не состоявшегося знакомства: возможность, не сумевшая воплотиться, выглядела белым альбиносным пятном... Таких пятен оказалось довольно много.

На рисунке поместилась вообще вся моя история. Я различал нежные тени детства, яркие всполохи юности и золотые струны успеха, о которых писал в самом начале: они действительно выглядели как струны, порванные черной бороздой моей финансовой ошибки. Я видел даже следы символических побоев, нанесенных мне людьми, чьи деньги я потерял – это были прозрачные потеки, похожие на слюну с кровью. А мой материализм отчего-то напоминал распиленную луковицу с антенной.

Словом, здесь была моя суть.

Все это считывалось с одного взгляда – ошибки быть не могло. Наверно, именно так видят человеческую душу загробные судьи – хитрить или изворачиваться не остается никакой возможности. Заглянув в свое судебное дело, я с облегчением понял, что ничего особо темного, позорного или нелепого в моей душе нет.

За исключением одной только детали.

Это была моя отвратительная тяга к деревьям.

Она выламывалась из общей картины черно-сине-багровым нарывом. Все остальные элементы моего устройства, даже не особо привлекательные сами по себе, гармонично сопрягались друг с другом – но мой недуг не желал соединяться с прочим в одно целое. Этот разбухший либидозный шанкр был явной инфекцией, он не имел ко мне отношения – и доказательством тому было нездоровое красное мерцание по его границе, как бы зона отторжения. Так выглядели, должно быть, мои душевные муки.

А потом Жук обратился ко мне.

Я ощутил нежнейшее прикосновение чего-то легкого к своему сознанию – словно на мой открытый мозг подул ветерок.

«Пришла пора поговорить».

В этот раз я не только отчетливо разглядел Жука, но и стал лучше понимать, как именно мы с ним общаемся.

Облако смыслов исходило из его клюва вместе со светом – и Жук продувал его сквозь мою память примерно так же, как курильщик заставляет кальянный дым пробулькивать через воду. Так рождались те фразы Жука, которые я помещаю в кавычки.

Но на самом деле это была гораздо более широкополосная коммуникация, чем речь. Человеческие слова скукоживались рядом с этим свободным и открытым обменом до морзянки. Слова были нужны мне, потому что ничего, кроме морзянки, я не понимал. Но как только мой мозг начинал придавать смысловому потоку понятную форму, я терял Жука из виду. Поэтому, видимо, во время нашей прошлой встречи я так и не смог его рассмотреть.

Скоро я освоился. Секрет заключался в том, чтобы не сползать в воронку слов слишком глубоко. Если это происходило, следовало успокоить ум, настроиться на пространство, где пребывал Жук, и он появлялся передо мной опять. Это было не так уж сложно.

Жук выразил обеспокоенность – и сочувствие тому, что со мной происходит. Он переживал мою боль как собственную – хотя бы потому, что был вынужден сам создавать ее на моем *пергаменте* (именно это слово возникло в моем сознании применительно к тому легчайшему парашюту, на котором была нарисована моя душа). Он извинился, признавая вину за мое страдание. И выразил недоумение – причина происходящего была непонятна ему самому.

Тем же странным и легким способом я задал Жуку вопрос – его ли я видел в прошлый раз?

«Вопрос не имеет смысла», – ответил Жук.

Тогда я спросил, кто он.

«Это долгий разговор, – ответил Жук, – и он не приблизит тебя к пониманию. Мы не от мира, поскольку мир есть наша запись. Все, что в нем есть – тоже. В Индии нас называли хранителями. В Вавилоне – библиотекарями. В Китае – небесными писцами. Когда-то у людей было распространено искусство, называвшееся «хохмат-га-церуф», и к нам приходили многие из вас. Но сейчас это умение выродилось, и человек у нас редкий гость...»

Он сделал что-то, ракурс моего восприятия изменился – и я вдруг

понял, откуда и как возникаю.

Я уже говорил, что из его клюва-конуса бил поток золотистого света. Этот свет проходил через рисунок на прозрачном *пергаменте* как сквозь слайд – и создавал колеблющееся и дрожащее живое облако. Это облако и было мной.

Пергамент не был моим личным делом, хранящимся где-то в другом месте. Между нами не было никакой разницы вообще. Свет, бивший из клюва Жука, оказался не чем иным, как моим существованием, тем самым бытием, которое я воспринимал как свое собственное. Этот же свет был и моим сознанием – разницы между этими вещами не было никакой.

Несколько секунд я боролся с тошнотой и головокружением – и наконец научился видеть все это, понимать и как-то существовать дальше (на самом деле это зависело не от меня, а только от света в клюве Жука – но именно в этом и заключалась тошнотворность переживания).

«Почему ты создаешь мою боль?» – спросил я Жука.

«Это зависит не от меня», – ответил Жук, и я ощутил предельную учтивость, даже сострадательность его ответа.

«От кого же тогда?» – любопытствовал я, дав понять, что вижу отчетливо: между исходящим из его клюва светом и мной нет разницы.

«У нас записано, – ответил Жук, – что тебе перетянули *каркас*, спасая тебя от смертельного недуга. А ты почему-то стал несчастен».

Все эти примерные – и неизбежно неточные – переводы распускались в моем сознании вокруг того, что он выражал одним кратким и точным мановением ума.

«Что это за *каркас*?» – спросил я.

«Как бы скелет твоей судьбы. Он сделан из особых волокон. Каркас подобен...»

Он послал мне в голову два образа – лыковый лапоть и корзина, сплетенная из прутьев.

«Из чего эти прутья?» – спросил я.

«Из букв, – ответил Жук. – Из букв и слов».

«А откуда слова?»

Ответ пришел не сразу – вернее, я не сразу понял, что это ответ. Мне показалось, что я вижу ночное небо, кишачее огоньками – словно бы в нем летали разноцветные светляки. Жук дал понять, что это универсальное хранилище, полное разными смыслами из прошлого, настоящего и будущего.

«Вот здесь мы дерем свое лыко», – пошутил он.

Дальнейшее Жук объяснил наполовину словами, наполовину

образами: в каждом каркасе есть слова и буквы нескольких языков: изначального, вечного, древнего, живого и внешнего, то есть в моем случае человеческого. Слова и буквы находят друг друга сами. Причина моих проблем вряд ли в них.

«Могу я увидеть свой каркас?» – задал я вопрос.

«Зачем?»

«Прочитать его. Раз он из слов».

Жук выразил недовольство – для него в моей просьбе содержалось что-то унижительное. Это было примерно как попросить художника показать холст под краской.

«Но мне очень-очень плохо, – объяснил я. – Пожалуйста. Пожалуйста».

Жук скорбно согласился.

Прямо перед моим лицом вывесилось что-то вроде темного плата – и на нем (вернее, в нем) появилось то, что Жук называл *словами*.

Это было похоже на модель молекулы, собранную из разноцветных атомов – какие показывают в научно-популярных клипах. Только на месте атомов были *слова*. Они не слишком походили на обычные: большая их часть представляла собой просто мерцание разного цвета и интенсивности, довольно красивое – словно я глядел в бинокль на ночной зимний город и видел омытые оптикой пятнышки далеких огней. Еще это походило на светящуюся голограмму, все время возникающую в новом ракурсе.

Я понимал смысл этих *слов* очень смутно. Они имели отношение к актам воли и привычкам ума и были предначертаниями и командами.

Потом я стал замечать другие *слова*, невидимые, похожие на сгустки тьмы: их функция была в том, чтобы искривлять судьбу, тормозить или ускорять события, определять время проявления разных личных свойств и так далее.

Потом быстро промелькнули какие-то биологические символы – мягкие иксы, сложные двойные спирали (я вспомнил, что так выглядит ДНК) – все было как на уроке биологии, за исключением того, что эти конструкции тоже казались теперь *словами* (или, точнее, жутковатыми древними заклятиями).

Затем я стал видеть в узлах этой решетки символы, похожие на иероглифы или знаки иврита. Они соединялись по два, три и четыре – и задачей их было привлекать, или, наоборот, отвращать различные влияния и силы.

Словом, это был очень странный коктейль.

А потом наконец я увидел слова, которые хорошо знал. Русские.

Выглядели они смешно – напоминали об анонимном доносе, склеенном из газетных обрезков: буквы были разной высоты, толщины и наклона. Еще в них присутствовала какая-то бьющая по глазам обнаженная непристойность – или так казалось, потому что многие слова были написаны с ошибками, напоминавшими уродливый сетевой волапюк времен моей юности (возможно, впрочем, что это мой собственный мозг по неизвестной причине выбрал увидеть и прочесть их именно так).

Слов было много и они соединялись в сложную объемную конструкцию со множеством связей. У нее не было ни начала, ни центра – но зато ее можно было крутить во все стороны, почти как глобус, и тогда слова загорались передо мной по очереди, словно кто-то ломал одно гадательное печенье за другим:

ЗОЛОТО – Лузерброкер – ГЕЙ! – конспиролог – УПал на банКИ – ДВУЛИЧНЫЙ ОНАЛИТЕГ – голубой альбинос – ЗОЛОТО – коммодитиз – КСАУ – хуМИДор – cohiba – ваТТа vs цивилиЗАЦия – ГОСПОДИ ПОМИЛУЙ МЯ ГРЕШНАГО —? что с золотом? – ЛАМБЕРСЕКСУАЛИЗМ...

Увидев последнее слово, я вздрогнул. Оно казалось синим и вздутым, как гангренозная конечность. Что-то с ним было не так.

Все горящие вокруг него огни и незримо присутствующие сдвиги, все невнятные смыслы чужих языков и избыточно ясные смыслы языка родного были искажены и сплюснуты гравитацией этого словесного монстра.

Слово «ламберсексуал» уже попадалось мне в каком-то серьезном идеологическом журнале типа «Gay Quaterly». И я даже помнил примерно, что оно значит.

Так называли стильных ребят с большой ухоженной бородой. Обычно они уезжали в счастливую даль на «Харлеях» – в хемингвеевском свитерке, подвернутых джинсах и замшевых берцах, а с крыльца лесного домика им прощально махала дивной красоты девушка/юноша/ трансгендер с вязанкой заснеженного хвороста на загорелом плече. Условное пространство, где жил, боролся и любил ламберсексуал, называлось в фэшн-дискурсе «pseudo-outdoors»^[20].

Кажется, «ламберсексуальность» была просто технологией вывода большой окладистой бороды из мглы обскурантизма для прописки в современности. По зрелом размышлении можно было увидеть здесь экспроприацию и размывание одного из важнейших мусульманских идентификаторов: скорей всего, «ламберсексуальность» изобрели в одной из дубайских фокус-групп ЦРУ в пику воинам пророка – а мы, как обычно, узнаем об этом через тридцать лет. И это все, что приходило мне в голову.

Поскольку у меня никогда не было желания завести настоящую бороду – я предпочитал двухмиллиметровую щетинку – я никогда, никогда в жизни не применял этот термин к себе. Но Жук уверял, что он содержится в моем *каркасе*. И я уже начал понимать, как именно...

Все эти мысли пронеслись сквозь мой ум – и отправились к Жуку.

«Данное слово *не развернуто*», – отозвался тот – как мне показалось, с удивлением.

Я захотел узнать, что это значит.

«Слова *каркаса*, относящиеся к внешнему языку, определяются через другие внешние слова. Это слово не прошло подобной процедуры, поскольку было *развернуто* само в себя, то есть определено через свои собственные составные части... Своего рода технический сбой, некачественное *вязание лыка*. Вот как это случилось...»

Я увидел что-то вроде короткого ролика. Сперва передо мной мелькнул черный человек-медуза, наполнив меня страхом. Но он сразу же исчез – и впереди появилась конструкция:

– LUMBER/XAU – HOMOSEXUALISM –

С ней стало происходить что-то странное: она задрожала, начала загибаться внутрь себя, а потом ее центральный кусок вдруг словно выбило молотом. Слово «lumber» состыковалось с обломком «sexualism», склеилось с ним – а затем превратилось в уже знакомого мне кириллического монстра. Это было похоже на снятое с высоты крушение поезда, вагоны которого вминаются друг в друга, а потом переворачиваются все вместе.

«Сейчас мы это исправим...»

На черном плате передо мной осталось только слово «ламберсексуализм». Оно вновь разделилось на две половинки, связанные чем-то вроде живого дефиса: «ламбер» и «сексуализм». Над первой половинкой возникла английская первооснова «lumber», мгновенно

обросшая деревом коннотаций – на его веточках висели топоры, доски, бревна, бензопилы, и все прочие фетиши моего воспаленного ума.

Появившееся напротив слово «sexuality» (я сообразил, что слова «sexualism» не существует) точно так же покрылось множеством образов, выражающих влечение, контакт, удовлетворение страсти и так далее. А потом первое дерево соединилось со вторым множеством пронзивших мою душу горизонтальных нитей.

«Вот так это слово действует сейчас, – сообщил Жук, – и это, очевидно, неправильно. Но мы развернем его нужным образом, это совсем просто».

Живой дефис между половинками слова перерезали невидимые ножницы – и оба сросшихся смысловых дерева мгновенно осыпались, как бы пав жертвой той самой бензопилы, которая так увесисто присутствовала в кроне одного из них.

Затем «ламбер – сексуализм» превратился в «ламберсексуальность». И это новое слово – теперь уже одно-единственное и девственно свежее – прямо на моих глазах обросло новой смысловой кроной, общей для обеих его половинок.

В ней не было бревен и досок, но была пестрая фланель и макбук эйр. В ней отсутствовали топоры и пилы, зато имелся гель для волос и сепия-фильтр для инстаграма. В ней сверкали флаконы с одеколонами и гаджеты, перемигивались увлажнители кожи и интимные кремы, марки крепко пошитых штанов и обувные брэнды – и много других ожидаемых и уместных меток, которым спел бы свой солнечный философский гимн мой недостижимый Семен.

А в самом центре этого соцветия курчавилась удивительной красоты душистая свежевывытая борода.

Но самое главное, в этой кроне не было никаких – даже совсем крошечных – векторов либидо, направленных на свежесрубленный древесный ствол или человека с топором.

Жук перенес внимание на меня.

«Мне следовало бы принести извинения за этот сбой, – отсигналил он, – если бы он не был в первую очередь моей собственной бедой и горем».

Я понял, что это не просто стандартная форма вежливости – Жук действительно горевал. Правда, не совсем так, как люди: его печаль была очень интенсивной, но продолжалась совсем недолго. Когда же его горе прекратилось, страница была уже перевернута и «ламберсексуализм» остался в прошлом.

«Что теперь?» – поинтересовался я.

«Теперь я тебя *распишу*».

«Зачем?»

«Твоя глубочайшая основа претерпела изменения, и мне придется добавить в *пергамент* еще некоторые тона, линии и краски – просто чтобы заполнить пустоту, возникшую в твоей сердцевине. Поскольку ты много страдал, я постараюсь, чтобы эти новые узоры были приятными и полезными для твоей жизни».

«Ты сделаешь это, чтобы помочь мне?»

«Не совсем. Когда ты кончишься, я *сдеру с тебя шкурку*».

Хоть в моем уме мелькнули именно эти слова, они означали нечто иное, чем их прямой живодерный смысл. Никакой угрозы в них не было. Больше того, в том, что говорил Жук, определенно присутствовал юмор. Он просто не мог подобрать терминов точнее. Он пытался выразить нечто странное.

«С какой целью?»

«Я *натяну ее на погремушку*».

И это тоже было очень натянутым переводом. Настолько приблизительным, что я опять не испугался. Я точно знал – ничего страшного в этих словах нет.

«А для чего?»

«Этот обычай уходит в древность», – ответил Жук.

«Но зачем, с какой целью?»

«Ты вряд ли правильно поймешь».

«Я хочу знать, – сказал я, – иначе всегда теперь буду про это думать».

«Хорошо, – согласился Жук. – Я объясню так близко, как можно. В нашем мире есть *князь, сильнейший и грозный*. И раз в год (совсем не ваш год, и вообще мало связано с вашей концепцией времени) этот *князь* совершает *праздничный выезд*. Чтобы приветствовать его, мы берем *пестрые шкурки* и делаем из них *погремушки*, звук которых зависит от их узора. Особенно же среди *шкур* ценятся такие, где *узоры жизни* симметричны, и одни *фигуры судьбы* повторяют себя в других. Их звук самый нежный и сладкий. И когда *князь* едет между нашими <...> (этого слова я совсем не понял), *погремушки* стучат от *ветра нашей преданности* и рождают в его душе *великое счастье*...»

Я молчал.

«Только не думай, – добавил Жук, как мне показалось, назидательно, – что я действительно говорю о ветре, погремушках и шкурках. В твоём уме ведь мелькнул образ, опирающийся на мои слова? Как бы сложный узор из

слабого света? Вот это и был единственный возможный ответ. Больше не размышляй о том, что я сообщил – просто знай».

Вопросы, однако, возникали в моем уме сами.

«Он огромен, этот князь? Он властелин Космоса? Император Галактики?»

Жук дал понять, что я его насмешил.

«Сравнивать наши размеры бессмысленно, потому что у нас разная природа. Но у нас принято делать большие погремушки, занимающие много глупого пространства. Это подчеркивает величие нашего князя в день его *выезда*».

«Мне отчего-то кажется, – сказал я, – что ты очень мал...»

«Я мельчайший, – захохотал Жук, – мельчайший... Размеров у меня нет вообще...»

И мне вдруг вспомнился Чарли Мэнсон^[21], придурковатыми ужимками отвечающий на вопрос, кто он такой... Жук не гримасничал, конечно. Но все равно в ответе было какое-то сходство.

«Когда же мельчайший сдерет с меня шкурку?» – захотел я узнать.

«На самом деле *шкурка* уже содрана, – успокоил Жук, – содрана с самого начала – иначе я не мог бы ее расписывать. Аналогия неполна и неточна. Это не *шкурки* сдирают с вас, а вы появляетесь из *шкурок*. Ты не заметишь ничего и счастливо проживешь свою жизнь. Если не навредишь себе сам...»

На миг я увидел *пергамент* над его клювом – и заметил новый узор, появившийся в том месте, где прежде был уродливый шанкр «ламберсексуализма».

«Скоро ты получишь мои дары, – заключил Жук. – Они сделают твою *шкурку* еще красивее и симметричней. А теперь нам пора расстаться. Извини за эти досадные упущения – но ведь и у Эдгара Аллана По негр по имени Юпитер тоже в первый раз пропустил золотого жука не через ту глазницу черепа. Потом ошибку обнаружили и исправили. Вот и у нас все будет хорошо. Успокойся и прощай, моя большая погремушка...»

И тут я понял, что звук «Ом-м-м», раскатывающийся надо мной снова и снова, был не ударами создающего вселенную колокола, а будильником моего айпада. И это понимание сразу же выволокло меня прочь из микроскопического ландшафта, потащило к поверхности бытия, качнуло последний раз на волне сна – и выплеснуло мою голову на подушку.

Я вылез из кровати, принял душ и поел, нехарактерно для себя начав день со стакана «Реми Мартена». Я чувствовал себя вполне нормально, если не считать легкой усталости.

Действие препарата уже почти прекратилось – только на границах всех предметов еще оставались еле видные радужные кромки, куда приятно затекала коньячная теплота. Когда они окончательно пропали, я подошел к зеркалу и внимательно себя оглядел.

Мое лицо выглядело странно. То есть оно не изменилось совсем, но трехдневная щетина (пора было укорачивать ее триммером до двухдневной) показалась мне смешной. Мое лицо с ней выглядело... голым. Рот жалко и позорно кривился над слабым подбородком. Было такое чувство, что с моего лица сорвали трусы.

Я понял, чего мне не хватало все эти годы.

Бороды – пушистой, мягкой, тщательно промытой швейцарским шампунем и чуть спрыснутой одеколоном «Le Roy Soleil». Да... Бороды...

Это внезапно появившееся желание было таким сильным, что мысль о долгом сроке, потребном для роста полноценной бороды, причинила мне почти физическую боль. Но я дождусь, сказал я себе, глядя на свой подбородок и шею, дождусь обязательно. Нижняя часть лица непременно должна быть скрыта под холеной шерстью. В этом мужское целомудрие и стыдливость. Шерсть на лице... Как это благородно. Антенна Бога, говорят в церковных кругах.

Странно, но я совсем не думал про Жука – словно этот ломоть моего опыта был уже отрезан и остался в прошлом. Я пока что не задавался вопросом, было ли это существо реальным – или просто одной из множества пронесшихся передо мной галлюцинаций.

Я был знаком с азами психоанализа – и знал, что многие «сверхъестественные» переживания подобного рода описаны и деконструированы еще дедушкой Зигги (он бы, кстати, первым делом обратил внимание на то, что своей формой Жук напоминал яички с торчащим над ними членом). Но точно так же я был в курсе, что виднейшие продолжатели дела Фрейда и Юнга ездят сегодня в Южную Америку и жбанами пьют охуяску с индейцами у ночного костра, пытаясь хоть немного понять, как обстоят дела на самом деле. Поэтому любое объяснение моего опыта, которое я мог придумать или найти в этом мире, было бы просто «объяснением» – не больше и не меньше.

Меня больше интересовало другое – жива ли после ночной встречи моя *дендрофилия*. Я сел за компьютер, подключил к нему внешний диск со своим закодированным порноархивом, ввел пароль – и вывел на экран свои

смолисто-сучковатые тайны.

Такого со мной не было уже давно.

Свежеоструганные доски, оранжевые спилы только что умерших бревен, капли смолы под сильным увеличением – все то, что раньше приводило меня в исступление, вдруг оказалось просто нудной подборкой фотодокументов о буднях лесоперерабатывающей промышленности. Я не испытал и самой пустячной эрекции. И подумал, что шестнадцатизначный пароль был, пожалуй, излишеством.

У меня мелькнуло подозрение, что мое либидо вообще иссякло навсегда – и следующие несколько минут я провел на порносайтах.

Впервые за последний год голые мужские (и даже женские в некоторых андрогинных ракурсах) тела показались мне волнующими и желанными. Чтобы испытать к другому человеку влечение, мне не надо было домысливать лежащий рядом топор в янтарной смоле или присыпающие живот опилки. Я снова мог любить таких, как я.

От радости со мной случилось короткое помешательство. Я откупорил одну из двух бутылок отличного кларета, хранившегося в моем винном ящике со времен золота по 1900 за унцию (я собирался открыть их, как только мимо проскачет вернувшийся Золотой Бык), и выпил вино прямо из горлышка. Потом я перешел к напиткам попроще, быстро и безжалостно ликвидируя их запас – и через час уже танцевал под грохочущую на весь дом радиомузыку. Я был счастлив.

А потом случилось то самое чудо, которое мне обещал Жук.

Музыка играла так громко, что я не сразу услышал звонок в дверь. Я различил его только в промежутке между песнями – наверно, мой неизвестный гость тыкал в кнопку очень долго.

Я открыл дверь – и втащил стоящего на пороге светловолосого мужчину в очках в свою квартиру. Я чувствовал такой подъем, такую любовь ко всем вокруг, что прямо с порога начал танцевать с ним жутковатое танго прямо под заигравшего в тот момент Курта Кобейна – это было, так сказать, принуждение к танцу, как бывает принуждение к миру.

Где-то после десятого па он сумел донести до меня, что он мой сосед снизу – и музыка не дает ему работать. Но при этом он продолжал танцевать: видимо, исходящее от меня счастье было настолько сильным, что подавляло его волю.

А потом я понял, что мне знакомо его лицо. Это был...

Это был философ Семен, мой фейсбучный знакомый, соратник по дискурсу и компаньон в изящном.

Я подтащил его к хумидору и вручил ему «кохибу робусто». А потом

достал из винного ящика последнюю бутылку Château Branaire-Ducru 2009 года и объяснил, что мы должны немедленно выпить ее за наше знакомство – иначе я навсегда вычеркну его из мемориз...

– A mulatto,
An albino,
A mosquito,
My libido...

Hello – hello – hello – how low...

* * *

С тех пор прошло больше года, и я уже отрастил бороду – хоть еще и не такой длины, как мечтал. Наверно читателя не удивит, если я признаюсь, что мы с Семеном полюбили друг друга – и счастливо живем на два дома (благо оба расположены в одной и той же девятиэтажке).

Оказалось, что он масон – да-да, самый настоящий, – несмотря на молодость и плохие жилищные условия. А про меня он почему-то думает, что я чекист («ну я же видел, как ты с ними общаешься... ты у меня не только чекист, но еще антисемит и ватник... и гомофоб тоже...»).

Семен совсем не прав насчет ватника и неправ насчет антисемита (впрочем, все золотые жуки чуть-чуть антисемиты – мы в этом смысле как христиане, только те не могут простить евреям Иисуса, а мы – Золотого Тельца). И насчет чекиста Сирил не прав. Хотя контактов я не отрицаю.

Кстати, у меня за это время сменился куратор – если я скажу, кто это и в каком он чине, вы не поверите. Все серьезно. Чекистам ведь надо знать, что творится в голубом коммьюнити. А творится там такое, что поневоле станешь немного гомофобом – здесь Семен, увы, попал в точку. Он, кстати, первый раз так меня обозвал после спора о новом дизайне «apple», когда я объяснил разницу между Стивом Джобсом и Тимом Куком на примере розового айфончика.

Что делать. Если все гомофобы – немного геи, стоит ли удивляться, что многие геи – чуточку гомофобы.

Но эти нюансы вовсе не мешают нашей нежной дружбе. Семен говорит, не лезь в мое масонство, а я не буду лезть в твой чекизм. Пусть так оно и будет – должна ведь в нас оставаться хоть какая-то тайна друг для друга. Полезно для отношений.

Мы часто слушаем ту песню, которая так оглушительно играла в момент нашей встречи – «Smells like Teen Spirit» Нирваны. Это теперь нечто вроде нашего личного гимна. Семен, конечно, уже объяснил мне, что песня не про безжалостную и прекрасную юную революцию, как долгое время полагал сам автор, а именно про «Teen Spirit Stick», с которым я уже был хорошо знаком (про Артура и дезодорант его сестры я на всякий случай рассказывать не стал).

Оказывается, Курт Кобейн прочитал сделанную кем-то из друзей надпись на стене: «Kurt Cobein smells like teen spirit»^[22]. Он понял ее в самом романтическом ключе, написал смутно-революционную песню, а потом оказалось, что «Teen Spirit» – это сорт дезодоранта, которым пользовалась его подруга. Настоящие рок-музыканты моются редко, поэтому и от самого Курта тоже постоянно им припахивало...

Что тут скажешь? Производитель дезодоранта хорошо заработал. Курт Кобейн, узнав страшную правду, застрелился. А мы с Семеном выбрали жить.

И вместе.

Да. Теперь я называю его Сирил – в память о «Bonjour tristesse» Françoise Sagan^[23] (малыш немного говорит по-французски, а английский у него просто безупречен). Семен – хорошее имя для красного конника, но никак не для гея – оно буквально пропитано шовинизмом: «Сэмэн, засунь ей под ребро...» Почему обязательно ей? Так что оставим от Семена одну первую букву – и вперед к счастью быстрым аллюром.

Мы не готовы на каминг-аут, потому что в нынешней России он чаще всего перерастает в мувинг-аут, а уезжать нам некуда. И потом, если для философа или журналиста саморазоблачение еще возможно даже в нашей ледяной степи – гуманитарная среда умнее и терпимее – то для финансового аналитика такое смерти подобно, ибо все денежные потоки придавлены у нас толстыми задницами сами знаете кого, а эти люди – православные гомофобы по службе (хотя в личной жизни у них тоже всякое бывает).

Мы тихаримся. И нам это даже нравится – потому что придает нашей страсти ту ауру подполья и тайны, которой совершенно лишилась однополая любовь на Западе. Там геи боролись за равноправие, а обрели пресыщенность и скуку – и терабайты колхозного гей-порна, похожего на учебный материал по экспериментальному осеменению быков. Их любовь уже не сладка – в ней нет запрета и вызова. А нам с Сирилом до сих пор светит та же секретная луна, что сияла над ложем Шекспира, Уайльда и

Эйзенштейна... В общем, спасибо родной Госдуме за наши счастливые ночи.

Мы проникли друг другу в сны – и в рабочие будни тоже, и все это соединилось в одну тяжкую золотую орхидею нашей страсти...

Я не просто так говорю «золотую».

Одна из наших любимых игр заключается в том, что Сирил надевает маску Джанет Йеллен, привезенную мной из Сан-Франциско, и седой парик до плеч. Он располнел за последний год, и по корпулентности стал похож на богиню Феда (звучит вполне по-гречески – в хорошем смысле слова).

У нас есть привезенные из Парижа золотые презервативы в блестках, сверкающие в галогенном свете совсем как самородное золото. Есть Teen Spirit Stick (спасибо Нирване и Амазону), есть кристалл (спасибо Серу), есть виагра и чиалис, чтобы подлечить crystal dick^[24]. А дальнейшее зависит от того, кому мы посвящаем нашу постельную борьбу – богам цивилизации или демонам ваты. Sapienti sat.

Пусть вырождающиеся японцы косплеят синих зайчиков и манг – а русский дух всегда будет стремиться кратчайшим путем к самой сути.

Все это прекрасно и трогательно, но кое в чем я повинюсь.

Я растлил Сирила.

Да-да, растлил по-настоящему и всерьез.

Я научил его работать на ватный дискурс – что прежде даже не приходило этому чистому человеку в голову несмотря на чекистское финансирование.

Произошло это так – мы стояли утром на кухне, пили смузи, и он пересказывал какую-то книгу о происхождении человека от питавшихся падалью обезьян. Книга утверждала, что люди стали людьми, научившись околдовывать друг друга непобедимой силой первых слов. По мнению Сирила, такой подход позволял переосмыслить многое не только в истории, но и в современности.

– Да? – сказал я. – Ну тогда переосмысли наших либералов.

Сперва он решил, что я его подкалываю. Но я был серьезен и даже выразил легкое сомнение в его интеллектуальных возможностях.

Малыш думал целый день, а на следующее утро написал на кухонной стене голубым мелком:

Либералы (биол.) – объединенная характерным фенотипом группа приматов, коллективно выживающая в холодном климате европейской России за счет суггестивного гипноза других популяций и групп.

После этого что-то в нем надломилось – и, похоже, навсегда. Через два дня он дописал красным мелком – словно бы кровью кающегося сердца – еще одно определение, уже отчасти целящее в мой огород, и для меня несколько обидное:

Российский либерал – вовсе не носитель политического (или хотя бы бытового) либерализма. Это человек, свято верящий, что миром правит всесильное жидомасонское правительство, с энтузиазмом берущий на себя функции его российского агента (как он их понимает) – но при этом яростно отрицающий существование такого правительства, так как оно, по убеждению российского либерала, желает оставаться секретным.

Сирил, конечно, во многом прав – но, помимо секретного мирового правительства, российский либерал вполне способен служить и тайному ордену чекистов. У каждого из нас есть ватная сторона, о которой многие не подозревают, пока не вострубит горн – а случается это обычно в среднем возрасте, когда человек начинает догадываться, что жидомасоны его не озолотят, но все еще верит, что это могут сделать чекисты. Парадокс (и величайшая Русская Тайна) в том, что чекисты действительно иногда платят – но только тем, кто беззаветно трудится на воображаемых жидомасонов.

Через день Сирил дописал третье определение (что-то про племенных потомственных особистов в третьем поколении), потом четвертое и пятое – а еще через неделю весь фейсбук (в смысле наши френды) уже обсуждал его статью про «панельный гедонизм» – где он метко заклеил наш с ним собственный тип потребления (статья называлась «Красное и Хумидор» – Сирил еще жаловался, что отсылку к Стендалю никто не понял).

Вы вполне могли читать его ватные материалы – он подписывает их «Павка Корчагин» и печатает везде, где еще платят (как это ни грустно, но деньги почему-то все чаще бывают у ваты). Такой псевдоним уместен вполне – в ватной фазе малыш оказался настоящим большевиком, и быстрота его трансформации пугает меня самого.

Но при этом он очень деликатен. Он догадался, как неловко мне за то выступление перед чекистами, где обсуждались эго *мацы* и *хуцпа* *Федерального Резерва*. Конечно, он ощутил и мой липкий страх перед генералом Капустиным – хоть и не понял его настоящей причины. И Сирил нашел способ показать, что не осуждает меня – не в том смысле, что приветствует подобный сервилизм, а в том, что понимает, почему хорошим

и честным людям приходится так себя вести в отравленном российском воздухе.

Вот отрывок из его опуса в тональности фу-минор, где я отчетливо слышу эхо наших с ним разговоров: он разоблачает сначала себя, потом меня (как двусмысленно и волнующе это звучит) – и одновременно кидает мне спасательный круг:

Главное всемирное агентство по подавлению свободы мысли и искажению правды – это не некий корпоративно-цензурный комитет с вывеской и адресом (об отсутствии которого вот уже столько лет с гордостью отчитывается западная пресса), а само состояние ума субъекта свободы слова – аналитика и журналиста.

Именно по этой причине работу мировой системы промывания мозгов невозможно описать на макроуровне. Центра у нее нет. Но запросто можно объяснить, как действует каждый из узлов такой распределенной сети, отдельный производитель «оценочных суждений», неважно где он – в Нью-Йорке, Москве или Пхеньяне.

Это такой же человек, как мы все – умеренно хороший, осторожный, не слишком уверенный в своих силах и старающийся как можно лучше вписаться в реальность. Как и мы, он озабочен не столько тем, чтобы изменить мир к лучшему, сколько тем, чтобы выжить: скрыть свое безумие, заработать на жизнь и сберечь крошечное место под солнцем. Как и сорок тысяч лет назад, это просто страдающий от множества непонятных болячек примат, пытающийся сохранить свой генотип благодаря высокой приспособляемости к среде.

Поэтому, помимо сбора и обработки информации, он решает много других неформальных задач. Одна из главных – определить, как должно «пахнуть» его высказывание, чтобы наилучшим образом совпасть с кормящей его парадигмой. Выживает только тот, кто smells like Team Spirit^[25].

Это не сильно отличается от выбора вечернего туалета: если все придут в смокингах с бабочкой или в партийных френчах, а вы тоже хотите быть на вечере, вариантов мало. Вы можете, конечно, надеть розовые трусы навыпуск и желтый галстук в синих обезьянах, и вас, возможно, даже пустят и похлопают по плечу – но вряд ли пригласят в следующий раз. Поэтому вы, скорей всего, возьмете напрокат смокинг и бабочку или партийный френч.

Этим и определяются все «оценки и суждения», которые производит современная информационная индустрия – неподкупные свободные СМИ,

российский официоз, монетизированные блогеры, журналисты-надомники, телевизионные культустрегеры и прочая.

Создаваемый таким образом инфопродукт – это не целенаправленная стрела лжи, посланная в ваш мозг, а побочный эффект чужого выживания, бьющий вам в рожу вонючий выхлоп автомобиля, который даже не пытается вас переехать, а просто умно и осторожно катит по своим делам. Вы всего лишь стали на несколько секунд частью дороги...»

Но ватные экзерсисы, конечно, ни для кого не проходят бесследно. Недавно Сирил ездил на конференцию «Небо Европы», где делал доклад на английском – и, говоря про сирийскую экспедицию, случайно надел галстук в обезьянах сам: вместо «CIA-trained rebels» сказал «CIA-trained liberals»^[26]. Вот, значит, в кого на самом деле метят из-за туч путинские соколы.

Теперь малыш переживает, что перестанут приглашать – мол, там на панели тоже не дураки сидят, «Психопатологию обыденной жизни» читали. Но я думаю, он волнуется зря. Во-первых, панель видела и не такое, на то она и панель. А во-вторых, если уж оговариваться про наших либералов по гамбургскому Фрейду, то три веселых буковки будут совсем-совсем другими.

Меня самого Сирил научил вставлять в технические обзоры короткие отсылки к фокальным точкам культуры, как бы дополнительно ориентируя читателя в многомерном пространстве искусства и жизни, и я понял, что в нашу эпоху демонстрировать личную эмоциональную вовлеченность – это очень и очень выигрышный ход, даже когда ее на самом деле нет. Теперь в ватном модусе я могу написать, к примеру, такое:

«Говорите, кто сбил боинг? Вы, рыцари правды, мастера свободного слова, а кто у вас сбрасывал на «Комексе» такие же по весу боинги из бумажного золота (расписок, Аарон, электронных расписок), когда золото и так было на пятилетнем дне? «Кто-то в Америке»? – «Uhm-m-m?» – «Due to the anonymous nature of futures trading...»^[27] – «Мы вряд ли выясним кто?»»

Вы даже такого не смогли «выяснить», хотя это знали все, кто хоть немного в теме. Вы вместо этого хором пиццали, что это Китай. Все знали, что это сбросили в Нью-Йорке! Все! А почему молчали, почему три дня ввали про Китай? Да чтобы золото рухнуло еще ниже!

И где ваш золотой трибунал, опущенные подвывалы электронного

тельца?

А вы, московские воины света, в непримиримой борьбе с «Первым каналом» ищущие заначенные генпрокурором валенки, разуйте глаза и посмотрите, как работают на глобальном уровне реальные люди – и что такое мировая медийная подтанцовка à la Claude François... [\[28\]](#)

До чего же я устал от вас, слепые дураки!

Как сказал классик, пойду искать по белу свету, где оскорбленному есть чувству Хрусталева. Машину мне, машину!»

Если кто не смотрел фильм «Хрусталева, машину!» – там есть мощная сцена, разоблачающая сталинскую тиранию: какой-то тюремный демон, по виду чистый обитатель ада, насилует героя-прогрессора в кузове милицейского воронка, и этой процедуре тоненько подвывает экзопущенец, припавший к груди своего анального властелина. Сильнейший момент. Вот это и есть связь Капитала, Общества и СМИ в нашем мире. Но Сирил научил меня давать только легчайший намек на подразумеваемый смысл – умный читатель, сказал он, додумает сам, а глупый все равно пройдет мимо.

В общем, мы взаимно опыляем друг друга во всех смыслах – и я могу только пожелать думским борцам за нравственность такого же личного счастья.

Мы работаем весь год, работаем тяжело и много – и без ватного приработка наши сигары и вина оказались бы совсем недостойного качества. А если честно, денег для нас почти не осталось ни у цивилизации, ни у ваты. Но это ведь ненадолго, да, Аарон?

Зато в сентябре...

В сентябре мы уезжаем на целый месяц на Тенерифе. Таких, как мы, туда пока что пускают.

У нас есть маленькая тайна.

Она спрятана недалеко от Costa Adeje – в горной складке за кактусовым полем (у этих кактусов маленькие красные плоды с соком цвета крови – из них делают отличный ликер).

Надо пройти мимо нескольких лепящихся вдоль обрыва хижин, спуститься по крутому склону – и откроется крохотный песчаный пляж. Все пляжи рядом черные, а этот – серо-белый, из крупного ракушечника. Про него не знает почти никто из туристов, и ходят сюда главным образом местные.

Здесь можно загорать голым.

У нас с Сирилом есть излюбленное местечко за большим валуном. Мы

лежим там в тени в знойный ленивый полдень (альбиносам нельзя загорать), и Сирил играет с моей окладистой бородой. А я гляжу сквозь ресницы на Небо Европы (тут, конечно, скорее, Африка, но в бытовом плане вполне Европа) и слушаю плеск волн. Я думаю, что Россия тоже когда-нибудь станет такой вот Европой, и постепенно мы с Сирилом все меньше и меньше будем работать на вату, но успеем за это время состариться, и вряд ли это окажется хорошо в смысле семейных доходов.

Потом Сирил оставляет меня в покое и начинает строчить на айпэде статью. По углу его плеч я чувствую: сегодня он в редкой светлой фазе, и пишет, скорей всего, о том, что социальные медиа – последний приют свободного русского слова, а бан за слово «рептилоид» – диалектика, понятная любому честному человеку.

В ватном модусе он теперь учит, что социальные сети – это порнография, отличающаяся от нормального человеческого общения так же, как экранный онанизм от полового акта, а суть техногенной эволюции заключается именно в принудительном вовлечении человека во все новые и новые формы бессмысленной электронной мастурбации, на которую капитал оставляет ему все меньше времени и сил. Видно, долго копилось, пока писал про *революцию гаджетов* – и про то, что человек принадлежит самому себе.

Как хорошо, однако, что мы с Сирилом принадлежим не только сами себе, но и по очереди друг другу... Правда, малыш? И по движению его лопаток я понимаю – здесь он готов чуть отклониться от своего идеологического стержня.

Я берусь за собственный айпэд и, чтобы попасть на другой полюс мировой мысли, начинаю набрасывать ватный обзор по ХАУ (давно заметил – в те дни, когда мы в трудовой противофазе, мы любим друг друга дольше и ярче):

«Закон спроса-предложения? Ха-ха, не смешите мои тапочки. На «Комексе» достижимо БЕСКОНЕЧНОЕ предложение контрактов на бумажное золото, бесконечное, Аарон! Оно не ограничено ничем! Объем рынка бумажных деривативов еще в 2010 году в сто раз превысил объем рынка физического золота! В сто раз, Аарон! А с тех пор цифра только росла и росла – по некоторым сведениям, сейчас это 500 к 1! При этом «Комекс», если вы внимательно прочтете контракт, имеет право отказать в доставке физического металла и рассчитаться с вами в долларах...

О чем тут еще говорить? Золото, нефть, все мировые валюты, все

ценности и все смыслы – просто «заряженные» фишки на игорном столе. Цена фишек и соотношения между ними определяются не бросками игроков, а администрацией казино. Тех, кто пытается об этом говорить, называют конспирологами.

А все «аналитики» и «философы» – это греческий хор, выходящий петь в масках, когда администрация вывешивает над зеленым сукном сегодняшний кросс-курс...

Уж я-то знаю, о чем говорю».

Потом мои золотые надкрылья перестают гудеть, и я вычеркиваю последнее предложение. Затем, подумав еще чуть-чуть, вычеркиваю «ценности и смыслы» и «философы» – и посылаю Сирилу мысленный поцелуй за греческий хор (хотя по сути это та же самая метафора, что «Хрусталеv, машину!»). Потом мне приходит в голову мстительное выражение «долларовый жук» – еще пригодится, пригодится...

Rarer bug. Duh!

Я быстро дописываю еще кусочек:

Закат доллара необратим. К нему ведет, как сказал бы Ленин, неустранимое противоречие между ролью мировых денег – и национально-эгоистическим характером монетарного регулирования, учитывающего только интересы США, а еще точнее – банкстеров Уолл-стрита...

Сильная фраза, и суть схвачена верно. Беда в том, что мы успеем состариться и умереть, наблюдая огни этого заката. И дальше я пишу совсем другое:

Интересно, почему каждый раз, когда кто-то пытается описать пружины, скрипящие под обивкой этого зассаного голубого дивана, его называют конспирологом? Вы что, хотите сказать, что пружин внутри нет, а скрипят Святой Дух и ценности?

Конспирология – это когда кто-то распространяет слухи, что в замке Ротшильдов собирается верхушка мирового масонства (включая, понятное дело, нескольких высших чекистов), и они, попивая шампанское, смотрят, как голая Кристин Лагард из МВФ борется в грязи с голой Джанет Йеллен из ФРС.

Хотя и это никакая не конспирология, а просто метафора. И довольно, кстати, точная.

Мне приходит в голову, что эти постоянные и всеобщие наезды на Ротшильдов – типичный пример бессмысленной мем-эпидемии. На самом деле, при них, во времена Bank of England, все было по-честному. Ротшильды как раз работали с золотом, а не с фьючерсами на кишечные газы. Хотя... Может, они для того и перенесли офис на другую сторону лужи? Кто его знает...

Затем меня настигает фантомная боль и я проверяю курс ХАУ. Все движется как предсказано, думает Жук на моей спине. Азия скоро опять задрожит и цунами дойдет до Нью-Йорка... Нет, золото не рванет сразу вверх. Оно может даже немного просесть, потому что сперва его будут сбрасывать ETF'ы – чтобы поднять кэш для маржин-коллов, когда акции уйдут в пике. И вот тут будет самый хороший момент войти опять. А потом... Потом...

Ах, если бы я до сих пор имел хотя бы лимон в золоте! Если бы просто сидел в нем и не двигался – несмотря на все падения и взлеты! Но ничего, ничего, шепчу себе я, что-нибудь придумаем...

Хотя что тут придумаешь.

Затем я рассеянно читаю статью на английском, где описывается недавнее просветление биржевого брокера, заверенное тибетскими ламами: брокеру якобы приснилась Зеленая Тара (это такая тибетская богиня) и он почтительно попросил у нее совета относительно инвестиций.

Богиня сказала:

«Stay out of commodities, out of equities and out of cash»^[29].

В этот момент брокер пережил высшее озарение.

Ну да, лениво думаю я, понятно, куда гнут. Выйдите из всех видов инвестиций, медленно поднимите правую ногу, а потом поднимите левую... Но только Зеленая Тара будет поумнее этой дзэнской пурги. Золото ведь не коммодити, как его велит называть Картель, торгующий зеленой капустой. Золото – не акции. И не кэш. Золото – это изначальные деньги.

Хороший совет в нынешние времена, потому что сколько веревочке ни виться...

Потом я засыпаю, и мне снится обычный в последнее время сон – такой частый, что он уже перестал меня пугать. Я вижу огромную темную равнину, над которой правильными рядами висят тысячи круглых погремушек из сухой выдубленной кожи. Одна из этих погремушек – я. Соседняя погремушка – Сирил. И все, с кем я знаком, тоже здесь, тоже

висят в низком желтом небе, похожем на френдленту.

В этом сне я твердо знаю – выезд князя уже начался. Но заключается он не в том, что неведомый владыка Золотого Жука перемещается куда-то в физическом смысле. Он просто смотрит из неизвестного места на свои погремушки – и пропитывается грозной непонятной радостью.

И есть еще одна истина, без всякого сомнения ясная в этом сне: каждый раз, когда во мне просыпается надежда, когда в моем уме начинает метаться яростно ищущая выхода мысль, – это просто гром и треск, извлекаемый неземным ветром из сухой погремушки, и все желтое небо вокруг гудит в это время, как бесконечное поле цикад.

P.S.

У этого романа (впрочем, теперь уже повести) было довольно длинное послесловие, но К. сказал, что оно ни к чему. Наверно, он прав.

Часть 2. Самолет Можайского

космическая драма

Пишу вам, милая Елизавета Петровна, безо всякой надежды заслужить ваше прощение. К тому же события, о которых я собираюсь рассказать, так необычны, что могут показаться вам отчетом о белой горячке – а вы частенько видели меня пьяным в последние наши дни вместе.

Но вот вам слово офицера и дворянина, что каждая буква здесь верна, и я не добавляю ни единого росчерка пера, чтобы сделать свою историю чуть занимательней – наоборот, приглушаю в иных местах краски и опускаю подробности, могущие показаться совсем уж невероятными.

Вы помните, наверное, тот мерзкий день в Баден-Бадене, когда я залез в ваш чемодан одолжить двадцать фридрихсдоров. Наша страстная близость казалась мне достаточной порукою тому, что это будет воспринято более в виде семейной неурядицы, чем уголовного происшествия. К тому же я полагал, вы не заметите пропажи до того, как я верну долг. А даже и заметив, поймете, что это одолжился я, и поглядите на это сквозь пальцы. Я уверен был, что отыграюсь, как только встану к столу.

Остальное вы знаете. Полицейская наглость, оскорбленная честь, и – главное – слезы в ваших удивленных глазах, чего я не смогу забыть никогда.

Благодаря вашему ангельскому всепрощению обвинения были с меня сняты сразу после вашего отбытия; оставленные вами пятьдесят фридрихсдоров, увы, были мной проиграны точно так же, как и все предыдущее – если не считать затрат на горячительные напитки.

Опущу печальный рассказ о дальнейшей моей судьбе – она легко представится вашему воображению; все это многократно описано в романах и полицейских протоколах. Через месяц я был уже в своей деревеньке (вернее, в своем обветшалом родовом гнезде – мы, помещные дворяне, после эмансипации употребляем слова «в своей деревеньке» в том же смысле, как может это сделать пастух или кузнец).

При расставании нашем вы сказали, что готовитесь встать на путь революционной борьбы за народное счастье, ибо все остальные цели рядом с этой ничтожны. Шли дни, но слова эти никак не уходили из моей памяти.

Сердце мое восхищалось вашим выбором, но холодным умом я склонен был приписывать его вашему городскому образу жизни. Сам я,

сельский обитатель, с младенчества насмотрелся на так называемый народ и полагаю, что в протянутую вами руку он или наплюет, или нагадит. Были у нас случаи, когда светлые юноши и девушки приезжали сюда из города с целью агитации – и в полицию их сдавали те самые мужики, которых они прибыли просвещать.

С другой стороны, вы совершенно правы в том отношении, что все иные жизненные цели ничтожны. Все, кроме любви.

Вы сказали, что любите меня, но борьба вам важнее.

Но я ведь помнил, как сверкали ваши ангельские глазки в баденских модных магазинах... Я, признаться, решил тогда, что дело в отсутствии у меня материальных средств для достойного существования, и, будь они на месте, ваше сердце могло бы рассудить чуть иначе. Отсюда и моя тяга к рулетке.

Словом, обнаружив себя заключенным в зловещий заколдованный круг, я скатился в мрачайший шопенгауэровский пессимизм.

Не подумайте только, что я окончательный филистер. Я не верю в «освобождение народа», поскольку народ к свободе не готов и не понимает, что это такое – но я всем своим сердцем верю в европейский прогресс.

Именно по этой причине по прибытии домой у меня начался запой, столь характерный для скорбного отечества нашего, где человек благородного сердца и ума не может применить своих качеств, чтобы служить прогрессу на достойном поприще.

Скоро я дошел уже до совсем неблагородных напитков, коими спаивают русского мужика корчмари, и часто видел бесов, находя в этом горькое единение с Отчизной.

Если при слове «бесы» вы подумали на Достоевского, вы меня поняли неправильно. Я здесь говорю не о посещавших меня нигилистах, а о самых настоящих зеленых чертиках, коих наблюдает сильнопьющий человек.

Должен вам сказать, что слова «бесы» или «черти» применительно к этому видению подходят не вполне и указывают не столько на природу явления, сколько на суеверие русского народа, воспринимающего действительность сквозь призму религиозного мифа.

Да, они зеленые и небольшие – поменьше нас. Но отнюдь не такие маленькие, чтобы скакать по столу, лазить по лампе или вертеться под ногами, как пишут иногда сочинители, знающие их только понаслышке и не берущие даже труда лично увидеть ту картину, что тщатся нарисовать в воображении читателя.

Самое главное, у них нет ни рогов, ни хвостов, ни шерсти, ни свиных пятак вместо носа, хотя лица их трудно назвать миловидными и

располагающими. У них маленькие и как бы брезгливые рты с губами, сжатыми в эдакий клюв, маленькие же носики, как бы продолжающие этот клюв ко лбу, и большие, косо поставленные миндалевидные глаза желтоватого оттенка, немного похожие на кошачьи. Такой чертяка, привидевшись в сумраке, действительно способен напугать.

Никакого интереса к человеку они не проявляют и снуют вокруг словно бы по своим делам – а иногда носят на себе какие-то темные тюки и шпалы, не причиняющие им, впрочем, видимых неудобств. Они могут запросто залезть рукой себе прямо в живот или в бок, поковыряться там и вынуть пальцы назад, и на теле их не остается никакого следа. Еще у них большой и смешной, так сказать, гульфик – не вполне приличного вида и формы. Часто он красноватый или ярко-красный, словно они бахвалятся размером и видом своего мужского достоинства. Такие есть у всех, из чего я заключил, что они одного пола.

Несколько раз я замечал с балкона, что черти будто бы строят внизу какие-то будки, а один раз они даже взялись за подобие большого шатра из чего-то вроде дранки – причем наши деревья и стены не представляли для их зыбких действий и перемещений никакого препятствия.

Я пробовал несколько раз окликнуть их со всей возможной вежливостью – и должен вам сказать, что они пугались, и почти сразу исчезали из границ моего зрения, отчего я предположил, что воздействие водки на головной мозг позволяет различить их мир точно так же, как мир инфузорий становится виден в микроскоп. Кто же они на самом деле, я не пытался судить, будучи уверен, что европейская наука в своем развитии когда-нибудь найдет объяснение этому феномену.

Но довольно о чертях.

Много раз моя рука порывалась написать вам полное слез и любви письмо, чтобы вымолить ваше прощение и разрешение увидеть вас вновь – но стыд всякий раз останавливал меня, не позволяя взывать к ангелу (коим вы всегда для меня были) со дна своей нравственной бездны. Я, верно, застрелился бы из двухстволки, если бы не пропил весь порох и пули.

Но здесь, Елизавета Петровна, и началась та цепь событий, что переменила всю мою жизнь, и побуждает меня обращать к вам это бестолковое, но искреннее послание.

* * *

Однажды я сидел на балконе своей, с позволения сказать, усадьбы и

чинил сапог.

Надеюсь, вы поймете правильно, что делал я это не от нищеты, а от уважения к ручному труду и социалистическим веяниям, как бы ставя добровольный знак равенства между дворянином и лицами наемного труда: привычка эта завелась у меня, когда общие знакомые рассказали, что так отдыхает литератор гр. Толстой.

С балкона моего открывается красивейший вид на далекие холмы, поля и речку; к ним протянулась аллея с двухсотлетними липами, посаженными когда-то моими предками-крепостниками; тех уж нет, а деревья все бредут от земли к небу своей медленной поступью... Им, верно, мнится, что они уже проделали серьезную часть пути. Не так ли и человек уверяет себя, что, перестав быть животным, скоро возвысится до самых звезд?

Такова была мысль, заполнявшая мою мутную после излишеств голову, когда на балконе появились два неизвестных мне господина – молодой и средних лет.

Сапог и дратва выпали из моих рук. Будь вам знакомо хмурое запустение деревенской жизни, где месяцами не видишь новых лиц, вы поняли бы, до чего я был поражен.

– Не бойтесь, Маркиан Степанович, – сказал один из господ и сделал не то суетливое, не то угрожающее движение, словно ожидая, что я вспорхну как тетерев, а он участливо меня поймает и вернет на место.

Хотя на бесов они походили не слишком, иных посетителей я в этот день не ждал и сперва предположил, что это именно черти, решившие для разнообразия устроить маскарад.

Знаете ли вы, Елизавета Петровна, как бороться с горячечными чертями? Надо показать им, что вы их отчетливо видите, и они, смутившись, растворятся в воздухе. Лучше всего просто уставиться на одного из них в упор. Он вскоре устыдится и пропадет, а за ним и остальные. После этого они могут появиться в других местах, но если вы повторите опыт, галлюцинация снова потеряет силу. Если же это настоящие существа, они не денутся никуда.

Я внимательнейшим образом уставился на гостей, ожидая, что они растворятся в воздухе. Но ничего подобного не происходило, и к концу процедуры, разглядев визитеров как следует, я даже испугался.

С первого взгляда гости мои выглядели вполне обычными господчиками неопределенного сословного положения, каких много сейчас на улицах любого провинциального города. Но при ближайшем рассмотрении одежда их начинала казаться театральным реквизитом.

Представьте, что турецкий паша захотел бы заслать к нам шпионов – и для этой цели перерыл весь свой гарем, собрал у своих одалисок разного тряпья и пошил бы из него по фотографическим снимкам, сделанным в российских городах, разные жилеты, штаны, картузы, косоворотки и все прочее... Получилось бы, верно, что-то похожее.

С каждым мгновением я замечал в визитерах все больше нелепых странностей. Один был лыс и в летах, другой молод и хорош собой. Но у обоих были одинаковые бородки эдакого адвокатского пошиба – словно они вместе подправляли их у зеркала по одному образцу. Несмотря на дворянские картузы в их руках, оба были украшены одинаковыми золотыми цепями через весь живот – какие в наших палестинах носят одни разбогатевшие мельники.

Главное же, недорогая одежда их была совершенно нова, но как бы специально присыпана для неприглядности не то мукой, не то пылью – как будто ей нарочно пытались придать мизерабельный вид. А вот на их смазных сапогах не заметно было ни одной царапины.

В общем, они походили на злоумышленников, прибывших издалека и переодевшихся для какого-то серьезного дела.

– Не бойтесь, – повторил молодой и смазливый.

– Я и не боюсь, сударь мой, – ответил я надменно, – с чего бы русскому дворянину пугаться гостей у себя дома? Бояться следует вам, раз входите в мое жилище без доклада...

С этими словами я сунул руку за пазуху, словно под моим пиджачишком спрятан был револьвер (такому приему научил меня предводитель дворянства Буркин, уверявший, что однажды распугал так в Тифлисе самых отчаянных разбойников).

– А что же вы думаете, Маркиан Степанович, – сказал молодой, – мы и боимся. Еще как. Поэтому позвольте, с вашего разрешения...

И кивнул кому-то за моей спиной. Только тут я догадался, что у них есть еще один сообщник, но оглянуться не успел. В глазах у меня померкло, и я вдруг полностью потерял к происходящему интерес – будто за единый миг меня со всех сторон обложили пропитанной эфиром ватой.

* * *

В себя я пришел от запаха мышей – и догадался, что нахожусь в собственном подвале. Открыв глаза, я увидел, что сижу на стуле, и руки мои примотаны к его подлокотникам чем-то вроде смоченной клейстером

бумажной ленты. Но хоть эти бумажные оковы выглядели смешно и несерьезно, я с удивлением понял, что не могу их порвать никаким напряжением рук.

Тут зажегся свет, какого я не видел никогда – странно-безжизненный, словно производивший его огонек был сделан из льда. Я увидел два маленьких, но очень ярких фонаря на тонких высоких подставках.

Передо мной стояли те же господа, что были на балконе, и присоединившийся к ним третий, по виду родной их брат, с такой же бородкой и золотой цепью на чуть наметившемся животике. Был он неопределенных средних лет и напоминал своим благожелательно-сытым видом зажиточного зубного врача, играющего по субботам на рояли для души и двух кошек. Но мирная видимость эта, похоже, обманывала: он-то и лишил меня сознания неясным способом.

– Кто вы, господа? – спросил я. – Что вам угодно?

– Позвольте нам представиться, – сказал этот третий. – Федор Михайлович, э-э-э... Капустин. Да, Капустин. Как и вы, русский офицер. Генерал-майор.

– Пугачев Антон, – сказал тот, что был молодым и смазливым. – Капитан.

– Карманников Иван Борисович, – сообщил третий, лысый и самый старый. – Ученый-физик. Технический, так сказать, специалист и гражданское лицо.

– Вы что, собрались грабить мою усадьбу, господа? – спросил я. – В таком случае позвольте самому выдать вам все ценности. В комодѣ спальни лежат восемь рублей ассигнациями – они мне нужны, но если вы в полном отчаянии, берите. В столовой есть немного водки в графине, соленый леѣц, сухари и пиво. В кабинете чернила, свечи и пачка бумаги. Завтра в полдень придет прислуга... Ну, верней, Глашка. У нее есть серебряный крестик, видел сам. Если не боитесь визга и царапин – а царапается она преотменно – получится отнять. Все можно с некоторым профитом продать на рынке. Другого дохода получить с меня никак не удастся, так что ваше злоумышление, господа *офицеры*, несмотря на превосходную подготовку, кажется мне не вполне умным.

– Мы не воры, – сказал Капустин и зачем-то похлопал себя по животу. – Денег у нас достаточно...

Он поднес руку к моему лицу, и я увидел золотого Николаевского орла пятьдесят пятого года – но такого новенького и блестящего, словно отчеканен он был лишь вчера.

Капустин держал монету за край, а еще два таких же пятирублевика

торчали между его пальцами. Видимо, он успел каким-то образом достать монеты, когда хлопал себя по животу. Убедившись, что я рассмотрел золотой, он поднял руку вверх и щелкнул пальцами, как бы подзывая полового. Когда же рука его опустилась, я увидел, что никаких монет в ней уже нет.

– Да, – сказал я, – узнаю брата офицера по повадке.

– Фокусы – моя слабость, – ответил Капустин. – Бывает, целыми вечерами развлекаю знакомых.

– То есть цель вашего визита в том, что вы ищете новых поклонников своего таланта? – спросил я. – А к стулу меня привязали, чтобы я не убежал посреди представления?

– Нет, Маркиан Степанович, нет. Цель нашего визита совсем иная. Мы хотим с вами подружиться...

Тут раздался тихий, но очень резкий писк. Карманников отошел в полутьму, присел на корточки – и я заметил светящийся стальной сундук, какого в моем подвале никогда раньше не было.

Не знаю, Елизавета Петровна, как лучше описать вам этот сундук. Помните огромных размеров вычислительные часы, какие мы видели в баденском музее? Вот нечто похожее, только еще как бы с горящими разноцветными лампадками и множеством ручек и дисков.

Карманников стал гладить и трогать эти диски, словно любясь своей машинкой. Потом он отцепил от нее какой-то большой циферблат наподобие черного брегета, встал и сделал несколько кругов по подвалу, глядя на него. Брекет в его руке иногда начинал так же тихо, но противно пищать, и тогда Карманников возвращался к стальному сундуку и некоторое время крутил его диски и ручки. Вскоре писк стих.

– Что-то серьезное? – спросил его Пугачев.

Карманников пожал плечами.

– Наводка скорей всего. Работаем.

– Кто вы такие, господа? – повторил я свой вопрос. – Можете вы наконец объяснить?

– Мы прошлонавты, – ответил Пугачев.

Слово меня рассмешило.

– А что это такое?

– Вы по звучанию разве не понимаете?

– Нет, – сказал я. – По звучанию это... Дайте подумать... Какие-то господа, прошляпившие прошлогодний снег. Или, вернее, шепелявые рапсоды и скальды, сначала профукавшие чужого слона, а потом решившие сложить про это песнь...

Гости опять переглянулись.

– Лингвистический отдел разогнать надо на хер, – сказал Капустин. – Филологи, мать их...

Он повернулся ко мне.

– Мы путешественники в прошлое, Маркиан Степанович, и прибыли, соответственно, из вашего будущего. Из возможного будущего, скажем для точности так.

– Ах вот как, – сказал я. – Из будущего...

– Вы нам не верите?

Я поглядел на лампы ледяного света, на железный сундук в лампадных блесках, вспомнил, как непонятным способом усыпили меня на балконе, и ответил:

– Допустим, я даже поверю. Но я ведь не Наполеон Буонопарте. И не Луи Шестнадцатый. От падучей или золотухи я не лечу и счастливого лотерейного выигрыша не смогу обеспечить. Чем я могу быть вам полезен?

– Это длинный рассказ, – сказал Капустин. – Я очень прошу вас выслушать нас до конца – и делать выводы после.

– И тогда вы меня отвяжете?

– Слово офицера.

– Ну что же, – ответил я, – я весь внимание. Слушаю вас, господа...

* * *

– Мы прибыли из двадцать первого столетия, – начал Капустин. – Но рассказывать в подробностях, что произошло почти за полтора века, нам запрещено правилами подобных путешествий. Если совсем коротко, Россия приняла много страдания. Она все еще сильна. И, с одной стороны, много сильнее, чем когда-либо прежде, так что напасть на нее решится только сумасшедший или самоубийца. А с другой стороны – она теперь много слабее, и на нее поплевывает даже мелкая чесночная сволочь из бывших братушек, как и предсказывал мой известный тезка...

Из ремарки этой я заключил, что Федора Михайловича Достоевского в будущем чтят.

– Про устройство мира я тоже распространяться не буду, – продолжал Капустин. – По внешней видимости мир очень пестр. Во главе его стоит уже не Европа, а Америка. Европа теперь – что-то вроде сумасшедшего дома престарелых, захваченного наевшимися гашиша магометанами. Но в главном все осталось по-прежнему. Все важные вопросы решаются в

интересах финансистов. Финансистами, как вы хорошо понимаете, управляют масоны. А противостоит масонам, по сути, один только светлый рыцарский орден на всей земле – русские *чекисты*. То есть мы.

Карманников при этих словах тихонько прокашлялся.

– Я не понял, что такое «чекисты», – сказал я. – Не от английского ли это «check»? В том смысле что эти люди все любознательно исследуют и проверяют? Или это от банковского «chéque»?

– Можно сказать и так, – неопределенно ответил Капустин. – Не будем углубляться в детали. Зачем вам лишняя информация?

– Что такое информация? – спросил я.

– Ну это как бы... ну знания, всякие сведения. Так у нас называется. У нас считается, что если ее слишком много, от этого у человека стресс. В смысле, угнетение нервной системы.

– Значит, миром в двадцатом веке управляют масоны?

– Не совсем, – ответил Капустин. – Все сложнее. Миром управляют *через* масонов.

– Кто же?

– Рептилоиды, с которыми масоны наладили связь.

– А кто эти рептилоиды?

– Мы не одиноки во Вселенной, Маркиан Степанович. В пространстве и времени живет много странных и непохожих на людей рас. Но знают про это только специальные службы...

– Хорошо, – сказал я вдумчиво. – Миром управляют финансисты. Финансистами управляют масоны. Масонами управляют рептилоиды. А кто управляет рептилоидами?

– Управляет ими, – Капустин поднял указательный палец, – *Абсолютное Присутствие*, или *Всевидящий Глаз*. И не только ими. Всеми другими космическими расами тоже.

– Вы не про Господа Бога, часом, говорите?

– Господь Бог – это религиозное название, – ответил Капустин. – А *Всевидящий Глаз* – оперативное.

– А в чем разница? – спросил я.

– Что такое Бог в религиозном смысле, мы не беремся судить, – сказал Капустин и как-то по-чиновничьи перекрестился. – Тут много разных мнений. А в оперативном смысле это нейтральная и всемогущая непостижимая сущность, которая никому не дает на себя смотреть, а сама видит все. Обычным людям про нее ничего не известно. Но чекисты по своим каналам получают кое-какие сведения. И масоны, конечно, тоже.

– И какие же сведения приходят по вашим каналам?

– Мне объясняли, – ответил Капустин, – что это как бы огромное око. Оно подобно бесконечной сфере и совпадает со всем космосом. Этот Глаз наблюдает все существующее – и благодаря этому оно существует, так как бытие мира заключается именно в том, что Глаз его видит. Все формы возникают в нем и в нем же растворяются, и не имеют никакого отдельного от него существования. Но слова «глаз» и «видеть» – это всего лишь сравнения. Это не животное физическое видение, как у нас с вами. Это как бы, – Капустин пошевелил пальцами в воздухе, – такое особое прямое восприятие, нам с вами недоступное. Оно же есть и творение.

– А мозг у этого Глаза имеется? – спросил я.

– Вот в том-то все и дело. Глаз все видит, но при этом не осознает того, что видит, потому что сам по себе есть просто виденье. Поэтому ему нужны разные космические народы и расы – чтобы за него все осознавать и как бы объяснять ему, что происходит. То есть эти народы и расы, конечно, ничего Глазу специально не объясняют. Но когда они что-то для себя понимают, Глаз это видит и как бы понимает вместе с ними...

– Примерно как с пищеварением, – вмешался Карманников. – Вроде принято считать, что им занимается кишечник, но на самом деле все делают живущие там бактерии, а кишка просто впитывает продукты их деятельности. Вот и Всевидящий Глаз не столько сам осознает, сколько впитывает наше сознание. Вернее, его просматривает.

– Как же этот Глаз всем командует, если сам ничего не осознает? – спросил я.

– Как же не осознает, – ответил Карманников. – Наверно, я объясняю неправильно. Наоборот, в каждом существе все понимает и чувствует именно он сам – больше просто некому. И через это он видит все и вся, причем сразу со всех сторон, как эдакий Лев Толстой. Но сам он выше сознания, так нам консультанты объясняют. Сложная тема, в общем.

– Да, сложная, – согласился Капустин. – Но в практическом оперативном смысле это неважно. Важно то, что все в космосе этому Глазу подчиняются и служат. И при этом пытаются его надурить. А его, похоже, это развлекает – и для того он весь космос и создает. Меня, вас, вот эту тряпку на полу и так далее. Ничего другого про него никто понять не может.

– Глаз лично всем правит?

– Нет, – ответил Капустин, – он вообще не правит. Он скорее *разруливает*.

– А в чем разница?

– Ну, – сказал Капустин, – как вам объяснить... Править – это работать

кучером. А разруливать – это объяснять съезду кучеров, куда можно поворачивать, а куда нельзя. Глаз решает, как будет развиваться история. Контролирует перекрестки. И пойти против него без его позволения никто не может при всем желании, потому что он всех и каждого видит снаружи и изнутри – и создает не только все племена, какие есть во Вселенной, но, если разобраться, даже и всякую мысль в наших головах.

– Понятно, – сказал я. – Спасибо за богословскую лекцию. Но какое отношение все это имеет к вашему визиту?

– Самое прямое, – ответил Капустин. – Видите ли, Всевидящий Глаз установил в космосе определенные законы. Среди них есть закон относительно избранного народа. Для нынешней стадии человеческого развития он звучит так: избранным становится тот народ, который первым оторвется от тверди своей планеты и свободно полетит в космическом пространстве. Этот народ станет на планете главным. Будет все разруливать и объяснять всем остальным племенам, что можно и что нельзя.

– Откуда вам про это известно?

– Мы не раскрываем источники, – ответил Капустин. – Но в России про этот закон знали очень давно. И вот, Маркиан Степанович, Отчизна наша сделала чудовищное усилие и вышла в космос. Случилось это в шестидесятые годы прошлого века – в смысле, для нас прошлого, для вас он будущий. И сразу же нам подмигнул Всевидящий Глаз. Все тогда думали, что Россия побеждает Америку в глобальной гонке, и мировое равновесие склоняется в нашу сторону... Но дело оказалось не так просто.

– А что случилось?

– Во Вселенной есть суд, где можно оспорить даже решения Всевидящего Глаза. По-русски его называют «Суд Иной». В том смысле, что к земным судам он никакого касательства не имеет.

– А кто же его устроил, этот Суд Иной, – спросил я, – если самая высшая инстанция – и есть Всевидящий Глаз?

– В том-то все и дело, – ответил Капустин со вздохом. – Устроен суд самим Всевидящим Глазом – и является как бы его собственным аспектом. Поэтому, хоть спорить с Глазом и нельзя ввиду полной бессмысленности такого занятия, это все-таки иногда можно делать по его же позволению. И здесь очень многое зависит от аргументов и тех конкретных мозгов, которым Глаз попустит их обдумывать...

Я вспомнил, как наш предводитель Буркин судился с помещиком Семирамидским из-за леса и постоянно мучил меня рассказами о тяжбе.

– Ага, – сказал я, – догадываюсь. В этот суд подали иск?

Капустин кивнул.

– Кто же?

– Одна зловредная раса космических рептилий, с которой наши американские партнеры наладили контакт. Американцы раньше называли эту расу «сквинты» – но теперь так говорить уже нельзя...

– И в чем был иск?

– Суть сводилась к юридическому крючкотворству. Оспорить сам факт нашего выхода в космос было нельзя, хотя особо изощренными негодьями делались и такие попытки. Но можно было, так сказать, подменить суть понятий. Таких как «космическое пространство».

– А как можно подменить суть этого понятия?

– Сквинты заявили, что неправильно считать, будто космическое пространство начинается за пределами газовой оболочки планет, потому что с юридической точки зрения весь космос заполнен крайне разреженным газом. А если определить космическое пространство как начинающееся сразу над поверхностью планеты, то первыми свободный управляемый полет в космосе совершили братья Райт, построившие в 1908 году моторный *аэроплан*.

– И что решил суд?

– Иск победил. Не потому, что был справедливым – а потому что зловредная космическая раса, с которой дружит Америка, хорошо знает все приемы космического сутяжничества и может запудрить мозги даже самому Всевидящему Глазу. Он хоть и видит все, а мозгов-то у него нет, кроме наших с вами. Решение космического трибунала оказалось сильно не в нашу пользу. Россию после него списали, можно сказать, в утиль истории...

Я поглядел сначала на Капустина, а потом на сидящего на корточках Карманникова и его стальной ящик. Лампадки на нем мигали мечтательно и наивно, словно далекий рождественский каток.

– Звучит-то как, – сказал я. – Утиль истории.

Кармаников улыбнулся.

– Видите ли, – сказал он, – в космосе много разных рас, в том числе и рас, сданных в утиль. Почти у каждой крупной земной культуры есть свой куратор из старых цивилизаций. У Америки, как я уже сказал, это сквинты. У России такой куратор тоже есть. Некоторые говорят, что нам с ним не повезло. Другие – что, наоборот, повезло чрезвычайно. Как посмотреть. Курирующую нас расу мы называем «бородачами». У них действительно есть что-то похожее на бороду.

– А как они сами себя называют?

– Сами они никак себя не называют. Потому что они вообще не

разговаривают звуками. Как и сквинты.

– А где они живут?

– Бородачи – раса древняя и особая. Каждое ее существо живет одновременно и в прошлом и в будущем.

– А в настоящем?

– А в настоящем их нет. Их оттуда выгнали сквинты после космической войны.

– Но если этих бородачей нет в настоящем, значит, их вообще нет?

– Они сохраняются потенциально, – ответил Карманников. – И эта потенция способна определенным образом проявляться. Так что они очень даже есть, поскольку могут запускать разные сквозняки из прошлого в будущее.

– Какой у вас странный союзник.

Капустин кивнул.

– Даже наши судьбы похожи – у России всегда великое прошлое и еще более великое будущее. А вот с настоящим сложнее.

Я снова вспомнил про тяжбу Буркина с Семирамидским.

– А почему никто не подал в Суд Иной встречный иск?

– Нет новых оснований. Но бородачи подсказали выход. Они предложили нам тайно вернуться в прошлое – с их, понятно, помощью – и построить летательный аппарат, способный оторваться от земли раньше братьев Райт. Намного раньше, чтобы никакого крючкотворства уже не возникало. И если у нас появятся доказательства такого события, тогда можно будет действительно подать встречный иск.

– Как же бородачи вам помогают, если в настоящем их нет?

Капустин улыбнулся.

– Ваше настоящее – это наше прошлое.

– А-а-а, – протянул я, – теперь начинаю... Но ведь это жульничество?

– Если Всевидящий Глаз так решит, будет жульничество, – сказал Капустин. – А может, он решит, что так надо. Это как ему объяснят...

– Кто? – спросил я.

– Мы, – ухмыльнулся Капустин. – Мы все. Я же говорю, у него своих мозгов нет, он нашими думает. Выгореть может вполне. Пока трудно судить. Будем посмотреть.

Меня поразило это странное выражение – я предположил, что космическая изгнанность из настоящего наложила на русский язык двадцать первого века серьезный отпечаток.

– Так что вы хотите? – спросил я.

– Мы хотим, – ответил Капустин, – чтобы вы построили этот

летательный аппарат. Взлетели на нем в воздух значительно раньше братьев Райт. И все оказалось зафиксировано для истории.

– Я не умею строить летательные аппараты.

– Мы поможем, – сказал Капустин. – Вам надо будет только сесть в гондолу и совершить полет.

– Это рискованно? – спросил я.

– Не думаю. Видите ли, для нас не составляет труда построить безопасный летательный аппарат. Трудно другое – сделать его достаточно архаичным. Но полагаю, что и это у нас получится.

– Хорошо. Допустим. Но почему именно я?

– Таково сплетение прошлого и будущего, – ответил Капустин. – Бородачи очень особенные существа. Для них все мироздание – как бы сетка причин и следствий. На их карте потенциалов вы – самая высокая вероятность успеха, затмевающая все остальные.

– А по какой причине, могу я узнать?

Капустин и Пугачев переглянулись.

– Видите ли, – сказал Капустин, – тут может действовать невероятное количество разных обстоятельств. Но я полагаю, что не последнюю роль играет ваша фамилия. В русской армии уже служит один Можайский, который увлеченно строит летательные аппараты... Это, так сказать, уже существующий в истории отпечаток, своего рода тень, падающая в будущее. Или, если угодно, след, куда мы, так сказать, аккуратно поставим другую ногу. Куда более совершенную.

– А разве он не может построить подобную машину сам?

– Нет. Он вслед за Леонардо да Винчи хочет создать махолет. Подобную машину построить сложно даже в наше время, а в ваше – невозможно вообще.

– А почему вы не можете уговорить самого Можайского?

– Потому что этот Можайский уже оставил задокументированный след в истории. А от вас, извините за прямоту, никакого отпечатка в истории не осталось. И если мы аккуратно заслоним одного Можайского другим, вмешательство будет тонким и незаметным. Вы – чистый лист бумаги, написать на котором можно что угодно. Это важный нюанс. Менять прошлое – щекотливое в юридическом смысле дело. А спрятать одно прошлое за похожим на него другим гораздо проще.

– А еще одного Можайского вы не можете найти?

– Нет.

– Отчего же? Фамилия не особо редкая. Я сам знал двоих в Петербурге.

– Поверьте, Маркиан Степанович, бородачи в этом деле собаку съели и могут проследить все будущие влияния и причинно-следственные сквозняки заранее. Если они говорят, что нужны вы, для этого есть основания.

– А если я откажусь?

Капустин нахмурился.

– Тогда нам придется искать следующий наилучший вариант. Но наши партнеры не смогут отчетливо его увидеть, пока не будет зачищено поле возможностей.

– Что это значит?

– Увы, – сказал Капустин, – то самое...

И он как-то грустно наклонил голову вбок.

– Понятно... А что я получу, если соглашусь?

– Все, что пожелаете, – ответил Капустин. – В разумных, понятно, пределах.

Он хлопнул себя по животу и тут же опять показал мне фокус с николаевскими орлами, только теперь монеты торчали из обеих его рук.

– Мы платим золотом, любой монетой любой чеканки. Объем практически не ограничен. Хотите ваш вес? В чистом золоте? Часть положите в банк, а с остальным уедете в Баден-Баден. Будете себе играть на рулетке, пока весь город не выиграете...

Они знали про меня все.

Верите ли, Елизавета Петровна, в эту минуту я подумал не о рулетке, не о зеленом сукне – а о том, что случится чудо и рядом опять будете вы... Никакого права на эту мечту у меня не было, но довольно оказалось и одной надежды увидеть вас снова.

– Согласен, – сказал я.

* * *

Следующие несколько дней я не спускался в подвал, оставив его своим новым знакомым – они сказали, что я им не нужен. Я не особо по этому поводу переживал, так как был сильно увлечен напитками, купленными в городе на полученный от Капустина аванс в сто пятьдесят рублей.

Человеку в стесненных обстоятельствах дорогие ликеры часто кажутся верхом изысканности. Однако от них скоро наступает пресыщение и желудочная боль. А если мешать их с другими напитками, то содержащиеся в ликерах примеси в конце концов обязательно замажут и заслонят

заклученную в вине истину. Но водка способна эти примеси быстро вымывать – и равновесие здесь достижимо, хоть оно и хрупко.

Я упомянул про ликеры не просто так. Потребляемые нами напитки влияют на тип испытываемых нами видений, и дорогое горячительное как бы поднимает нас из партера, где черти являются прямо перед нами, в ложу, откуда мы глядим на них сверху вниз.

Именно такой ложей и стал в результате мой просторный балкон.

Черти теперь не шныряли вокруг, а жались в некотором отдалении от усадьбы, и в повадке их появилась какая-то опаска, словно они боялись, что я брызну на них сверху святой водой.

Возможно, дело было в том, что Глашка все напутала и, помимо прочего, привезла из города еще и ящик церковного кагора, который мне пришлось выпить в самом начале своих экзерсисов, чтобы не оставлять неприятную работу на потом.

А может быть, причина была в моих гостях.

Уже на следующий день после нашей беседы из подвала стали время от времени появляться подозрительно чистые, прямые и широкоплечие мужики, все молодые, но со степенными бородами и волосами, расчесанными на прямой пробор. Такие красавцы, что, право, порадовали бы наших славянофилов.

С собой они выносили разный строительный материал – опиленные бревна, доски, веревки, причем в таких количествах, что мой подвал столько просто не вместил бы. Еще таскали разные железные детали, назначения которых я не понимал, и всякий инструмент – топоры, молотки и пилы.

Между моей усадьбой и липовой аллеей, которую я вам уже описал, имеется небольшой пустырь, где когда-то давным-давно были разбиты французские клумбы. От них не осталось уж и следа.

Похожие на переодетых гвардейцев мужики сносили строительные принадлежности именно сюда – и за самый краткий срок построили в этом месте вместительный сарай с дверьми почти во всю ширину. Работали они так хорошо и споро, что я хотел даже попросить их нарубить мне дров за ведро водки, но возможности такой не представилось. Мужики не слонялись по усадьбе без дела – отработав свое, они бесследно исчезали в подвале.

Построенный ими сарай был необычен – его огромные двери не открывались на петлях, а отъезжали в стороны на маленьких колесиках, катящих по деревянной рельсе. Я подобное прежде видел лишь в одном амбаре на Волге, где так было устроено возле причала с баржами, чтобы не

мешать проезжающим телегам.

– Что это за амбар? – спросил я Капустина, когда тот поднялся ко мне на балкон, чтобы махнуть стопочку (они с Карманниковым делали это довольно часто, о чем я еще расскажу).

– Это, Маркиан Степанович, не амбар, а ангар.

– А что такое ангар?

– Это тоже своего рода амбар. Но особый. Для летательных аппаратов-с.

– Зачем ему такие огромные двери?

– Чтобы прошли крылья-с.

Я заметил, что Капустин в разговорах со мной добавляет это присяжно-поверенное «-с» к некоторым словам, обычно невпопад. Видимо, чтобы вызвать во мне доверие, он старался говорить как человек нашего времени, не вполне точно зная, как люди у нас говорят.

Поняв это его намерение, я стал наблюдать его внимательно, и увидел, что в разговоре он всегда в точности копирует мои жесты – чешет ухо, морщится, и так далее. Наверно, он хотел сойти таким образом за своего. Результат, однако, оказался обратным – я стал относиться к нему еще более настороженно.

– А велики ли крылья? – спросил я.

– Скоро увидите...

Двери амбара, однако, все время держали приоткрытыми только самую чуточку, чтобы из дома можно было проносить всякие детали и материалы.

Назначения деталей я большей частью не понимал, но глядеть все равно было интересно: какие-то легчайшие по виду рейки вроде тех, что идут на дранку, мотки проволоки, детали из дерева, похожие на части арфы, металлические опоры, несколько колес с блестящими спицами...

А однажды пронесли закрытый тканью таинственный механизм, про который Капустин сказал, что это компактная паровая машина, и ее вполне можно было бы построить в наше время на имеющихся у нас заводах, будь люди чуть поумнее.

Иногда, глядя на переодетых мужиками чек'истов, таскающих всякую таинственную всячину в этот амбар, я думал совсем странное и дикое – а не злоумышляют ли они, часом, на Государя? Не окажусь ли я невольным их сообщником?

Но, чуть поразмыслив, я пришел к выводу, что рядом нет ни железной дороги, по которой ходит царский поезд, ни пристани, где может пристать корабль с Его Величеством, так что для злоумышления на Высочайших

Особ наша глушь подходит мало.

В амбар, где шла работа, я решил не ходить, пока не позовут. Зато я с интересом наблюдал за чертями, которые сделались особенно отчетливо видны, когда из города доставили две коробки ямайкского рому.

Как только я начал пить этот ром, черти занялись инженерным делом – и быстро выстроили вокруг амбара, где трудились люди Капустина, что-то вроде высокой изгороди из черных обгорелых бревен, поднимающихся местами весьма высоко. Походило это отчасти на плетень, отчасти на сгоревшие стропила – и теперь черти свисали с них вниз головами, разглядывая амбар в кривые подобия театральных биноклей.

Вероятно, размышлял я, подобные картины объясняются физиологией нашего сознания: мозг видит строительные работы и повторяет эту тему с вариациями в своих возбужденных видениях, содержание которых он черпает наполовину из фантазий, а наполовину из памяти.

Естественно-научное объяснение подобных галлюцинирований, несомненно, существует. Но все равно изумительно то, как различаются видения, вызываемые разными напитками. Думаю, кто-нибудь из будущих Русских Певцов еще посвятит этому вопросу немало проникновеннейших строк.

Надо сказать, что гости проявляли обо мне заботу – Глашка получила от них дополнительные кредиты, и к ее обычной стряпне добавились лакомства из города, в том числе устрицы и плесневелый французский сыр, который гости тоже поедали с отменным аппетитом. Я курил теперь сигары. В общем, я сибаритствовал как мог, даже не поднимаясь при этом из стоящего на балконе кресла, и постепенно достиг такого байронизма, что уподобился пресыщенному лермонтовскому демону.

Говорят, что если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе. Так и получилось – хоть я не искал общества Карманникова и Капустина, они повадились ходить ко мне на балкон сами.

* * *

Сперва я полагал, что таким образом они держат меня под наблюдением. Но скоро мне стало ясно: гости мои – природные русские люди, и поднимаются наверх просто махнуть стопку, делая это не с какими-то заранее намеченными видами, как какие-нибудь французы или немцы, а без всякой цели вообще.

Как только я понял это, мне стало с ними легче, и в отношениях наших

появилась даже некоторая трактирная задушевность.

Капустин, однако, не расслаблялся никогда, и выудить из него что-нибудь было сложно. Беседуя с ним, я часто думал о вас, Елизавета Петровна. Мне хотелось выяснить – удалось ли таким мечтательным и чистым душам как вы освободить народ? Или он по-прежнему влачит свои дни во тьме, спаиваемый известно кем и лишенный прав собственности?

Несколько раз я пытался завести разговор на эту тему, но Капустин реагировал довольно странно – хихикал, и, словно бы продолжая какой-то не со мной начатый разговор, отвечал крайне таинственно:

– За такие высказывания, Маркиан Степанович, вы бы у нас сразу загремели по двести восемьдесят второй, и крепко...

Я запомнил эту цифру, потому что Капустин повторял ее всякий раз, когда я пытался обсудить с ним беды России и узнать, какое разрешение получили наши проклятые вопросы в будущем.

Еще меня очень интересовало, появятся ли в русском обществе яркие и несомненные моральные светочи вроде графа Толстого... Но Капустин всякий раз или начинал что-то мямлить, или менял тему.

Занятым мне показалось разве что его разъяснение, каким образом будущим властям удастся скрывать от публики все эти космические тайны.

– Вот это как раз просто, – ответил он. – Для этого не надо их скрывать.

– То есть как?

– А так. Надо устроить, чтобы про внеземных обитателей и летающие тарелки каждый день писала вся помойная пресса. И все время появлялись новые жуткие подробности и *фотографии*. На фоне такого *хамуфляжа* любая утечка секретных сведений будет незаметна. Люди перестанут в подобное верить... Вернее, перестанут про это думать – у них на мозгах натрется что-то вроде мозоли.

– Хорошее словечко – «хамуфляж», – сказал я. – Уже по звуку ясно, что такое. И кто же изобрел такой хитрый метод?

– Долго объяснять. Исторически нашли методом проб и ошибок.

В общем, я быстро понял, что откровений от этого господина не дождусь.

С Пугачевым обстояло похоже. Я, собственно, за все время поговорил с ним только один раз, и то коротко. Однажды он обсуждал с Капустиным судьбу их сослуживца (так я понял), и мой слух выхватил из их речи странную фразу, показавшую, как сильно изменился за век с лишним русский язык: «в Украине на подвале».

– Вы хотели сказать, в подвале на Украине? – решил я переспросить.

– Нет, – ответил Пугачев, смерив меня подозрительным взглядом, – я хотел сказать именно «в Украине на подвале».

– А смысл этих слов такой же?

– Нет, несколько другой.

– И какой же именно?

– А это, – сказал Пугачев самым дружелюбным тоном, – я вам заебусь объяснять, Маркиан Степанович.

После этого всякое желание говорить с ним у меня пропало – дело могло кончиться дуэлью.

Куда интереснее сложилось мое общение с Карманниковым – он, в отличие от Капустина и Пугачева, быстро пьянел и не так следил за языком. Поэтому, пока начальника не было рядом, он успевал рассказать много интересного – не столько, впрочем, про будущее, сколько про некоторые удивительные особенности путешествия во времени.

Надо сказать, что я долго размышлял об этом предмете, и у меня возник вопрос, совершенно поставивший мой ум в тупик. Мне стало интересно, как из этого тупика выберется Карманников.

– Скажите, – спросил я его за водкой, – а что, если я логически докажу вам, что путешествие в прошлое невозможно?

– Попробуйте.

– Ну вот, например, человек отправился в прошлое, встретился со своим отцом и помешал ему познакомиться с матерью. Выходит, он уже не родится на свет и не сможет попасть из будущего в прошлое. И не сможет помешать своим родителям познакомиться. А значит, они познакомятся и он родится... Методом исключения получаем, что отправиться в прошлое нельзя...

Карманников хмыкнул.

– Классический пример, – сказал он. – Поздравляю, что так быстро додумались сами. На таких вот смысловых скрепах и покоится наивная самовлюбленность человеческого разума.

– Но ведь звучит логично, – сказал я.

– Да, логично. Вот только Вселенная устроена не вполне в соответствии с вашей логикой. Есть у нее такой недостаток...

И он засмеялся.

– Вы можете объяснить этот парадокс?

– Могу. Вы родитесь все равно.

– Каким же образом?

– Наши физики, которые обучались у бородачей, называют это *законом симулятивной компенсации*. Или законом сохранения следствий. По этому

закону, когда из прошлого убирают действовавшую в нем причину или добавляют новую, будущее остается таким же, только получает новый комплекс причин. Если вы помешаете своему отцу встретиться с матерью, выяснится, что она забеременела от кучера. На месте воспоминаний о вашем отце окажется память об очень похожем отчине. И, уверяю вас, он так же неизбежно выпорот вас ремнем после первой двойки, чтобы ваша личность могла сформироваться прежним образом. Отклонения будут, но их сумма окажется ничтожной и скоро сойдет на нет.

– Подождите, – сказал я. – Позвольте. Во-первых, вы не смее так говорить про мою мать. А во-вторых, если я окажусь сыном кучера, как это может сойти на нет?

– Вместе с вашей озабоченностью этим вопросом, Маркиан Степанович. Кто про это будет помнить после вашей кончины? Что вы такое для космоса? Как не ковыряйтесь в прошлом, в настоящем все останется по-прежнему. Как говорят физики, Вселенная сдвинется в параллельную проекцию с минимальным общим искажением информации – то есть во всех практически значимых смыслах вернется в прежнее состояние. Так сказать, спружинит.

– То есть в прошлом вообще нельзя пробить дырку?

– Можно. Но она, если не брать критических случаев, не обрушит здания истории. Дырка просто никому не будет видна. Закрыта со всех сторон цепью невероятных случайностей и совпадений. Искажения скомпенсируются, и сходящиеся волны следствий погасят друг друга. Выглядеть все будет весьма нелепо – дичайшие натяжки и совпадения, прямо как в обратной съемке... впрочем, вы и прямой ведь не видели. Словом, дырка затянется как рана. Максимум – останется маленький шрамик, по поводу которого будут пожимать плечами историки. Причинно-следственные связи обойдут это событие, как линии древесного узора обходят сучок.

– Приведу пример из древности, – сказал я. – Такой, что мы оба поймем. Вот египтяне строят пирамиду. А если вы отправитесь в прошлое и убьете фараона? И вообще уничтожите власть фараонов и поменяете им всю религию?

– Если вы убьете фараона, запретите религию и введете демократию с *реалити-шоу*, уверяю вас, что египтяне построят ту же самую пирамиду Хеопса, но уже в результате национального конкурса «Дотащи Камень», спонсируемого компанией «Нила-Кола», если вы понимаете, о чем я... Причем одна стомиллионная часть выручки будет публично и с большой помпой отдана на лечение трех рабских мальчиков от камышового

энцефалита. Вот только в том настоящем, откуда вы туда отправитесь, пирамиды останутся теми же.

– Но ведь изменятся надписи на стелах.

– Вряд ли. Скорее всего, стелы, о которых вы говорите, будут разбиты восставшими рабами во времена какого-нибудь Эхнатона, когда все в Египте вернется на круги своя, а потом их заменят поддельными – из высших религиозных побуждений. Ну или что-то в этом роде. Максимум, изменится какой-нибудь иероглиф.

Некоторое время я думал – а потом ударил кулаком по столу.

– Но если прошлое изменить нельзя, зачем вы тогда сюда прибыли? Зачем вы строите этот летательный снаряд?

Карманников улыбнулся и поднял палец.

– Прошлое нельзя изменить. Но можно изменить будущее. То будущее, которое начнется вслед за моментом нашего прыжка назад. Понимаете?

– Не вполне, – сказал я. – Если прошлое осталось тем же самым, почему вдруг изменится будущее?

Карманников выпил стопку.

– Смотрите, – ответил он, – мы запускаем волну, которая изменит будущее, из далекой точки прошлого. На само прошлое эта волна не влияет – потому что прошлого уже нет, остались только записи о нем. Это как в китайских фильмах – мастер бьет по десяти кирпичам, на первом из них остается крохотная вмятинка, следующие восемь штук пропускают через себя волну, а самый дальний, десятый, разлетается на куски... Впрочем, вы не смотрели...

– Отчего же, подобное я видел, – сказал я. – В университете. Висят десять костяных шаров в ряд, каждый на своей нити. Касаются друг друга. Лектор отводит крайний шар в сторону – и после удара все шары остаются на месте, а в сторону отлетает крайний с другой стороны...

– Вот-вот! – обрадовался Карманников. – Теперь вы поняли суть. В чем главное содержание человеческой жизни? Люди меняют будущее, действуя в настоящем. Мы делаем то же самое – только невидимым окружным путем.

– Хорошо, – сказал я, – но ведь американцы уже взлетели в небо первыми. Это ведь факт. Факт вашего прошлого, который нельзя изменить.

– Это не изменится в прошлом, – ответил Карманников. – Но в нашем будущем будут обнаружены убедительнейшие доказательства, что первыми были не они, а мы. То есть вы, Маркиан Степанович. Будет найдена киноплёнка – мы заодно и первую кинокамеру изобретем под это дело – с кадрами вашего полета. Плёнка сохранится в одном из царских архивов.

Дубликат найдут в Лондоне – мы над этим поработаем. Подлинность пленки подтвердит радиоуглеродный анализ. А заснят на ней будет ваш летательный аппарат и вы. Это станет серьезным историческим открытием.

Он махнул еще стопку.

– Какая-то черная магия, – сказал я.

– Увы, вы почти правы, – вздохнул Карманников, – физику здесь мало кто понимает до конца. Хоть бородачи нас и обучают.

– А как они вас обучают, – спросил я, – если бородачей нет в настоящем времени?

– Во сне. Видите ли, сон – всегда воспоминание. Когда и как он происходит, непонятно. Так что лазейки есть. Бывают и другие методы связи... Но на эту тему я распространяться не могу.

Меня удивили эти слова и неожиданно напрягшийся голос Карманникова – а потом я поднял голову и увидел Капустина. Он почему-то всегда незаметно появлялся из-за моей спины.

Похоже, Капустин был в отличном настроении.

– Ты не можешь, – сказал он Карманникову, – а я запросто.

Он сунул руку за пазуху и преувеличенно галантным жестом фокусника показал нам довольно странный предмет.

Это был небольшой мешочек, или скорее мягкий конверт, сшитый из плотной фиолетовой ткани. Материал напоминал муар, но проходящие по нему разводы жили, казалось, собственной жизнью. Один угол конверта был толще – внутри лежала какая-то вещьца размером с часы или спичечный коробок.

Карманников натянуто улыбнулся – похоже, ему не понравилась эта демонстрация.

– Что это? – спросил я.

– Карманников, объясни на популярном языке.

– Технология бородачей, – сказал Карманников. – Этот конверт – независимый от остальной вселенной информационный континуум. Там могут сохраняться материальные предметы из прошлых состояний вселенной, потому что материя – это просто информация. Таким образом бородачи могут передавать нам весточки.

– И еще кой-чего, – добавил Капустин, сделав вид, что сжимает конверт в кулаке.

Карманников побледнел и привстал с места.

– Что ты дурака валяешь, – зашипел он.

– Да ладно тебе, – сказал Капустин. – Я же фокусник. И потом, я не говорил, что там внутри. Это ты гостайну раскрываешь. Маркиан

Степанович, вы у нас теперь свидетелем проходите, хе-хе...

Но конверт он все-таки убрал.

* * *

Мне сделалось ясно, что кроме темных научных рассуждений я не услышу от своих гостей ничего интересного.

Никаких сведений об устройстве и духе мира, откуда они прибыли, я так и не дождался, сколько мы ни пили вместе. И это, признаюсь, вызывало во мне не только досаду, но и жутковатое подозрение, что скрытничают они не зря. Умолчания Капустина и его странные шуточки лишь укрепляли во мне эту мысль.

Возможность заглянуть в самое сердце грядущего представилась мне по чистой случайности. И, положив руку на сердце, скажу вам, Елизавета Петровна – знай я заранее, что откроется моему взору, я не проявлял бы такого любопытства.

Но расскажу по порядку.

Со своего балкона я видел, что Капустин иногда выходит из ангара, присаживается на лавку возле стены и читает какую-то рукопись (возможно, так он отдыхал от дел). Рукопись эта состояла из множества расшитых листов в папке ярко-желтого цвета. Иногда, читая эти листы, он морщился. Один раз засмеялся – но как-то зло... Словом, я был заинтригован.

Возвращаясь в ангар, Капустин всякий раз забирал папку с собой. Но однажды его окликнули – и он ушел к своим в спешке. Папку он прихватил, но забыл несколько листов, прижатых к лавке чайным стаканом.

Я к этой минуте уже был в приличном подпитии – и решение созрело во мне немедленно.

Спустившись вниз, я прошелся мимо лавки, убедился, что никто из гостей меня не видит, подхватил эти листы и, спрятав их под халат, вернулся на балкон.

В моих руках оказались три странички плотной белой бумаги с двумя столбцами печатного текста на каждой. Язык был русским, но совершенно безграмотным – словно писал крестьянский ребенок, не знающий ни твердых знаков, ни буквы «Ять». Впрочем, слог написанного был по-своему строен.

Я несколько раз перечел эти страницы самым внимательным образом, а потом ушел в кабинет и не поленился переписать их от руки, копируя

непонятные слова, как гимназист, списывающий у товарища задание по латыни... Судя по всему, это был самый конец какого-то романа, написанного почти через полтора века после нас.

Затем, когда уже начинало темнеть, я снес украденные страницы назад – и положил их рядом с лавкой, словно их сбросило ветром. Капустин подобрал их на следующий день – подмокшими от прошедшего ночью дождика.

Прежде чем поделиться с вами мыслями по поводу прочитанного, я хочу, Елизавета Петровна, чтобы вы ознакомились с ним сами – и взгляд ваш не был заранее замутнен моими мнениями.

Вот каким был мой улов:

прячет наконец свой усталый, покрытый бледными каплями, но все еще жадный язык, мне приходит в голову, что всякий раз, когда во мне просыпается надежда, когда в моем уме начинает метаться яростно ищущая выхода мысль, все это просто гром и треск, извлекаемый неземным ветром из сухой погремушки на потеху мельчайшему князю, озирающему из нижней мглы сделанные ему дары.

P.S.

С литературной точки зрения лучше было бы закончить эту печальную повесть именно здесь. Но я, слава Мамоне, не литератор. Я трейдер – хоть и бывший.

Поставь я точку здесь, и получилась бы традиционная россиянская «духовная инвектива» – сколько таких написали за последние два века, не сосчитать. Пламенный, так сказать, приговор миру, погрязшему в... (нужное подчеркнуть), произносимый «задумавшейся грешной душой».

Но только я хочу сказать совсем не это. Я мог бы пошутить, конечно, что, судя по «ГОСПОДИ, ПОМИЛУЙ МЯ ГРЕШНАГО» на моем *пергаменте*, подобное мне еще предстоит. Но я не настроен веселиться. Я серьезен на сто процентов – и задержу читателя еще на две минуты, чтобы сообщить то главное, что действительно меня мучает.

Все эти «истины», явленные мне во сне, становятся не особо важны, когда я просыпаюсь. Потому что я живу не там, где вижу Жука и его князя, а вот тут – в мире, где мы встречаемся над этой страницей. Может быть, это измерение тоже мне снится, но сон

очень навязчив и многого от меня требует. И в этом главном и общем для всех сновидении я смотрю на вещи немного по-другому.

Я по-прежнему материалист – и верю, что странные приключения моего сознания имеют естественное объяснение.

Скорей всего, это были просто внутренние напряжения психики, отразившиеся в зеркалах моего ума, искривленных химией и страхом. Я принимал лопающиеся нейронные спайки за «события внутренней жизни» – но это была лишь цепочка разрядов, прожигавших новые связи в моем мозгу. Подобное происходит много раз в жизни, только переживается обычно не так замысловато.

То, что Жук привлек мое внимание к Сирилу, объясняется просто – мы жили в одном доме, и мой мозг, должно быть, бессознательно сфотографировал его во дворе или у лифта, а потом так же бессознательно опознал в фейсбуке... Можно жить рядом с другим человеком годами, и никогда его не замечать, это знают все. Удивительного здесь мало.

Это не Жук вдвухает электричество в мои нейроны через свой длинный клюв. Он сам есть поток частиц, мозаика, случайно сложившаяся в лабиринтах неокортекса из обломков детского чтения, визуального энтертейнмента и прочей ламберсексуальности.

Князь? Уловленные им души? Ах, если бы.

По-настоящему страшно совсем не это.

Мы, кримпай, думаем, что над нами есть добрая сила, направляющая нас к свету – а противостоит ей сила злая, желающая нас от него отворать. Мы верим в подобное до сих пор, верим в глубине души – и часто основываем на этом свои поступки. Что, наверное, хорошо и полезно для общежития – такая матрица впечатана в наше подсознание не зря. Но это просто наш способ уверить себя, будто во Вселенной есть кто-то, кто нас любит. И кто-то, кто нас ненавидит. Что есть кто-то, занятый нами – как Жук был занят мной.

Потому что все мы – мягкие и слабые. И даже в зрелости мы маленькие плачущие дети, нуждающиеся в любви, внимании или хотя бы ненависти. Мы достаточно глупы, чтобы иногда вызывать друг у друга серьезные эмоции – и в этом помутнении ума заключено наше счастье, потому что на самом деле никто не

нужен никому. Не верите – спросите у Аарона Альцгеймера (если, конечно, он прибежит к вам из сумрака в ответ на ваш исступленный ночной зов).

К счастью, мы чаще всего не успеваем дожить до этой последней ясности, как кроманьонцы не успевали дожить до седин.

Никакого Жука нет. А есть – поток частиц в моем мозгу, принимающий разные конфигурации под действием информационных полей и отражающийся сам в себе. И все эти частицы летят не ко мне и не от меня. Они вообще не летят куда-то конкретно. Просто дрожат, появляются и исчезают.

Один поток частиц – я. Другой – мой дружок Сирил. Третий – вата. Четвертый – цивилизация. Частицы приближаются друг к другу, отклоняются, отталкиваются – и возникают наши ценности и смыслы, ненависть и любовь, радость и страх, «Господи, помилуй мя грешного», «человек – это звучит бодро» и все такое прочее. И нет над этим никакого Князя, проявляющего к нам интерес.

Вернее, он есть, пока снится. Но мы просыпаемся, постоянно просыпаемся. А потом, когда жизнь протрет в нас достаточно дыр, мы просыпемся окончательно – и превратимся в белый ракушечник, по которому побегут загорелые юные ноги. Если приглядеться к ракушечнику, он состоит из миллиардов крохотных черепов.

Мы не нужны этим черепам и еще меньше – этим загорелым юным ногам. Мы не нужны черно-зеленому трейдерскому графику, на который глядим с такой надеждой и страхом. Мы не нужны никому, даже той инстанции, которой мы теоретически принадлежим – самим себе. *Bonjour tristesse* – и прости, Сирил.

Лучше всего, кстати, про это написал недавно он сам – он ведь у меня философ. Мне кажется, что это мои собственные мысли, просто он смог выразить их точнее, когда решился-таки осознать свою ватную сторону:

Ахиллесова пята современной «философии» – это неустранимый конфликт между научным знанием и политической идеологией, нанимающей философа за еду. Наука давно пришла к выводу, что никакой «личности», способной быть субъектом «свободы», не существует – и точно так же

нет никакой «свободной воли».

Мы не выбираем, как и какими нам быть. Мы лишь осознаем сделанный за пределами нашего сознания выбор как «свой». Где именно он делается и каким образом, мы не в курсе. Мало того, все эти «I, me, mine», навечно заклеенные в песне «Битлз» – вовсе не пятна грязи на незрелой душе, а ложные, но необходимые подразумевания, позволяющие мозгу кое-как подделывать и склеивать картину непрерывной внятной реальности, поддерживая «нашу» в ней заинтересованность: без них не было бы ничего связного и осмысленного вообще.

Человеческий мозг, по сути, просто робот-фальшивомонетчик, главная задача которого – непрерывно обманывать самого себя, чтобы передать гены дальше по цепи страдания. Некоторые радикальные экономисты уверяют, что фальшивомонетчики сидят в ФРС США – но увы, самый главный жулик и вор гораздо ближе. Он и есть мы сами.

Личность – это зыбкая совокупность культурно и биологически обусловленных эффектов, программный (и постоянно перепрограммируемый) продукт, и физика здесь точно так же предшествует лирике, как при работе компьютера. В нашем мире все просто происходит – и нет никаких действующих лиц. Мы никогда не были «живы». Или, во всяком случае, никогда не были живее, чем ветер, облако, волна – или компьютерная программа. Мы всего лишь боты, строящие информационный коралловый риф. Когда мы начинаем догадываться о том, кто мы на самом деле, мы снимаем страшилки про зомби.

Сознание – это огонь Святого Эльма на мачте тела. Лампа, освещающая механический и абсолютно лишенный своей воли процесс... Свободная воля – один из множества возникающих при этом миражей. Как огонь святого Эльма может быть свободен или не свободен? От чего? Для чего? Он просто горит некоторое время на мачте, освещая несущиеся сквозь него соленые брызги, а потом исчезает.

Соленые брызги, да уж – про них на этих страницах было немало. Прямо памятник русскому гей-экзистенциализму первой четверти двадцать первого века.

Сирил прав, но с этим знанием трудно жить. Ведь даже моя

неразделенная любовь к Золоту, мой кошмарный сон про Жука – просто эхо веры, что в мире есть какой-то прочный и надежный смысл, какая-то инстанция, превосходящая меня самого.

Хотя что это значит, если перевести с человеческого на изначальный? Клубок полей и частиц, превосходящий другой клубок полей и частиц?

Превосходящий в каком смысле?

Может быть, конечно, что эти мои слова – последний мазок, накладываемый Жуком на его *пергамент*. Но скорей всего, дело в том, что среампие Сергеевич все еще на что-то надеется – а Надежда, как острил Ленин, умирает последней.

Он, по слухам, перед *выездом князя* понял все-все.

Вы ведь понимаете, Елизавета Петровна – такое я подделать не смог бы и не сочинил бы ни за что: множество слов здесь непонятны, другие ясны отчасти или смутно. Иные метафоры чересчур уж сильны, но и жутковато красивы – «клубок полей и частиц...» Клубок полей, как вам такое?

Зато некоторые выражения, хоть и неслыханные, прозрачны вполне – например, «гей-экзистенциализм»: тут «экзистенциализм» от латинского «существую», а «гей» – восклицание наподобие «эх». Мол, выпала человеку доля – коптить белый свет, и что теперь с этим поделаешь... Эдакая, одним словом, цыганщина.

В общем, хоть частности оставались неясны, общий смысл прочитанного вполне до меня дошел – и показался мне весьма мрачным и даже совсем безнадежным. Вот, значит, на какую станцию назначения прибыли наши детки через сто с лишним лет... Всевидящий Глаз от них, похоже, спрятали из государственных соображений, как и говорил Капустин. Или, может быть, автор как раз и описал самым подробным и честным образом то, что этот Глаз видит, на него глядя? Жил бы этот господин в наше время – был бы, видимо, последователем Чернышевского. Или резал бы лягушек вместе с Базаровым.

Но знаете, что самое любопытное? Подобные настроения посещали и меня самого – в Баден-Бадене, на дне отчаяния, когда, покинутый вами, я просаживал за рулеткой последние фридрихсдоры.

Я разглядывал игорный стол сквозь винный стакан – и в голове моей крутилась следующая мысль: мне кажется, что я жив и строю всякие планы, но в голове у меня просто рулетка – такая же, как та, возле которой

стою... И весь я – не слишком-то сложная машинка. Рулетка выпадает на черное или красное, мне делается грустно или весело – но чувства эти не мои, а как бы горький и сладкий сироп, заготовленный природой сразу на всех и текущий сейчас по сосудам моего мозга...

Помню, я глядел на свечу на столе (какой-то толстый немец принес ее, чтобы от нее прикуривать), и думал: все эти игроки – просто механические фигуры, как на городских часах. У каждого в голове такая же рулетка и органчик, такие же колбы с сиропом, да еще кривое зеркальце, в котором отражается свеча... Жизнь наша заключается в том, что игроки делают ставки на внешней рулетке как им укажет рулетка внутренняя. А потом внутри у них дудит органчик – весело или грустно, льется сироп, и отражение свечи дрожит в кривом зеркальце... И нет в человеческой судьбе никакой другой тайны.

Кто тогда играет, спрашивал я – и сам же себе отвечал: одна рулетка с другой. Даже, помню, вообразил себе разговор черта с Чернышевским:

– Что делать? – спрашивает Чернышевский.

– А разве у вашей рулетки есть выбор? – отвечает черт со своим обычным остроумием.

Но ежели есть только рулетка, кто тогда отличает выигрыш от проигрыша? Анима? В такое передовые люди не верят. Тогда я не видел ответа. Сейчас же, наслушавшись Капустина, сказал бы, верно, что это Всевидящий Глаз... Но в чем смысл игры одной рулетки с другими? Зачем это Всевидящему Глазу?

Возможно, впрочем, все от скуки. Ему же надо что-то наблюдать. Как он вообще узнает, что он есть, пока кто-то не поймет это для него своими мозгами? Но здесь моя мысль как бы натывается на океан черной пустоты – и бессильно отступает.

Только знаете что, Елизавета Петровна? Я лучше пушу себе пулю в лоб, чем соглашусь быть механической куклой.

Помните, вы рассказывали про золотую рыбку, бывшую у вас в детстве? Вы верили, что она волшебная, обращались к ней со смешными просьбами – и думали: ежели желание не исполнилось, это потому, что вы плохо себя вели и рыбка сердится...

Так это мудрее было, чем все эти зеркала и гей-экзистенциализмы. Право, лучше я в золотую рыбку уверю, чем в такое вот механическое ничто.

Шли дни, и вскоре я начал испытывать отвращение к пьянству. Я не мог разорвать порочный круг сразу (вы видели, как трудно это бывает даже при серьезнейшей нравственной необходимости), но стал ограничивать себя небольшим количеством горячительного, потребного организму в качестве ежедневной смазки, ибо не подмажешь – не поедешь: взятки в Отечестве нашем приходится давать даже сидящему внутри бесу винопития.

Через несколько дней я протрезвел почти полностью. Мне просто больше не хотелось – опьянение стало скучным. К тому же гости были заняты работой и поднимались на балкон для совместных возлияний все реже.

Зато они наконец пригласили меня зайти в ангар.

Внешний вид аппарата очень меня удивил – он оказался совсем не таким, как я предполагал. Я представлял себе большую птицу с широкой грудью, где скрыт мощный двигатель. В действительности же аппарат был больше похож на бабочку.

Само тело его напоминало узкую длинную ладью, в центре которой установлена была паровая машина необычайно маленького размера. Крылья крепились к этой ладье множеством крепких канатов и тросов, поднятых к невысокой мачте рядом с паровой машиной. Стоял аппарат на паре легких, но прочных колес.

Такое устройство показалось мне странным.

– Каким же образом этот механизм поднимется в воздух, – спросил я Капустина, – если его крылья не могут совершать никаких движений?

– Крыльями махать ни к чему, – ответил Капустин. – *У самолета* для этого есть *propellor*.

И он указал на корму ладьи.

Там был установлен винт наподобие того, каким движутся суда, только очень узкий и длинный. Я сообразил, что при быстром его вращении воздух – то есть газ – будет вести себя примерно как жидкость, и при запуске машины винт толкнет аппарат вперед.

То есть эти господа, по сути, взяли паровую лодку, поменяли форму гребного винта и приделали к ней крылья. Простейшая и остроумнейшая мысль!

– Сядьте в гондолу, – сказал Капустин. – Примерьтесь. Вам ведь скоро лететь.

Я несколько обмер, услышав эти слова – но не подал виду и залез в ладью по приставленной лесенке. В самом ее начале была устроена кабина, где стоял жесткий стул с сиденьем, обтянутым красной кожей. Штурвала

или рулевого колеса я не увидел – вместо него из пола торчала длинная ручка, от которой отходили тяги.

– Вот этой ручкой и будет направляться полет? – спросил я.

– Не беспокойтесь, Маркиан Степанович, – сказал Капустин, – вам надо будет только удобно устроиться на сиденье и подкручивать усы. Остальное *самолет* сделает сам.

Самолет. Слово показалось мне красивым и точным. Летает сам.

– Но как такое возможно? – спросил я.

– Ах, Маркиан Степанович, – сказал Капустин, – поверьте, единственная сложность для нас – сделать все так, чтобы выглядело похоже на девятнадцатый век. Остальное чрезвычайно просто. Со съемкой, кстати, разобрались. Уже сделали в Петербурге опытную киноплёнку, испытали кинокамеру и проявили фильм. Так что приводите себя понемногу в порядок. Скоро летим!

Вечером, когда я сидел в кабинете, ко мне зашла Глашка, заревела – и бухнулась в ноги:

– Не серчай, барин! Продала я тебя с потрохами!

– Что такое? – не понял я.

Оказалось, с неделю назад мои гости дали ей пять целковых, чтобы она подмешивала в мою еду какой-то порошок. Они сказали, меня надо выводить из запоя, но Глашка решила в душе, что гости злоумышляют меня отравить и переписать имение на себя.

Но я ведь и правда за последние дни почти перестал пить – настолько, насколько позволяло пропитанное винным духом тело.

Жаль, что такое значительное и благоприятное изменение моей жизни случилось помимо моей собственной воли... Но то, что оно произошло, прекрасно.

Я велел Глашке не сомневаться и мешать порошок. Ах, Елизавета Петровна, если бы у нас был такой в Баден-Бадене!

* * *

Недалеко от моей усадьбы есть пустошь, граничащая с небольшой рощей. Тут было когда-то или кладбище, или поселение людей: в суглинке много камней, изредка попадаются наконечники стрел, черепки и старые кости. Здесь ничего толком не растет, кроме редкой травы, пастухи обходят это место, и только ребятня изредка приходит сюда, чтобы играть в бабки и лапту.

Принадлежит эта скудная полоса мне – никто из крестьян после Высочайшего Манифеста на нее не позарился в силу невозможности извлечь из нее прибыль. О том, что собственник именно я, мне напомнил Капустин. Он последнее время зачастил в город и навел, как он говорит, мосты с начальством (вспомнив, как он крутил между пальцами золотые монеты, я сообразил, что это было несложно).

Испросив моего позволения, он направил своих ряженных работать в это место. Они выходили по ночам; из окон флигеля видны были жутковатые лучи синего света, пляшущие во тьме, и слышался шум, издаваемый словно бы большой ржавой лебедкой.

Вскоре оказались зачем-то спилены самые высокие из растущих вокруг деревьев, а сама пустошь превратилась в кусок довольно хорошей дороги, прямой и широкой – но ведущей от одного оврага к другому.

В ужасающей бессмысленности такого дорожного строительства было что-то очень русское, и мне сразу захотелось выпить, чтобы на время примирить душу со скорбным безумием нашего азиатского прозябания. Я удержался от искуса – однако высказал Капустину весьма язвительное замечание.

Капустин, однако, добродушно рассмеялся.

– Вы ничего не поняли, Маркиан Степанович, – сказал он. – Это не дорога от одного оврага к другому. Это дорога из прошлого в будущее.

Я продолжал язвить:

– Не сомневаюсь. Если отправиться из первого оврага в полдень, можно будет прибыть ко второму в две минуты первого. Дорога действительно ведет в будущее. Как и любая другая.

– Вернее, это путь из одной стихии в другую, – ответил Капустин мечтательно. – Или даже из старого мира в новый...

– В каком смысле?

– Это *взлетная полоса*.

Услышав эти слова, я сообразил наконец: винт на корме их летающей ладьи и колеса под ней означали, что перед полетом механизму потребуется разбег – и скорость его из-за неподвижных крыльев должна будет сделаться весьма велика.

По краям взлетной дороги поставили четыре чучела, чтобы отпугивать ворон – для одного из них я отдал валявшуюся в чулане уланскую каску кого-то из предков. Пусть хоть так род Можайских послужит великому будущему своей Отчизны.

Оказалось, что с Карманниковым можно говорить и на трезвую голову (в данном случае имею в виду свою). Днем мы пошли гулять к реке – и у нас состоялась очень любопытная беседа. У меня с собой был штофик, поддерживавший Карманникова в разговорчивом настроении, и записная книжка, где я делал пометки – иначе я не запомнил бы ничего.

– Вот вы говорили, что если пробить дырку в прошлом, она зарастет как рана, – сказал я ему. – Но ведь заживают не все раны. Некоторые раны убивают. Вдруг мы нанесем прошлому такую рану, что она уже не заживет?

– Вообще-то, – ответил Карманников, – то, что делаем мы – это даже не рана, а булавочный укол. Но есть своего рода порог допустимых изменений, некоторая критическая величина. Пока искажение меньше, действует закон симулятивной компенсации и не меняется практически ничего. Но если искажение сделается больше – добиться чего весьма сложно, но возможно, – тогда...

– Что? – спросил я.

Он сделал такое движение руками, словно сжимал что-то большое в комок.

– Р-раз, и ничего не останется вообще... Реальность схлопнется. Во всяком случае, серьезный ее сегмент. На самом деле в математическом смысле каждый раз происходит именно это, и закон симулятивной компенсации – просто частный случай такого положения дел... Эмпирическое, так сказать, описание. Все дело в масштабах перемен. Помните, мы говорили про Египет, и я сказал, что от всех ваших усилий по демонтажу древнеегипетской государственности изменится разве какой-нибудь иероглиф?

Я кивнул.

– Если говорить строго, даже этот иероглиф не изменится. Это вы сами окажетесь во вселенной, где он всегда был таким.

– Я окажусь?

– Опять-таки, если точно – тот Можайский, который всегда жил именно там. Кто-то из бесчисленных Можайских сохранится в безмерности после катаклизма. Вот это и будете вы...

– Это уже отдает каким-то переселением душ, – сказал я.

– Все куда проще. Вы не поверите, но в физике будущего сознание лежит в основе всего. На деле пружинит не вселенная, а именно сознание. Как говорит Капустин, Всевидящий Глаз – хоть я и не люблю оперативный

жаргон. Именно сознание собирает ближайшую параллельность, соответствующую изменившимся начальным условиям. Новая реальность обычно очень близка к исходной. Настолько, что их почти невозможно различить.

– Я уже не понимаю, – сказал я честно.

– Это трудно понять без уравнений и выкладок. А с уравнениями, – Карманников засмеялся, – еще труднее... Если честно, в этом не разбирается никто, кроме бородачей. Поэтому, говоря о практической стороне вопроса, мы не лезем в дебри, а употребляем слово «пружинить».

– У вас получается, что вселенная пружинит – но на самом деле нет, – сказал я.

– Так и есть. В математическом смысле – нет. А в житейском – очень даже да. Видите ли, проходя через прошлое, мы в действительности ничего не меняем в том будущем, откуда прибыли. Мы просто начинаем путешествовать по безмерности *мультиверса*. Если смотреть по уравнениям, вы не трансформируете свой прежний мир, а переходите в близкий к нему параллельный, уничтожая прошлый – но вам-то какая разница? В практически наблюдаемой реальности вы изменили мир, а Вселенная спружинила. Понимаете?

– Допустим, – ответил я, хотя это было натяжкой.

Карманников нагнулся к моему уху.

– Так вот, – сказал он почему-то шепотом, – вселенная пружинит не всегда. У высокоразвитых космических рас есть особое причинно-следственное оружие. Так называемый *корректор истории*, меняющий все вообще. И прошлое, и настоящее, и будущее.

– Каким же образом?

– Корректор специально создает критическое искажение прошлого и уничтожает сразу целый кластер параллельных вселенных вместе со всей историей, которую с его помощью хотят стереть.

– Помилуйте, – сказал я, – но кто же будет такое оружие применять? Ведь никого потом не останется.

– Вы не понимаете, как устроен космос. Число вселенных в нем нельзя уменьшить, потому что оно бесконечно. Мало того, сохранится бесконечное число вселенных, в которых изменится только то, что вы хотите поменять, а остальное останется как было.

– А как вы исхитритесь попасть именно в такую вселенную? – спросил я.

– Вам не надо будет туда попадать, – ответил Карманников. – То, что вы назовете словом «я» – и будет наблюдатель, оставшийся в такой

вселенной. Ближайшей к исходному варианту в смысле сходства черт.

– Но где гарантия, что это буду именно я? – повторил я.

– А где гарантия, что вы – это именно вы? Истинный наблюдатель в мультиверсе только один – Всевидящий Глаз. Мы просто уговариваем его перестать видеть одно и начать видеть другое. Он естественным образом обнаружит ближайшего из оставшихся Можайских. Вернее, начнет смотреть сквозь него на все остальное. Но это то же самое.

– А сколько вселенных можно уничтожить за один раз?

Капустин засмеялся.

– Если вы хотите вникнуть в математические тонкости, Маркиан Степанович, то даже при самом нежном вмешательстве возмущение оказывается критическим для бесконечного числа вселенных. Мы всякий раз видим только то, что остается, и поэтому думаем, что не меняется ничего, а вселенная пружинит. На самом деле меняется все. Так что не забивайте себе голову. В практическом смысле дело обстоит так, как я объяснял в прошлый раз.

– Не понимаю, – покачал я головой, – мириады вселенных исчезают, и никто этого не видит?

– А как может быть иначе? Ведь в оставшихся мирах не изменилось ничего. Есть основания считать, что различные сверхцивилизации постоянно редактируют мультиверс самым яростным образом – и воюют друг с другом именно так. Просто этого никто не замечает.

– Потому что все, кто мог бы это заметить, исчезают?

Карманников кивнул.

– Схлопываются. Остаются только миры, где были соблюдены приличия и можно увязать будущее с прошлым.

– Как же так, исчезло столько вселенных, а всем плевать... Не могу представить.

– Представить несложно, – ответил Карманников. – Я вам помогу. Случалось вам, читая за столом, уронить каплю жира на книжную страницу?

– Случалось многократно.

– Помните, как бывает – вы закрываете книгу, и пятно пропитывает несколько страниц, становясь все меньше и меньше, пока не исчезает совсем?

Я кивнул.

– Теперь представьте, что книга бесконечно большая, и все соседние страницы в ней очень друг на друга похожи. Поэтому листы, на которых проступило пятнышко, по содержанию разнятся крайне незначительно.

Может, меняется какой-нибудь штришок. Если все такие страницы вырвать, чтобы слишком заметных пятен не было, книга останется почти той же самой. Даже если таких испорченных страниц миллиард.

– Может быть, книга останется той же самой для библиотекаря, – сказал я. – А если вы герой, описанный на вырванной странице?

– Если скорректировали именно вас, вы, конечно, исчезнете со всеми страницами, где были, – ответил Карманников. – А если нет, вы останетесь на тех страницах, куда пятно не дойдет – и, скорее всего, в том же самом виде. Книга меняется не для героя, потому что с ним все просто – он или есть, или его нет. Книга меняется как раз для библиотекаря.

– Этот библиотекарь – Всевидящий Глаз?

Карманников отрицательно покачал головой.

– Всевидящий Глаз – это единственный читатель.

– А кто тогда библиотекарь?

– Бородачи говорят, что в космосе есть одна очень особая раса, которая, так сказать, ведет счет всей игре. Она как бы хранит историю модификаций вселенной в своих... Э-э, как вам объяснить-то... Амбарных книгах, скажем так. В них каждое существо, да что там, каждый мельчайший атом описан сразу на множестве языков. Своего рода последний *быкан*, по которому Всевидящий Глаз сможет проследить и восстановить абсолютно все, если захочет... Вернее, если захочет кто-нибудь из тех, кто будет в это время служить ему главными мозгами.

– А кто эти библиотекари? – спросил я.

– Не знаю, – ответил Карманников. – Их называют «хранителями». Бородачи говорят, что их мир находится за пределами всех вселенных и неуничтожим, потому что состоит не из материи, а из чистого сознания. Поэтому объем хранящейся в нем информации не ограничен ничем.

– Вы же сами говорили, что материя – это информация.

– Да. Но информация – это не обязательно материя.

– У меня голова уже кружится, – сказал я. – И чем они занимаются, эти хранители?

– Они... Как бы сказать... Они фиксируют каждое изменение Вселенной. Иногда при этом возникают ошибки и опечатки. Их потом исправляют. Тоже иногда.

– Далеко до них лететь? – спросил я.

– Туда не летают, – ответил Карманников. – Как туда полетишь, если Вселенная – просто запись в их амбарной книге. Никакая экспедиция туда не доберется. Но, поскольку их природа – чистое сознание, в это пространство можно медитативно или фармакологически погружаться в

индивидуальном порядке – и даже переписывать свой *быкан*. Говорят, это умели делать древние каббалисты. Но дорога туда ведет через предельный страх – желающих мало, хотя определенные исследования мы проводим. Впрочем, про это я тоже распространяться не могу...

* * *

Летательный аппарат впервые поднялся в воздух.

Произошло это на заре, когда я еще спал – и разбудил меня противный высокий звук, немного похожий на звон лесопилки. Только лесопилка эта не стояла на месте, а перемещалась за моим окном – словно бы огромный медный комар летел над утренним полем.

Быстро одевшись, я вышел из дома и побежал к *взлетной полосе*. Еще издали я увидел *самолет* в небе – он походил на большого воздушного змея, парящего в воздухе. Но змей этот не опирался на ветер, а со звонким треском летел по небу сам – и выполнял довольно сложные маневры. Когда я приблизился к выровненной пустоши, летающая машина уже снизилась и коснулась колесами земли на другом ее конце – после чего покатила прямо к нам.

Тут я заметил Капустина и Карманникова – они стояли неподалеку среди деревьев и вышли мне навстречу при моем появлении.

Капустин был в замечательном расположении духа и гладил свой живот, словно кота. Карманников походил на вдохновенного уличного музыканта – остатки волос стояли над его лысиной нимбом, а руки лежали на небольшой шарманке, подвешенной перед грудью. У шарманки были два маленьких рычажка, которых касались его пальцы.

Потом я увидел Пугачева. Он выглядел, как всегда, молодцевато, но немного странно из-за скрипичного футляра, висевшего на его плече. Еще нелепей выглядели стоящие рядом переодетые мужики с такими же в руках – целый струнный квартет.

Публика эта даже не знала, как правильно держать такой деликатный предмет: они то тискали его, как баба младенца, то водили тонкой частью футляра по сторонам, будто играющие в войну ребяташки, целящие во врага из веников и палок.

А потом Карманников тронул большим пальцем один из рычажков своей шарманки, и катящийся по пустоши летательный механизм повернул в нашу сторону. Я предположил, что таким хитрым способом Капустин подает сигналы сидящему в аппарате господину, плечи и голова которого

были заметны над кабиной – а тот направляет машину куда указано.

Винт все еще крутился и звенел. Когда *самолет* подъехал к нам ближе и управляющий им человек сделался хорошо различим, я с изумлением понял, что вижу перед собой довольно грубо сделанную куклу.

В летательном аппарате не было никого живого!

– Так это вы всем управляете? – спросил я Карманникова.

Тот вопросительно посмотрел на Капустина, словно не зная, можно ли ответить на мой вопрос.

– Да, Маркиан Степанович, – сказал Капустин и многозначительно улыбнулся, – это мы всем управляем. Пришли к выводу, что так спокойнее. Вам надо будет просто сесть в гондолу вместо манекена, и все будет *чики-чик*.

Какое странное выражение. Чики-чик. Может, оно как-то связано со словом *чекист*? Любопытствовать, впрочем, неловко – они таких расспросов не выносят.

Я заметил, что Карманников стал тушеваться – теперь он старался избежать общения со мной, а в глазах его, когда он глядел на меня, появлялось что-то виноватое.

Наверно, он раскрыл мне слишком много секретов, и Капустин устроил ему выволочку.

* * *

Из города приезжали полицейские агенты – кто-то сделал донос, что над деревней летает воздушный шар с двумя нигилистами, которые играют на скрипке с волынкой.

Мне отнюдь не было смешно это слышать. Увы, наше понимание происходящих событий ограничено имеющимся житейским опытом, и сам я, наверное, подумал бы похожее, мельком увидев летящее в небе нечто и услышав издаваемый им неровный звук, с одной стороны высокий, а с другой тягучий... Почему нигилисты? Да уж понятно, что не двое городских.

Капустин, надо сказать, уладил дело на редкость быстро. Представившись моим дядюшкой, он по-очереди отвел каждого из агентов в сторону и показал им свой фокус с монетами. Те оценили его искусство в полной мере.

Меня удивила опытность, проявленная им в этом деликатном вопросе – во-первых, он не позволил ни одному из агентов стать свидетелем того,

как другой получает мзду, а во-вторых, уже подмазав их, он до самого последнего момента не терял вежливости и некоторого напускного подобострастия: истово крестился и клялся, что ежели нигилисты опустятся у нас во дворе, мы их свяжем, запрем в сарае и тотчас пошлем за начальством в город.

– А не боитесь ли вы, – спросил я, когда агенты ушли, – что полицейским чинам покажется подозрительной ваша щедрость?

– Какая же щедрость, – ответил Капустин, – я им дал по полтиннику. Нас серьезные историки готовили, цену вопросов знаем-с.

Опытный шинкарь и то не разрешил бы дела лучше. Ужели и в России будущего сохранятся все пороки нашего времени?

* * *

Вот вам, Елизавета Петровна, запись из моего дневника, показывающая, что я чувствовал накануне полета.

Завтра мне лететь. В полдень у моего дома соберутся зрители и специалисты по хронофотографической съемке, один из которых с новейшим аппаратом будет специально выписан из Лондона – чтобы грандиозное событие было надежно зафиксировано для истории и архивов.

Но свидетельствам этим суждено будет всплыть только через полтора века. Лондонский хронофотограф нужен для того, чтобы открытию поверили заграничные газеты, лишь сверясь с которыми, Отечество наше решается составить о происходящем некоторое мнение (обычай этот, как видно, никуда за полтора века не денется).

Если то, что я услышал от Капустина, правда, то сердце мое должно исполниться гордости и счастья. Сколько столетий Можайские служили Отчизне – кто солдатом, кто на гражданском поприще – и, несмотря на всю отвагу и честь, никто из них не смог оставить на зеркале Истории даже царапинки. А мне, ничтожнейшему из отпрысков рода, выпало изменить столь многое... Но я отчего-то грустен; мнится мне, мы вторгаемся в ход вещей обманом, а не так, как это пристало русским.

Хотя, может быть, все беды нашего Отечества оттого именно и возникают, что мы не можем действовать с хитрым и подлым многолетним расчетом, спрятым за лживыми уверениями и улыбками – как те нации, что мы берем себе за пример? Стараемся удивить кого-то широтой и беззаветностью благородства, обливаемся кровью, да еще и

выставляем себя на посмеище... Впрочем, не мне судить об этих высоких материях, для того есть у нас Государь.

Но только... Не оттого ли и все наши беды, что мы столетиями уповаем на своих государей, думая, будто они несут в своем сердце древнюю Русскую Тайну, в то время как Высшие Лица пуще всего хотят понравиться Европе и сойти там за своих, а как не выходит, обижаются и начинают играть в солдатики? Вдруг и Петр, и Александр Освободитель всего лишь старались одеться по европейской моде, а мы, их темные рабы, принимали это за великие перемены?

Когда за шиком гонится петербургская кокетка, ее семейство, охая, оплачивает жемчуга и корсеты, а когда это делает Помазанник Божий – земля дрожит, и приходят в движение армия с флотом... Историю ведь можно объяснить и так.

Но Европа не примет нас никогда и никогда не поймет; тому видел я довольно свидетельств, общаясь с полицейскими чинами в Баден-Бадене... Впрочем, мыслям этим, если не прекратить их самым решительным образом, не будет конца.

Что-то нигде не видно ни Капустина, ни Карманникова. Должно быть, они собрались в подвале у своего стального ящика, и там же с ними Пугачев. Никогда не решался спуститься к ним без спросу – а сейчас пойду. Мне ли бояться ходить по собственному дому?

* * *

Итак, Елизавета Петровна, началось с того, что я заметил долгое отсутствие гостей – и решил, что они в подвале, куда я в последнее время избегал ходить. Взяв лампу, я спустился по лестнице и постучал в дверь.

– Господа прошлонавты! Вы здесь?

Ответом мне было тихое мычание.

Звук его был настолько странным и жутким, что я перепугался и захотел даже подняться вверх за ружьем. Но сразу вслед за этим мне пришло в голову, что гости меня разыгрывают – и будут потешаться, увидев мой испуг.

Я решительно раскрыл дверь и шагнул внутрь.

Капустин, Пугачев и Карманников сидели за длинным столом, который вместе с двумя лавками был спущен в подвал для удобства. Никто из них не поднял на меня глаз – они казались оцепеневшими, словно бы впавшими в дрему, и от их вида мне отчего-то вспомнились страшные сказки Гоголя...

Наверно, дело было в том, что все они держали руки на столе, повернув их ладонями вниз – будто участвуя в спиритическом сеансе. Что-то было не так. Я попятился, собираясь выйти.

Но не тут-то было.

Меня ослепил луч синего света. Это был странный гуттаперчевый свет – он словно приклеился к моим глазам: как я ни вертелся, он все равно бил прямо в зрачки. Через несколько мгновений я почувствовал, что мне невозможно более бороться с синим огнем. Я уже не мог крутить головой и даже моргать. В моей голове завелся новый хозяин, управляющий мускулами вместо меня.

Тело мое без всякого волевого усилия с моей стороны село за стол рядом с Карманниковым; вслед за этим я так же положил руки на стол. Тотчас их стянула какая-то невидимая удавка, прижавшая мои ладони к дереву. А затем моей головы сзади коснулась чья-то легчайшая длань, и я почувствовал, что на меня словно бы надели очки.

Это, верно, и были очки – но не вполне плотные, а какой-то иной тонкой природы. Как только они оказались на мне, я заметил на лицах Пугачева и Капустина, сидевших напротив, как бы легкие желтые разводы вокруг глаз, косо поднимающиеся от переносья к вискам.

Затем я ощутил легкое прикосновение к ушам. Поглядев на своих *vis-à-vis*, я заметил в их ушных раковинах полупрозрачные желтые серьги – такие же, верно, были теперь и на мне.

– Ну вот, – услышал я незнакомый мужской голос, – теперь, когда все в сборе, можно и побеседовать.

Я тут же увидел того, кто говорил.

Это был... черт.

В точности один из тех, что появлялись передо мною в дни моих возлияний – только теперь он не прятался от моего взгляда, не уходил в тень, стараясь опять стать невидимым – а гордо стоял в самом центре моего поля зрения. И виден он был куда отчетливей, чем прежде.

Как я уже говорил, Елизавета Петровна, называть эту породу чертями не вполне правильно, но другого слова сразу и не сыщешь. Я неплохо изучил их во время запоя – и все же заметил несколько новых деталей.

То, что прежде казалось мне сжатыми в подобие клюва губами, и было, кажется, клювом или чем-то похожим. Носа у них не имелось вовсе – то, что я за него прежде принимал, оказалось просто спинкой этого же самого клюва. Желтоватый оттенок глаз возникал оттого, что на них были такие же очки, как сейчас на мне.

Еще я понял, что их грубая и как бы ороговевшая кожа была на самом

деле подобием костюма со множеством разных выступов, служивших, видимо, чем-то вроде футляров – и они не запускали руку себе в живот или бок, как мне прежде казалось, а просто лезли в карман.

Таким же карманом был крайне непристойный ярко-красный гульфик в форме мужского органа на известном месте (опасаясь смутить вас, не стану даже упоминать отвратительную привычку чертей постоянно теревить и почесывать это место самым бесстыдным образом – словно проверяя прочность кармана и пересчитывая наощупь хранящуюся там мелочь).

В общем, стоящее передо мной существо было виду самого пренеприятного и отвратительного, будто его специально придумали, чтобы напугать человека.

– Сначала введу вас в курс дела, Маркиан Степанович, – сказал черт. – Меня зовут полковник А.

Лицо его при этом сохраняло полную неподвижность, словно он говорил из-под маски.

– Очень приятно, – ответил я, с трудом ворочая языком. – Можайский. А почему именно полковник? В каком роде войск?

– Я знаю, что такое «полковник» для меня, – сказал черт, – но я не знаю, что это для вас. Вы понимаете мою речь не потому, что я выучил ваш язык, а по той причине, что действует стандартный межрасовый протокол – устройство на ваших ушах передает прямо в вашу голову те смыслы, какие я хочу донести, выбирая ближайшие соответствия в вашей памяти. Если таковых нет, слова берутся из тезауруса вашего языка. Если подходящего слова нет и там, то слова берутся из языка ближайшей к вам звукоговорящей расы, знакомой с предметом. Все эти термины перманентно добавляются в ваш личный лексикон благодаря стимуляции мозга. Слово «полковник» примерно передает мой статус, буква «А» указывает на неоспоримое превосходство нашей расы. Звук моего голоса и особенности моей речи подбираются вашим собственным мозгом из хранящихся в нем образцов и примеров. Таким же способом я понимаю то, что хотите сказать вы. Кивните, если вы поняли.

Я кивнул. Власть над собственным телом, похоже, вернулась ко мне окончательно.

– Отлично, – сказал полковник А. – Очки контролируют ваше восприятие. Вы видите только то, что разрешаю я. Сейчас я позволю вам увидеть почти все. Поглядите по сторонам.

После этих слов в подвале словно зажегся свет – и...

Боюсь, Елизавета Петровна, что мои слова даже близко не передадут

весь драматизм минуты. Это было так, будто в темном и притихшем зрительном зале подняли занавес, и я увидел выразительнейшую немую сцену, созданную неподвижными актерами.

Миг назад я был уверен, что в подвале кроме нас находится только черт по имени А. Но оказалось, что вокруг полно...

Как сказать? Народу? Слово это обычно относят к людям, а вокруг были черти – но разных видов и размера.

Первым, что бросилось мне в глаза, были стоящие возле стены большие круглые врата, образованные двумя странно мерцающими – и как бы мнящимися мне фигурами. Они совсем не были похожи на тех зеленых уродцев, каких я наблюдал раньше.

Представьте себе двух бородатых титанов, эдаких посеядонов или моисеев, вышедших из-под резца Микеланджело (имею в виду выразительность черт, запечатленное в их облике высокое страдание, гигантский размер и мускульную мощь). Теперь вообразите, что эти титаны изогнуты в две симметричные дуги спинами друг к другу – и соприкасаются затылками и пятками, так что их тела соединяются в почти совершенной формы кольцо.

Даже не знаю как описать ощущение, возникшее при взгляде на них – ничего похожего я прежде не испытывал. Они походили не столько на живых существ, сколько на след, оставленный помпейской фигурой в пепле – и одновременно были как бы предчувствием.

Знаете, так бывает: заходишь в комнату, видишь быстро испаряющийся отпечаток ладони на оконном стекле – и понимаешь, что здесь кто-то недавно был. Исчезнувшего еще помнит воздух, помнит обивка кресел, но его уже нет. А бывает так, что сидишь вечером в кабинете, и вдруг кажется, будто кто-то сейчас непременно войдет, и при одной этой мысли охватывает ужас...

То, что я испытал при виде этого живого кольца, было страннейшим сочетанием двух этих чувств, предчувствия и послевкусия, словно то, что я видел, уже исчезло – и теперь вот-вот собиралось появиться снова...

Изогнутые фигуры не были на самом деле плотными и физическими – это было как бы слабо светящееся нечто, похожее на притворившийся мрамором дым.

Не знаю, удалось ли мне передать вам свое чувство, но один только вид этих созданий немедленно отозвался у меня в желудке.

Я вспомнил слова Капустина о бородачах, изгнанных из настоящего времени в будущее и прошлое. Именно их, похоже, я и наблюдал. Вернее, не их самих – а как бы их тень, падающую в настоящее с двух сторон.

Смотреть на них было неприятно и больно, но все же я успел различить скрытые растительностью не то лица, не то морды с глубокими впадинами глаз, огромные бороды, растущие не только из лица, но даже из шеи и груди – и кривые рожки над головами. Конечности их были самого устрашающего когтистого вида. В общем, эти создания походили бы на чертей гораздо больше, чем полковник А, не будь они такими призрачными.

От кольца, образованного двумя гигантами, отходил толстый канат из той же зыбкой дымоподобной материи – и заканчивался на стальном ящике Карманникова.

Все прочие существа в подвале были чертями, внешне почти неотличимыми от полковника А.

Четверо стояли по углам, держа в руках какие-то черные палки, похожие на оркестровые флейты – в их отверстиях и клапанах просверкивал тот самый синий свет, что лишил меня воли несколько минут назад, и выглядели эти инструменты весьма устрашающе.

Двое чертей колдовали над ящиком Карманникова (именно что колдовали – они делали странные движения ладонями, с которых свешивались как бы длинные потеки светящегося желтого теста), а рядом с ними сидел третий, чья голова была соединена с головой Карманникова желтой шевелящейся веревкой из того же вещества. На лице Карманникова было написано отвращение пополам с болью – и я сразу догадался, что черти самым беззастенчивым образом ковыряются в его памяти и мыслях.

Догадался я потому, что вспомнил церковные проповеди о вторгающихся в наш разум бесах. Прежде они смешили меня своей кажущейся недостоверностью. Как же бесы проникают в течение наших мыслей, язвительно вопрошал я – залезают через ухо? Или, может, через ноздрю? Или слушают тишайший ток мыслей каким-то особым чертовым стетоскопом? Как ни смешно это прозвучит, Елизавета Петровна, правильный ответ таков – черти проникают в наш ум посредством желтых веревок.

Видимо, все эти очки, ушные вклады, веревки и потеки теста были сделаны из одного и того же живого вещества, хотя различались размером и формой. Лентами из него были стянуты и гиганты, образующие собой ворота. А опустив глаза, я увидел нечто похожее и на собственных запястьях.

– Что это такое? – спросил я. – Вот это, желтое?

– Наша *технология*, – ответил полковник А. – Одна из.

– Технология, – повторил вдруг Капустин, словно придя в себя. – Вы

американцам ее тоже передали?

– Сами спросите, – сказал полковник А. – Они сейчас придут.

– Что? – наморщился Капустин. – Как придут? Откуда?

– Мы перенастроили ваш турникет, – сказал полковник А. – Теперь он ведет не в лубянское подземелье, откуда вы шагнули в прошлое, а совсем в другую локацию... Вот, не угодно ли.

Видимо, черти понимали друг друга без слов. Полковник А ничего не сказал своим сообщникам и не подал им никакого знака – но по опутанным желтой лентой гигантам прошла судорога, и пустота между ними засветилась.

А потом – совсем запросто, словно это была дверь в соседнюю комнату, – в подвал из ворот стали входить гости.

* * *

Впереди шли три черта. Они выглядели чуть крупнее и темнее остальных, и гульфики у них были ярче, с отливом в желтизну.

Один из них – тот, что в центре – держал нечто похожее на римский военный штандарт: темный шест, увенчанный светящимся кольцом с треугольником внутри. Треугольник был повернут вершиной вниз, из-за чего знак казался отдаленно похожим на косоглазый лик этих существ.

Кажется, это был оккультный или масонский символ – где-то я подобное видел. Только здесь он был необычно окрашен: кольцо светилось зеленым, а треугольник внутри – розовым. Вокруг кольца мерцали какие-то огоньки, похожие на письма, но лишь только я попытался разглядеть их, как увидел на их месте латинские буквы:

SAFE SPACE

А затем вместо них появились русские слова:

МИРНЫЙ КОСМОС

Мало того, пока я моргал, русская надпись переменилась на «БЕЗОПАСНЫЙ КОСМОС», уменьшившись при этом в размерах.

Однако самое поразительное свойство штандарта, Елизавета

Петровна, заключалось в другом.

От светящегося знака исходила власть. И не в переносном смысле, а в самом прямом – я, как только ощутил ее, сразу понял, чего именно пытались достичь древние земные вожди, предписывая носить подобные изображения перед процессиями и войсками.

Вы спросите, какого рода власть? Это была власть над умом и душой, непосредственно ощутимая и несомненная. Она, если я могу так выразиться, сама доказывала свою состоятельность и не оставляла никакого места для сомнений. Проникшая в мою голову сила была настолько уверена в себе, что даже не подавляла мою волю.

При одном взгляде на штандарт становилось ясно: стоящее за ним могущество безмерно, и все, кто решится пойти против него, обречены. А покорным и послушным были обещаны безопасность и мир... Переживание было настолько отчетливым, что не нуждалось ни в каких дальнейших аргументах. Все было ясно без слов.

Что интересно, угроза исходила от внешнего зеленого кольца, а обещание мира – от перевернутого розового треугольника внутри. Так, во всяком случае, показалось мне вначале, но вскоре я перестал различать подобные тонкости.

Встав перед круглыми воротами, черт со штандартом поднял его и ударил шестом в землю. Что-то горячее колыхнулось в моем мозгу, и мне всей душой захотелось услужить этим зеленым чертям хоть чем-нибудь, а если не выйдет – то хотя бы не вызвать их неудовольствия.

А затем из ворот появились трое людей со стульями в руках. Выглядели они довольно странно.

Все они были средних лет, с выбритыми лицами, коротко и как бы по-детски стриженные. Они носили такие же желтые очки, как и мы все, а одеты были в просторные серо-зеленые пижамы, покрытые как бы многослойными пятнами грязи. Приглядевшись, можно было увидеть, что пятна состоят из множества цветных квадратиков – видимо, чтобы наблюдатель понял, что это не настоящая грязь, а с большим искусством созданная видимость.

Я подумал, что наши нигилисты часто пытались перенять вид низших сословий, не гнушаясь самых постыдных печатей бедности и порока, но до такого самоуничтожения, кажется, не доходил никто... Потом что-то повернулось у меня в голове, и я догадался, что вижу военных в форме. Но погонов или эполетов на них не было, только у одного на груди, словно ценник на кукле, висела бирка с двумя звездами.

– Здравствуйте, господа, – сказал военный с двумя звездами. – Я

Николас Крофт, задний адмирал. Стратегическое командование.

– Дэвид Берч, профессор, – представился военный без знаков различия. – Массачусетский институт технологии.

– Аарон Димкин, полковник, – сказал другой военный без знаков различия. – Центральное разведывательное управление. Можно просто Дима. Ну или просто Димкин, хе-хе...

Он говорил по-русски, и я понял, что двое перед ним представились по-английски – но я каким-то образом услышал их по-русски. Видимо, эти желтые наушники переводили вообще любую речь, и делали это с огромной скоростью.

Визитеры поставили свои стулья в линию недалеко от нашего стола, сели на них – и некоторое время нас изучали.

– Ну что, герр Капустин, попали? – спросил Димкин все так же по-русски – вполне, как мне показалось, дружелюбно.

– И вы попадете, Дима, – ответил Капустин. – Не сомневайтесь. Даже эта хуссна не поможет.

По его кивку я догадался, что так он назвал грозный знак власти (а может быть, сам ее источник) в руках у черта, стоявшего перед воротами.

– Сразу предупреждаю, – продолжал Капустин, – допрашивать, пытать, обкалывать наркотиками, сканировать или зондировать нас бесполезно. У нас полная гипноблокировка. Тут же все забудем. Не сможем поддержать разговор.

– Знаем-знаем, – кивнул Димкин. – Блокировка у вас и у Пугачева. Но у вашего техника ее нет. Этого нам вполне достаточно. Мы его за час или два дочитаем, и решим, что делать дальше.

На лице Капустина мелькнуло что-то среднее между досадой и омерзением.

– И мы даже знаем, почему он без блокировки, – продолжал Димкин. – Это у вас на совещании решили – если вы все забудете, то блокировку можно будет снять потом, а вот если все забудет техник, назад вы уже не вернетесь.

– Хорошо работаете, – сказал Капустин.

– Вы тоже неплохо. Решили, значит, послать зеленых человечков в прошлое?

– Уж насчет зеленых человечков я бы помолчал, – ответил Капустин. – Мы хорошо знаем, что эти человечки проделывают с каждым вашим президентом, когда его первый раз пускают в Овальный кабинет.

– А что с ним делают? – неожиданно для себя самого спросил я, и военные поглядели на меня с таким изумлением, словно голос подал комод

или лавка.

– А то самое, – ответил Капустин. – Связывают его своей наномассой – ноги к стулу, руки к столу, это у них процедура безопасности такая. Потом лезут в голову своими желтыми щупальцами и все там меняют. А народ удивляется – почему такие хорошие и разные люди, как только их выберут, делают всегда одно и то же.

– Да, – сказал Крофт. – За свободу приходится платить. И цена часто бывает высокой. А вы платите еще более высокую цену за свое рабство.

Капустин покосился на меня – как мне показалось, смущенно.

– Почему же рабство? – спросил он.

– Потому что ваша страна, – ответил Крофт, тоже почему-то поглядев на меня, – это феодально-полицейское государство, управляемое уродливо разросшимся жандармским аппаратом, пытающимся ввергнуть мир в нестабильность.

Капустин даже покраснел от негодования.

– Это у нас жандармский аппарат разросшийся, да? От нас нестабильность? У вас самих сколько человек в разведке и госбезопасности работает? Забыли? А я скажу. В Америке одних только гэбэшных контор с разными вывесками – тысяча триста штук! Частных компаний, которые под ними – две тысячи! Миллион человек работает в вашей гэбухе. Миллион! И это только по открытым источникам. И чем они все занимаются? Защищают права пидарасов в Саудовской Аравии?

– В том числе, – с достоинством ответил Крофт.

Капустин негодуяще потряс головой.

– Нет, извините. Плохо защищаете. Мы сможем лучше.

– А у ваших собственных геев, значит, проблем нет?

– Не знаю, – ответил Капустин. – С пидарасами не общаюсь.

– Неправда, – сказал Димкин. – Забыли про своего брокера?

– Про кого? – Капустин наморщился. – А, вы про этого... Работаете хорошо, признаю. Даже такие мелочи знаете...

Разговор в подобном духе продолжался еще несколько минут, и чем дольше он шел, тем меньше я понимал его суть. У меня сложилось чувство, что эти господа не первый год друг друга знают и такая перебранка у них обычное дело.

Мне, признаться, нравилась спокойная невозмутимость американских военных. Было в них что-то римское, неторопливо-величественное и рассудительное. Словно бы они слушали аргументы послов какого-то варварского племени, отвечая на некоторые из них словами, а на другие – просто брезгливым движением брови. За этим, несомненно, стояла

настоящая сила. Но сердцем, конечно, я болел за наших.

Капустин чувствовал это – и время от времени обращал свои язвительные ремарки ко мне:

– А знаете, Маркиан Степанович, почему у них такой разгул феминизма? Из-за этих зеленых стерв. Потому что все они самки, чтобы не сказать сучки. Они своих мужиков еще сорок тысяч лет назад убили. Всех сразу, за одну ночь и один день, это у них называется «Сутки Славы». Главный праздник. С тех пор размножаются в пробирках. Первый в космосе случай геноцида по половому признаку. Как они перед Всевидящим Глазом отмазались, я до сих пор понять не могу. Юристы у них хорошие просто. По этой же причине, кстати, они и нас засудили...

Крофт негодующе поднял руку, но Капустин продолжал:

– Они с тех пор везде во вселенной, куда дотянуться могут, вводят феминизм... А для мужского пола – кросс-дрессинг. Заставляют самцов мочиться в женской позе. Цель у них на Земле такая – довести технологию до порога, когда можно будет через пробирку размножаться, а потом всех мужчин за один день извести и оставить одних лесбиянок. Американскому президенту об этом секретные службы каждые две недели докладывают, да только что толку, если президент – дрон?

Я догадался, что слово «лесбиянка» означает то же самое, что трибада. Ум мой был так сконфужен, что я не к месту задумался, как бы правильное перевести «трибада» на русский. Это ведь от греческого «тереть» – наверное, *терка*? Впрочем, звучит как-то кухонно.

– И ладно бы только ваш президент, хрен с ним, – продолжал Капустин, – но ведь ваши зеленые сучки уже половине человечества в башку залезли. Самым элементарным и действенным методом. Просто запретили говорить слова, которые еще вчера было можно. Вроде безобидно, но на деле – продвинутая зомбическая технология контроля. В точности как у колдунов на Гаити...

– Интересное сравнение, – заметил Димкин. – Вы на Гаити по культурному обмену были?

– Чтоб вы знали, Маркиан Степанович, – продолжал Капустин, – вся политкорректность – от этих зеленых выдр со straponами. Они всю вселенную уже задолбали... Эти, – Капустин кивнул на американских военных, – все знают, просто надеются, что при их жизни обойдется. Что выйдут на пенсию с прибором в штанах и будут из него барбекю жарить на заднем дворе...

Я заметил, что во время этой тирады полковник А и другие черти перестали заниматься своим делом и повернулись в нашу сторону. А потом

черт со штандартом приподнял свою хуссну и ударил шестом в землю.

По подвалу прошла словно бы волна электрического гнева. Профессор Берч, до этого молча глядевший себе под ноги, встрепенулся, будто его дернули за невидимый поводок. Встав со своего места, он сказал:

– Заявляю решительный протест против искажения исторической правды и языка ненависти, звучащего за этим столом. Слова «стервы», «сучки» и «выдры» относятся к языку ненависти, и их употребление является актом микронасилия. Наказание – болевой шок. Правильное именование расы наших уважаемых старших партнеров – «Красотки А» или «Красавицы А». С целью разрушения гетеронормативных клише к ним следует обращаться исключительно в мужском роде, за нарушение – болевой шок. Гендерная флюидность является важнейшим условием свободной самоидентификации космических рас, поэтому слово «страпон» также относится к языку ненависти – следует говорить «перформативный конструктор гендерной идентичности». Примитивная и лживая трактовка космической истории недопустима. Целью Красоток А является построение мирного и безопасного космоса для всех рас, кроме изгнанных из времени и пространства омерзительных спермозавров. Желая узнать правду о Сутках Славы должен обратиться к культурному представителю Красоток А, и ему будет предоставлена вся необходимая информация...

Димкин с Крофтом поднялись со своих стульев, приложили правую ладонь к сердцу и громко произнесли:

– Ай-ай! Ай-ай!

Все их римское величие сразу куда-то делось, и я сообразил – если эти высокие статные красавцы не боятся других военных, это еще не значит, что они не боятся ничего вообще.

Я не выдержал и засмеялся.

И тогда черт с хуссой повернул ко мне ее диск. В глаза мне ударила зеленая молния, в голове будто что-то оборвалось, и я лишился чувств.

* * *

Почти тут же я пришел в себя.

Вернее, попытался.

Знаете, Елизавета Петровна, это было так, словно я на миг заснул, а душу мою тут же уловили сачком и удерживали теперь всего в вершке от пробуждения.

Вроде бы я знал, что сижу за столом, где идет какой-то недобрый разговор. Но время в подвале текло очень медленно – настолько медленно, что я понял: пока здесь происходят тихходные события и произносятся бесконечно длинные слова, я вполне могу навестить еще одно прилегающее помещение, даже не поднимаясь с места. Так же, как делал раньше...

Никаких прилегающих к подвалу помещений в моем доме нет, и мне никогда не случалось путешествовать, не вставая с места – но если галлюцинирующий мозг желает сам себя обмануть, внутри у него не предусмотрено никакой тому оппозиции, что, конечно, делает любые человеческие потуги на истину весьма смешными.

В следующий миг я, словно в арабских сказках Шахерезады, покинул подвал и перенесся в роскошно убранную спальню, причем роскошь эта ничуть меня не удивила. Затем я возлег на нежнейшее благоухающее ложе – и стал ждать.

Трудно решиться рассказать вам дальнейшее, Елизавета Петровна, потому что вы можете подумать обо мне дурно – поэтому умоляю, дочитайте мой рассказ и не делайте прежде этого никаких выводов.

Итак, предо мной вдруг появились...

Вы.

Да, Елизавета Петровна, это были вы – и никогда прежде (кроме, может быть, одной баденской ночи) не видел я вас столь ко мне расположенной. На вас был, простите, один лишь пеньюар. А в руках вы держали корону из золотого картона – вроде тех, какими увенчивают провинциальных трагиков, играющих Шекспира. Вы сладостно и покорно улыбнулись – и водрузили эту корону мне на голову...

Я поверить не мог, что все это действительно происходит. Вы сказали, что смиряетесь со своей долей – и будете теперь служить мне, как положено женщине от века... Никогда не ожидал я услышать от вас подобных слов – но со стыдом признаюсь, что они были мне приятны.

А вслед за этим мой сон как бы расслоился на множество одновременно происходящих картин или сцен, и в каждой из них были заняты мы с вами.

И всюду, Елизавета Петровна, вы, отринув всякую мысль о себе и даже самое свое достоинство, старались услужить мне, как раба своему господину. Я говорю не только о безумных плотских утехах, что я переживал во множественных тупиках и аллеях этого волшебного лабиринта – нет, все ваше существование целиком было подчинено моему удобству и приятности. И, глядя на ваше самоотверженное служение моей

неге, я понял многое, что раньше просто не приходило мне в голову.

Я никогда не задумывался, на какие тяготы и муки женщина идет, чтобы превратить себя в орудие мужского наслаждения. Уродующие тело корсеты, всякие каблучки, плечики и грудки, ежедневная раскраска лица вреднейшими субстанциями, необходимость следить за модой и слепо ей подчиняться, постоянные утренние мучения с прической, и особенно приведение самой души в подобие сладко мяукающего в мужское ухо органчика – словом, фундаментальнейшее издевательство над своей физической и духовной природой, и все это для того, чтобы я, Маркиан Можайский, мог сорвать на лугу жизни цветок своего наслаждения...

И вот прямо посреди этого упоительного праздника мне как бы задан был вопрос – правильно ли происходящее? Справедливо ли?

Я задумался. Да, с одной стороны это можно было назвать несправедливым и даже жутким. Но, с другой стороны, подобное состояние женщины является, скорей всего, природным, потому что его воспроизвели все великие цивилизации – а мало ли ужасов в природе? Посмотрите на брачные обычаи каких-нибудь термитов или жуужелиц, так и найдете все то же самое. Жутки обе половинки человеческой жизни, что женская, что мужская, просто они жутки по-разному.

И потом, разве это верно, что мужчина господствует над женщиной? Да, женщина искусно притворяется мужской игрушкой – но на деле мужчина всю жизнь состоит при ней цепным псом. И в этом странная и прекрасная гармония между нами...

Тогда, словно прочтя эту мою мысль, вы, Елизавета Петровна, нежно и тихо спросили – в каждой из переживаемых мною сцен одновременно – точно ли меня устраивает такое положение дел?

И я, признаюсь, ответил, что вполне.

Тотчас все переменялось. Картины восточного наслаждения куда-то исчезли, и осталась лишь одна комната с ложем – но теперь я был к нему привязан за руки и за ноги, а рядом появились вы, с гневно искаженным лицом (о, как вы были прекрасны в этот миг!) и кнутом в руке.

Вы демонически захохотали, и в глазах ваших сверкнула ненависть. А затем вы обрушили на меня свой карающий бич.

И тут произошло нечто немыслимое.

Да, мне было больно, и очень – но куда сильнее боли оказалось нахлынувшее на меня упоение от того, что эту боль причиняете мне вы сами лично, а значит, в сердце вашем несомненно горит устремленный в моем направлении жаркий пламень, а уж гнев это или страсть... Велика ли между ними разница? Они пылают одинаково ярко и переходят друг в

друга.

Признаюсь, что здесь примешалось и несколько ощущений совсем иной природы, о которых приличия велят мне промолчать – скажу только, что вместо крика боли я издал вой восторга. Я и не знал прежде, что настоящее наслаждение начинается за пределами всего мною изведенного.

Этот мой счастливый возглас оказался для вас неожиданностью – потому что в ваши планы явно не входило продолжение вальтасарова пира.

И тогда словно бы маска слетела с вас, Елизавета Петровна, и я понял, что на самом деле это не вы...

Надо мной нависала одна из этих зеленых чертовок, самая большая и темная из всех, что я видел. Гульфик ее был отчетливого фиолетового цвета, значительно больше, чем у других – и ярко светился в полутьме; именно он излучал нахлынувший на меня морок, заставивший принять ее... то есть его – за вас.

Я делаю эту оговорку, потому что в тот же момент в мою голову раскаленным гвоздем вонзилось понимание, что передо мной стоит самая главная демоница из всех, и на земном языке ее следует именовать «Маршал А», называя в мужском роде даже мысленно.

А потом маршал А принялся яростно хлестать меня, хоть никакого кнута в его руке я уже не видел: удары каким-то образом исходили прямо из фиолетового, так сказать, протеза, который от них разгорался все ярче и ярче.

Моя издевательская корона слетела с головы и покатилась в угол. Удары, невероятно болезненные и сильные, заставили меня сжаться в комок – а потом я почувствовал, как само мое мужское достоинство начинает съеживаться и изменяется в женскую причинную часть. И с каждым ударом я все уменьшался и уменьшался, пока маршал А не превратил меня в лишенную пола пылинку – и не выкинул из сна последним щелчком своего невидимого бича.

Хочу заметить, Елизавета Петровна, что именно с той минуты, говоря об этих кошмарных созданиях, я преимущественно употребляю мужской род. Видимо, когда гимназические учителя утверждают, что розги способствуют запоминанию, это правда.

* * *

В подвале все было по-прежнему.

Увидев, что я пришел в себя, Капустин криво улыбнулся.

– Главное, не смейтесь, – сказал он тихо. – Говорить можно что угодно, но вот смеха они не переносят. У них с подобных сокращений гортани когда-то начинался ритуал оплодотворения, и они принимают смех за мужскую половую агрессию. Называть их можете как хотите, только при этом не хихикайте...

Я кивнул. Тогда он спросил меня, уже громко, словно специально стараясь привлечь к нашему разговору внимание:

– Теперь поняли, да?

Я опять кивнул.

– Вот отсюда и растет весь *феминизм*, – сказал он.

– А что это такое – феминизм? – спросил я.

– Я объясню, – ответил Капустин. – Вы «Капитал» Маркса читали?

Признаться, что я не читал Маркса, показалось мне ужасным моветоном, поэтому я уклончиво качнул головой, так что понять меня можно было в любом смысле.

– Тогда можно по аналогии с проституцией, – продолжал Капустин, еще сильнее возвышая голос, чтобы его точно услышали все в подвале. – Проституция – это когда из пизды извлекают прибыль. А феминизм – это когда из пизды хотят извлечь сверхприбыль.

– Не позорьтесь, генерал, – хмуро сказал Димкин. – У Маркса про сверхприбыль нет. Про это у Ленина. У Маркса про прибавочную стоимость.

– Во-во-во! – с энтузиазмом подхватил Капустин. – Прибавочная стоимость за ту же мохнатку. Я про это именно и говорю.

– Мохнатка – это язык ненависти, – без энтузиазма отозвался профессор Берч.

– Нет, – ответил Капустин так же громко, – вы нас своими гаитянскими методами не зомбируйте. Мохнатка – это именно мохнатка, а никакой не язык...

Мне казалось, что Капустин своим нелепым поведением сознательно провоцирует чертей и старается отвлечь их от манипуляций с ящиком Карманникова. Но те больше не обращали на него внимания – они внимательно изучали стальную коробку, прокручивая ее многочисленные циферблаты.

Сам Карманников выглядел теперь гораздо хуже. Лицо его приобрело восковую бледность, и мне не хотелось даже думать о том, что делает внутри его черепа подрагивающий желтый канат, соединяющий его с одним из чертей.

– Видели, как они наших партнеров воспитали? – уже не говорил, а

орал мне Капустин (видимо, я был ему нужен в качестве того главного слушателя, к которому опытный ритор обращает свою речь перед толпой). – Чтобы не сказать отпидарасили? Они ведь перед этими сучками по стойке смирно ходят. Даже не перед сучками, а перед одной сучкой...

Некоторые из чертей поглядывали на Капустина, но никак пока не реагировали.

– Вы что их, специально разозлить хотите? – тихонько спросил я. – Будет больно.

Но Капустин, похоже, потерял всякую осторожность.

– Да-да, адмирал Крофт, мы и это знаем... Все эти зеленые стервы – на самом деле одна и та же древняя баба по имени А, которая поглотила всех других баб... После того, как они вместе уконтропупили своих мужиков... Их всех теперь зовут А. Представляете, Маркиан Степанович? Она с тех пор сама себя *модифицирует, лесбирует и копирастит*. Вот к чему они нас готовят, эти стервы. Возьмут какую-нибудь бруклинскую коблу с корнями в Жмеринке и сделают из нее новое прогрессивное человечество, а остальных в расход...

– А что это за омерзительные спермозавры? – спросил я, не выдрежав. – Их... э-э-э, бывшие мужья?

– Нет, они так называют бородачей. Потому что у бородачей другой способ размножения. У них только один пол, физическое устройство близко к мужскому, и они совместно выпускают свои половые клетки в специальный бассейн, где происходит зачатие. Бывает до тридцати двух родителей одновременно. Отсюда, кстати, и ненависть между расами... Это у них гендерное, ха-х...

Капустин попытался сдержать уже вырвавшийся хохоток, но было поздно.

Из хуссны в лицо ему ударил луч света, и Капустин так и замер с открытым ртом. Лицо его стало багроветь, словно от нехватки воздуха. Вскоре все тело его начало ужасно содрогаться, и я испугался, что он прямо сейчас умрет – но тут луч погас. Видимо, с Капустиным проделали то же, что и со мной – и наверняка уже не в первый раз.

– Ну вот, – сказал Крофт. – Наговорился, и хорошо.

Он повернулся к Димкину.

– Русский нервничает. Значит, мы все делаем правильно. Пока мы сканируем их техника, поговорите-ка вот с этим господином, – Крофт указал на меня. – У него тоже нет блокировки, и он мог случайно что-то слышать. Объясните серьезность ситуации и меру его личной ответственности.

Димкин кивнул, повернулся к стоящим вокруг стальной коробки чертям и сделал одному из них знак – указал сначала на свою голову, а потом на мою.

– Подождите, – сказал я, – вы что, собираетесь...

Черт шагнул мне за спину и, как мне показалось, погладил меня по голове. Больно не было – я только почувствовал на затылке холод. Затем черт перешел к Димкину, положил ладони на его голову, и я заметил протянувшуюся между нами желтую нить.

Она была нечеткой, словно я видел ее сквозь туман. Я инстинктивно напряг зрение, чтобы увидеть нить яснее – и в тот же миг подвал вокруг исчез.

* * *

Мы с Димкиным остались сидеть на том же расстоянии друг от друга, и ни один из нас не переменял позы. Но теперь вокруг нас была пустая комната с белыми стенами. Между нами стоял стол, тоже белый, и мои руки по-прежнему были к нему прикручены.

Ни чертей, ни чекистов, ни остальных американцев видно нигде не было.

Димкин улыбнулся.

– Не пугайтесь. Нашего разговора не услышит никто. Для всех остальных вы сейчас неподвижно сидите на месте и смотрите в стену. Примерно как Карманников.

– Понятно, – сказал я.

– Существует много способов залезть в вашу память без вашего на то согласия, – продолжал Димкин, – но для этого нужно точно знать, что ищешь. Кроме того, это долгая процедура, и очень для вас неприятная. Но есть другой метод. Мы можем беседовать как обычно – а я просто буду отслеживать, врете вы или нет. Начнете врать, мы перейдем к другим процедурам. Поэтому вам имеет смысл говорить правду. Вы будете говорить правду?

Я наполовину кивнул, наполовину пожал плечами. Димкин смотрел куда-то в пустоту надо мной.

– Как вы себя сейчас чувствуете, Маркиан Степанович?

– Так себе, – ответил я.

– Сколько вам лет?

– Тридцать два.

– Кто вы по национальности?

– Русский.

– В чем была ваша функция в проводимой операции?

– Я пил на балконе, – ответил я. – Ничего больше не делал.

Димкин некоторое время вглядывался в воздух над моей головой, то поднимая взгляд, то опуская его – словно наблюдая растущие у меня рога.

– Хорошо, – сказал он, – тогда объясните, почему вы согласились во всем этом участвовать.

– Послушайте, – ответил я, – вы же военный. Вот если бы вам предложили впервые в истории оторваться от земли, совершить управляемый полет и подняться на одну ступеньку к звездам, поставив тем самым вашу страну впереди всех прочих народов и племен, неужели вы не согласились бы?

– Позвольте, – сказал Димкин, – я буду говорить прямо и отчетливо, по-русски. Нам глубоко поебать на этот ваш русский космизм и православную мифологию. Так понятно?

Я кивнул.

– Хорошо. Я хочу выяснить только одно – каким образом с помощью этой операции ваши гости собирались уничтожить хусспу Федерального Резерва?

– А?

– Что вам про это известно? Тщательно обдумайте свой ответ.

– Чего тут думать, – наморщился я, – я вообще не знаю, что такое хусспа...

– Врете, – сказал Димкин, глянув в пространство надо мной, – знаете. Я вижу, что знаете.

– Да, – ответил я, – знаю, потому что сам уже догадался. Это Капустин сказал, когда внесли эту круглую штуку на палке. Которая мозги всем конопатит. Раньше я даже слова такого не слыхивал, клянусь. Проверяйте как угодно. Я правду говорю.

– Хорошо, – сказал Димкин, – вижу, что правда. Тогда давайте поступим так. Я разьясню вам суть вопроса, и вы немедленно расскажете все, слышанное вами на эту тему. Что угодно – намек, шутка, случайно брошенная фраза. Если вы вспомните что-то, не пытайтесь это скрыть – я все равно увижу. Идет?

Я кивнул.

Димкин полез в карман, вынул из него бумажник и положил на стол передо мной узкую зеленую бумажку.

– Знаете, что это? – спросил он.

Я отрицательно покачал головой.

– Это доллар. Новые мировые деньги.

На бумажке было большое слово «ONE». Справа от него помещался картуш с орлом и звездами, а слева – кольцо с перевернутой пирамидой внутри, в точности как на *хуссне*. Еще там были слова «In God we Trust».

– Очень благочестивые ассигнации, – сказал я.

– Я не знаю точно, – сказал Димкин, – но предполагаю, что на ваших деньгах написано: обеспечены серебряной и золотой монетой. Верно?

– Да.

– Вам может показаться, что это опечатка и здесь должны быть слова «In Gold we Trust». В том смысле, что деньги обеспечены золотом. Но здесь написано именно про Бога. Согласитесь, странная надпись для денег в совершенно безбожную эпоху. Про веру есть, а про золото нет. И знаете почему?

– Почему?

– Потому что в наше время мировые деньги уже не обеспечены золотом. Они не обеспечены ничем вообще, кроме веры в них. А эта вера пробуждается в людях...

– *Хусспой*? – выдохнул я.

Димкин кивнул.

– А что это за *хусспа*? – спросил я. – Я имею в виду, я видел – но каким образом она действует? Что это вообще такое?

– Очень долго объяснять, – сказал Димкин. – Наши старшие партнеры говорят, что это реликтовая энергия древней вселенной, существовавшей до Большого взрыва. Она не исчезла наперекор всем законам космоса.

– Зеленые черти подчинили себе эту энергию?

– Скорее наоборот. Наши старшие партнеры пытались когда-то с ней бороться, но *хусспа* всегда проникает в ту самую силу, которая пытается ее уничтожить – и становится ее новым стержнем... Делается, если угодно, новым богом и превращает вчерашних врагов в прихожан и слуг. У наших партнеров про это гимны сложены. Целая религиозная метафизика, весьма красивая. Наши партнеры считают себя избранной космической расой, потому что *хусспа* проявляет себя именно через них, и тень этой избранности естественным образом ложится на Америку... Но нашего с вами вопроса это не касается. В узко-практическом смысле *хусспа* – это нечто вроде непобедимой гипнотической силы. Технически она проявляется через специальные устройства, имеющие характерный вид. С их излучением вы теперь знакомы.

– Да уж, – ответил я. – Знаком.

– Федеральная *хуссна* выглядит примерно так же, но значительно больше по размерам – она весит больше десяти тонн и пробивает своим излучением весь земной шар. Ее установили в бункере под зданием Федерального Резерва в тысяча девятьсот семьдесят первом году, благодаря чему было отменено золотое обеспечение доллара...

Димкин сложил руки на груди и как-то по-особенному проникновенно поглядел мне в глаза, из-за чего сразу сделался похож на хитрого цыгана.

– Маркиан Степанович, я вовсе не хочу сказать, что эмиссия необеспеченных денег – это хорошо и нравственно. Многие в Америке это осуждают. Некоторые даже говорят, что это противоречит нашей собственной конституции. Но в то время у нас просто не было другого выхода. А сегодня... Что бы мы ни думали на этот счет, сегодня доллар – главная, если не единственная опора мировой стабильности. Если вера в него иссякнет, мировой порядок просто рухнет. Это будет хуже, чем удар астероида. В том числе и для России. Все связи между людьми и странами оборвутся. Наступит хаос и кромешная тьма...

– То есть все у вас держится на *хуссне*?

– Фактически да. *Хуссна* Федерального Резерва пробуждает в людях веру в доллары. И вызывает недоверие к серебру и золоту, которые служили деньгами пять тысяч лет. Причем *хуссна* действует на всех, даже на меня. Я вроде бы все знаю и понимаю – но лучше сам буду хранить свои сбережения в этих зеленых бумажках, чем в золоте или серебре, с которыми завтра вообще непонятно что будет... И не только я. Все российское руководство тоже.

– Вы это серьезно?

Димкин кивнул.

– Но тогда, – сказал я, – тем, у кого есть эта *хуссна*, не нужно, по сути дела, никакого другого оружия. Им и так будут служить все остальные народы... Просто за это вот самое зеленое непонятно что.

– Да, – сказал Димкин, – нам многие завидуют. Но я повторяю, как к этому ни относиться, такова основа всего сегодняшнего миропорядка. Уничтожение федеральной *хуссны* приведет ко всемирному краху. Мы расцениваем любую подобную попытку как глобальный террористический акт с непредсказуемыми последствиями. Как ни пафосно это звучит, мы прибыли сюда спасти человечество. Помочь в этом можете вы. Что вам известно?

– Поверьте, – сказал я, – мне говорили только про самолет и про Всевидящий Глаз. Что надо сделать самолет, первыми взлететь в небо, и тогда Всевидящий Глаз опять сделает нас первыми во всемирной иерархии

народов...

Димкин раздраженно покачал головой.

– Как вы, взрослый человек, могли поверить в подобную сказку? Они вас за дурачка держат. Или за ребенка... Ох... Знаете, откуда вообще взялся этот самолет? Российское руководство, действительно, относится к вопросам исторического престижа крайне внимательно. Капустин продавил эту аферу как недорогой, но эффективный *пропагандистский трюк*. Он убедил начальство разрешить ему косметически поменять историю – чтобы Россия, так сказать, не только первой вышла в космос, но и первой поднялась в небо. Клялся, что все будет тихо и гладко – просто найдутся документы из прошлого, которые подтвердят российское первенство в области воздухоплавания. Нефть дешевая, народ ропщет – пусть хоть престижа станет больше. Отвлечь, так сказать, население. Вроде бы обычная пропагандистская акция, мы бы даже внимания не обратили... Но, уверяю вас, что это было просто прикрытие.

– Почему вы так думаете?

– Если я вам начну объяснять, вы не поймете. Ну хорошо, мы залезли генералу Капустину в *компьютер* и выкрали оттуда роман, написанный его личным... как вам сказать... приказчиком. Впрочем, вы ведь и про компьютер ничего не знаете...

– Не знаю, – согласился я.

– Вы вообще представляете, что такое генерал-чекист в России будущего?

– Нет.

– Это что-то вроде японского князя. У него есть свой клан, свои самураи, дружественные *бизнес-структуры* и очень солидные финансовые активы, никак прямо на него не записанные. По нашим сведениям, генерал Капустин через своего приказчика перевел все доступные ему средства в золото. Причем как раз тогда, когда золото стало стремительно падать в цене. Приказчик до сих пор думает, что потерял деньги по своей вине. Но мы уверены – Капустин пошел на это вполне сознательно.

– Зачем он покупал золото, если оно падало в цене?

– Капустин решил заработать. Внешне его действия действительно выглядят неудачной инвестицией, но на самом деле это попытка быстрого криминального обогащения с привлечением внеземных технологий... Безнравственно здесь все, с начала и до конца.

– Каким же способом он хотел заработать?

– Обычным российским, – ответил Димкин. – Сжечь на тысячу, чтобы украсть на пятак, так у вас говорят? Чтобы поднять цену на золото, он

решил разрушить мировую финансовую систему, основанную на долларе. А проще всего это сделать, уничтожив глобальную *хусспу* Федеральной Резервной Системы. Это как в фильме про Джеймса Бонда и Форт-Нокс, только с точностью до наоборот. Там хотели сделать *радиоактивным* золотой запас США. А Капустин, фигурально выражаясь, захотел проделать это с долларом.

– Я вас уже не понимаю, – сказал я.

– Да, извините, не самый подходящий пример. В общем, Капустин рассчитывал, что с уничтожением федеральной *хусспы* все словно проснутя – доллар пойдет вниз, а цена на золото взлетит.

– Откуда вы знаете про его планы?

– У нас есть информаторы среди чекистов. В самых высших кругах. Эти опасения сперва возникли не у нас, а у них.

– А им-то чего опасаться?

– Того, – ответил Димкин, – что они тоже хранят свои средства в долларах. Неужели не понятно?

Я долгое время молчал. Мне ничего просто не приходило в голову. Мир будущего теперь представлялся мне банкой с ядовитыми пауками, которые вдруг вывалились на меня все сразу – и ползали по моему беззащитному телу.

– Вам может показаться благородным делом выгораживать соотечественников, – сказал Димкин, – но знаете ли вы, какая роль в этом плане отводилась вам?

– Более-менее. Сидеть в гондоле во время первого полета.

– Нет, вы не знаете. Вас посадили бы в этот аэроплан, затем он при свидетелях и фотографах совершил бы в воздухе восьмерку длиной в две мили – а потом вас просто уронили бы вместе с ним с высоты двести футов. Чтобы тайна гениального самородка и его изобретения ушла вместе с ним, а для истории остался бы только зафиксированный факт управляемого полета... Они предполагали устроить вам пышные и дорогие похороны и даже поставить памятник... Неужели вы, Маркиан Степанович, этого не сообразили?

Должен вам сказать, Елизавета Петровна – я сразу понял, что это правда. Это была просто какая-то вспышка ясности в моей голове. Теперь получало объяснение все: и виноватый вид Карманникова, и готовность моих собеседников без особых раздумий разделить со мной почти любые секреты... Про устройство же будущего общества они, видимо, не рассказывали потому, что боялись вызвать у меня отвращение.

Я поразился, как это раньше не пришло мне в голову – действительно,

зачем оставлять за спиной такого свидетеля, как я? Да еще платить целую кучу золота...

Но вслух, конечно, я сказал нечто другое:

– Смерть за Отечество – честь для русского офицера.

– Вы благородный человек, – кивнул Димкин. – Но вы просто не понимаете, с кем связались.

– Хорошо, – сказал я. – Допустим. Но разве ваша федеральная хуссна не защищена от нападений?

– Еще как, – ответил Димкин. – Она находится в бункере, способном выдержать прямое попадание тяжелого ядерного боеприпаса.

Мне сделалось интересно, что это за ядрами станут стрелять в будущем, но я решил не отвлекаться.

– Так каким образом Капустин может уничтожить вашу хуссн, запуская самолет за сто лет до того, как вам ее подарят? К тому же запуская его совсем в другом месте?

– Вот это мы и хотим выяснить. Пожалуйста, вспомните все, что при вас говорили на эту тему.

– Ничего подобного я не слышал, – ответил я. – Поверьте, я бы запомнил... Сперва у меня был запой. А потом меня готовили к полету, вот и все.

Димкин некоторое время вглядывался в пространство над моей головой, даже сощурившись от напряжения.

– Хорошо, – сказал он. – Вы не врете. Во всяком случае, сознательно. Возможно, вы что-то знаете, но сами не знаете, что знаете.

– Это как?

– Вы не можете увязать это с полученной от меня информацией, а я не понимаю, какой вопрос мне следует задать... Но если что-то вдруг придет вам в голову, Маркиан Степанович, сообщите об этом незамедлительно... Теперь вы понимаете, что поставлено на карту.

– Да, – сказал я, а сам подумал: «а хоть и лопнет ваш банчок – мне-то какая беда?»

Димкин поднял руки к своей голове, провел по волосам, словно поправляя прическу, и комната вокруг нас с треском исчезла. Я опять увидел подвал – со всей собравшейся там чертовой публикой.

* * *

Димкин даже не встал со стула. Он просто наклонился к уху адмирала

Крофта и некоторое время что-то беззвучно говорил.

– Это уже не важно, – ответил тот.

Димкин удивленно поглядел на адмирала.

– Почему?

– Мы отсканировали память русского техника, – сказал адмирал. – И теперь появилось решение, способное устранить все риски вообще. Настоящие и будущие. Сейчас об этом будет сделано объявление...

С этими словами Крофт повернулся к черту с хусспой и сделал какой-то очень английский жест: поднял ладонь к груди и как бы проколол пальцами пространство перед собой.

Увидев это, черт поднял свой знак власти, стукнул им в пол, и профессор Берч опять вскочил на ноги.

– От имени Красоток А и народов Земного Шара, – сказал он, словно повторяя за невидимым суфлером, – объявляю, что совместной операцией наших спецслужб предотвращено одно из тяжелейших космических преступлений. Попытка критически изменить прошлое считается нападением на все космические расы и допускает высшую меру самозащиты – понижение бытийного статуса виновных...

У Берча был такой вид, будто он говорит не для нас, а для протокола – или какой-то невидимой ложи с судьями. А потом я подумал, что именно так все может и обстоять: я ведь не знал, кто еще наблюдает за происходящим в подвале.

– Почему же критически, – слабым голосом сказал пришедший в себя Карманников. – Кто вам сказал, что критически?

Ему никто не ответил.

– Что вы собираетесь делать? – спросил Пугачев.

Американцы молчали.

– Я расскажу сам, – заговорил вдруг полковник А (я уже научился отличать его от других чертей по более крупному и яркому гульту). – С помощью захваченного технического устройства и этих живых ворот мы взяли под контроль все возможности омерзительных спермозавров по работе со временем. Теперь мы настроили их турникет на ближайшее параллельное измерение, где никаких омерзительных спермозавров никогда не было. Мы несколько раз очень быстро поменяем местами прямой и обратный потоки времени по специальному алгоритму. В результате возникшего гиперрезонанса все пространства, где сохраняются тени омерзительных спермозавров, схлопнутся. Таким образом мы навсегда закроем то будущее, где омерзительные спермозавры еще будут, и то прошлое, где они когда-то были. Одновременно с этим исчезнет сам их

турникет – и мы навсегда забудем про само их существование.

– Но это будет, – начал Карманников, и сразу перешел на шепот, – это будет... корректор истории?

– Именно так, – ответил полковник А. – Омерзительные спермозавры создали очень опасную технологию. Ее неосторожное использование привело к исчезновению даже остаточных теней их расы из прошлого и будущего. Но это их собственная вина. Мы же в крайней спешке защищались от нападения, не имея возможности оценить результаты своих действий.

– Во, – пробурчал мрачный Капустин. – Уже лоера включила, сука зеленая.

– Но это будет необратимо! – прошептал Карманников.

– Необратимо, – согласился полковник А. – Именно так. Омерзительные спермозавры все уже поняли. Верно?

Это было похоже на правду.

Я говорил, Елизавета Петровна, о том странном чувстве, которое возникало у меня при каждом взгляде на живые ворота – как бы смесь воспоминания и предчувствия... И вдруг от двух изогнутых фигур изошла такая волна скорби – тоже как бы наполовину забытой, а наполовину только предвосхищаемой, – что я понял, насколько все по-настоящему. Похоже было, что этот всплеск отчаяния ощутили в подвале все.

– Еще одни славные сутки! – бодро сказал полковник А. – Наши поэтики будут петь об этом веками!

Черт с хуссой ударил своим инструментом в пол – и зеленые уродцы склонились над стальным ящиком.

– Минутку, – сказал Капустин. – Мне кажется, вы забыли одно обстоятельство.

– Какое? – спросил Димкин.

– Прощальный звонок, – отчеканил Капустин.

– Извините?

Капустин отрицательно покачал головой.

– Не могу-с, – сказал он. – Даже не просите.

И тут произошло нечто неожиданное – и в своей ярмарочной простоте чрезмерное даже по сравнению с тем, чему я уже успел стать свидетелем.

* * *

Средняя пуговица на пиджаке Капустина вдруг сама собой

расстегнулась, и из его живота (так это, во всяком случае, выглядело) вылезла третья рука, сжатая в кулак. Кулак разжался, и я увидел на его ладони маленький серебряный треугольник с овальной стразой в центре – по виду обычный недорогой брелок или брошь. А потом Капустин положил на эту стразу свой большой палец.

На американцев безделушка не произвела ровно никакого впечатления. Но вот черти...

Можно было подумать, что в подвал внесли икону.

Все черти тут же повалились на колени самым церковным образом, побросав на пол свое оружие – и даже сам штандарт могущества. Мало того, мне показалось, что их фальшивые гильфики как-то посерели, потеряв свою вызывающую яркую красноту. Видимо, цвет их был связан с настроением и степенью уверенности в себе, как это случается у некоторых пресмыкающихся и рыб.

Димкин сунул руку в карман.

– И не пытайтесь, – сказал Капустин. – Полковник А, объясните нашим партнерам, что не следует делать резких движений, из-за которых я мог бы случайно нажать кнопку.

– Не делайте никаких резких движений, – испуганным эхом повторил полковник А, – чтобы он не нажал! Этого ни в коем случае нельзя нажать!

– Что происходит? – спросил Крофт.

– Сейчас объясню, – ответил Капустин и повернулся к полковнику А. – Ну-ка снимите с нас эти веревки.

Видимо, брошка на ладони Капустина имела над чертями такую власть, что повторять необходимости не было. Я сразу почувствовал, что мои ладони уже ничто не удерживает у стола.

Одновременно освободились и трое моих гостей – они поднялись на ноги, и в руке Пугачева появился небольшой тупоносый пистолет, похожий на детскую игрушку. Как оказалось, он прятал его в сапоге.

Я с изумлением увидел, что правая рука Капустина так и осталась лежать на столе – когда он вставал, она просто вывалилась из рукава, словно протез.

– Простейший трюк, – сказал Капустин, поймав мой взгляд. – Многократно описан в специальной литературе и даже процитирован в *кинематографе*. Мы уже имели дело с этими зелеными стервами и знаем их процедуры безопасности в отношении людей. Главное все время иметь реквизит наготове. И оставаться начеку... Всегда надо быть начеку...

Оказывается, то, что я принял за третью руку, державшую серебряный треугольник, было его настоящей правой рукой.

– А теперь мы попросим наших уважаемых партнеров занять наши места, – елеиным голосом продолжал Капустин. – А их зеленые партнерши пусть точно так же приклеят их руки к столу... Вот так, да.

Брошь обладала просто чудодейственной силой. Всего через несколько мгновений американцы уже сидели за столом, а их руки прижимала к нему та же самая желтая лента. Американцы были изумлены случившимся, но вели себя с хмурым достоинством людей, знающих, как переменчиво военное счастье.

Черти смотрели на Капустина словно на карающее божество своей религии, явившееся перед ними, чтобы исполнить какое-то древнее проклятье. Забегая вперед, скажу – так оно примерно и оказалось.

Капустин расстегнул пиджак, откинул его полу и, не снимая пальца со стразы, продел правую руку в рукав. Потом он повернулся ко мне и сказал:

– Видите ли, Маркиан Степанович, причина, по которой эти зеленые стервы так спешат избавиться от расы бородачей заключается в том, что в истории никогда не бывает однозначных побед и окончательных поражений – до тех пор, пока в вашем противнике сохраняется хотя бы тень жизни...

Похоже, ему нравилось общаться с американцами, делая меня формальным адресатом своих инвектив.

– Незадолго до своей катастрофы, – продолжал он, – бородачи создали своего рода абсолютное оружие – то, что наш друг Карманников назвал «корректором истории». На их языке устройство называлось «Последний Звонок». Никакого отношения к школьным выпускным вечерам это не имеет. Я не вполне понимаю, как такое возможно – у нас это вообще понимает один только Карманников, – но это устройство способно удалить из прошлого-настоящего-будущего все те его сегменты, где присутствуют зеленые выдры. Просто выпилить все, что с ними связано. Так сказать, переформатировать мир – и воссоздать его с этим единственным отличием. Но бородачи не решились сразу применить такое окончательное решение, и не последнюю роль в этом сыграл их гуманизм... Хотя я не уверен, что это слово здесь подходит – они, в конце концов, не гуманоиды.

– Страх перед Всевидящим Глазом, – сказал полковник А.

– Возможно, – кивнул головой Капустин, даже не поглядев на чертовку. – Но бородачи недооценили шпионские способности зеленых ковырялок. Те выкрали у них секрет «Последнего Звонка» – но на своем технологическом уровне не сумели воспроизвести его полностью. Они смогли создать оружие, способное убрать вражескую расу только из настоящего. И немедленно пустили его в ход, оправдавшись перед Всевидящим Глазом тем, что бородачи уже построили корректор истории и

могут в любой момент его применить. Этот вараварский акт сошел за самооборону, хотя был на самом деле жестокой агрессией. Лоеры, что тут еще скажешь.

– Неужели? – спросил Крофт. – Если это была агрессия, почему они не испугались ответного удара?

– Вот здесь зеленые стервы все рассчитали верно, – сказал Капустин. – Ответного удара не произошло по той простой причине, что «Последний Звонок» можно пустить в ход только в настоящем. Рептилии решились на атаку, зная, что бородачи не смогут ответить, если в настоящем их больше не будет. Вы ведь не можете нажать на кнопку в прошлом или в будущем. Это можно сделать лишь прямо сейчас. Рассуждение было правильным. Но они не учли, что у бородачей могут появиться союзники, для которых настоящее время будет их родным домом. А они, получив это устройство, на кнопку нажмут легко... Если не с радостью.

Последние слова Капустина прозвучали в тишине очень веско. Даже угрожающе. Зеленые черти совсем приуныли.

– Вы полагаете, – сказал адмирал Крофт, – что Всевидящий Глаз – это такой сельский дурачок и его можно обвести вокруг пальца?

– Нет, – ответил Капустин, – я как раз так не думаю. Всевидящий Глаз знает правду лучше всех – именно поэтому он и попустил всему свершиться. По космическому закону корректор истории можно применять на последнем рубеже самообороны, под угрозой полного и окончательного исчезновения. И ваши зеленые выдры только что дали для этого повод.

– Вы выжидали момент, – сказал полковник А. – Вы сознательно провоцировали...

Капустин ничего не ответил.

– «Последний Звонок» не пощадит никого, – сказал полковник А. – Никого вообще. Вы отдаете себе отчет о последствиях?

– Отдаю, – кивнул Капустин. – Не пощадит никого из вашего племени. И, как правильно поняли наши американские партнеры, никакой *хуссны* под Федеральным Резервом тоже не будет.

– Но это далеко не все, – сказал полковник А. – Если убрать из мира Красоток А, изменится структура вашей реальности. Все моменты, где мы взаимодействовали с вашей цивилизацией, окажутся отредактированы. Ваш мир не сможет остаться полностью прежним. Весь наш вклад в него будет уничтожен. Это значит...

– Наши физики анализировали вопрос, – перебил Карманников. – Произойдут локальные завихрения прошлого, и в нем изменится несколько узлов. Но мир не перевернется. В нем просто добавится необъяснимого

идиотизма. Профессор Берч будет ходить строевым шагом перед чокнутыми лесбиянками по какой-то другой причине, вот и все. Ну и для Хиллари вашей это плохо, сами понимаете. А так – переживем.

– Союзников потеряем не только мы, – сказал Крофт. – У вас их тоже не будет. Потому что бородачам просто незачем будет вступать с вами в союз. Мы даже про Всевидящий Глаз забудем. И вы забудете.

– Может быть, да, – ответил Капустин. – А может быть, нет. Что случится, на самом деле непредсказуемо. Поэтому я крайне не хочу пускать в ход эту штуку, крайне. И очень надеюсь, что мне не придется этого делать. Мы могли бы договориться. И по золоту, и вообще.

– Да, – сказал полковник А. – Договориться. Сейчас с этой целью прибудет мое высокое начальство.

– Какое начальство?

– Маршал А.

– А кто тебе дал команду, зеленая выдра? – бледнея, спросил Капустин и вытянул перед собой руку с лежащим на брелке большим пальцем.

– Они военные, Капустин, – сказал Крофт. – Такие же как мы. А у военных на все случаи предусмотрены процедуры. Они их просто выполняют, и все.

Капустин поглядел на меня.

– Маршал А, – сказал он, – это самая главная лесбиянка, которая размножается почкованием. Все остальные – ее версии.

– Знаю, – кивнул я, – уже имел честь...

Капустин повернулся к полковнику А.

– С какой целью вы его вызвали?

– Может быть, – сказал полковник А, – ему удастся убедить вас в пагубности вашего плана... Да вот он, уже здесь.

И тут, Елизавета Петровна, началось такое, что рассказ мой рискует превратиться в ваших глазах в записки сумасшедшего – лишённые, впрочем, литературных достоинств гоголевской прозы.

* * *

Не знаю даже, как правильно взяться за описание случившегося.

Сказать, что я увидел сладостное и прекрасное сияние, полившееся из круглых врат? Но я скорее подумал о таком сиянии. Зато мысль моя была настолько яркой, что теперь, вспоминая об этом миге, я прямо-таки вижу лучи света. Но в тот момент ничего подобного я на самом деле не

наблюдал.

Мне показалось, что я слышу музыку неизреченной красоты (и мозг опять подсовывает мне ложную память о торжественных и стройных звуках как бы огромного хрустального органа). Но эту музыку я тоже воспринимал не ушами, а как бы воображал у себя в голове.

Это было не сияние, не музыка – а что-то совсем иное.

Происходило непонятное, никогда не случавшееся прежде – будто бы к сознанию моему прикоснулись вдруг с такой стороны, с какой прежде не приближались ни люди, ни черти, ни ангелы, и мой бедный рассудок пытался отыскать в переживаемом знакомые черты, сравнивая его то со светом, то со звуками, то со сладчайшим и невыразимо волнующим запахом, и все это казалось похожим, да – но лишь отчасти, потому что по своей собственной природе происходящее не было ничем из перечисленного.

Но оно происходило – и было нежнейшим и завораживающим. Меня словно бы пустили погулять по Эдему (мне даже пригрезилась моя липовая аллея, какой я запомнил ее в детстве).

Как жаль, думал я, что у обычного человека нет органа чувства, способного воспринимать эту разлитую в эфире сладость... А может быть, такой орган когда-то был, и изгнание из рая заключалось в том, что нас его лишили? Но эти мысли облеклись в слова уже потом, а в тот миг в сердце моем осталась одна непостижимая улада.

То же, видимо, ощущали все в комнате – и уже неважно сделалось, кто американец, кто чекист, кто русский дворянин... Я заметил слезы под желтыми очками – они были на всех глазах, и на моих, наверное, тоже.

А потом я увидел источник этого удивительного счастья.

В круглых воротах стоял маршал А.

Гульфик на его животе невероятно разбух и светился горячим фиолетовым огнем. Этот пламенеющий выступ и посылал в пространство те волны, что я пытался описать. Маршал А излучал такую любовь, такое понимание, такую негу, что бороться с этой лавиной не было никакой возможности. Рядом с ним мы все казались неразумными детьми. А он был – больше чем отец и мать, вместе взятые.

Все земные дела показались никчемными и жалкими – потому что ни одно из них прежде не приводило к этому опыту. Его способна была подарить только встреча с божественным гермафродитом (в тот миг казалось именно так), стоявшим в живых вратах. Бесконечная благодарность к нему смешалась с обидой на горькую человеческую судьбу – и полным равнодушием ко всем земным обязательствам.

И, когда знакомые желтые нити протянулись от пальцев маршала А к руке Капустина, тот даже не подумал возразить. Его пальцы разжались, и серебряный треугольник скользнул по желтым нитям прямо в хищно раскрывшийся – и сразу опять закрывшийся гульфик маршала А.

А потом Капустин всхлипнул:

– Кнопка была нажата. Нельзя было отпускать...

И тут же вся эта дивная благодать, что струилась на нас из круглых ворот, исчезла, словно сквозняк задул свечу.

Я почувствовал отвратительное похмелье – какого никогда не бывает от простой водки. И в этом мрачном свете (вряд ли вы знаете, Елизавета Петровна, что похмелье способно осветить запутаннейшие перипетии нашей жизни с невозможной отчетливостью) стало ясно, что никакого рая, куда на несколько сладких мгновений взял нас маршал А, нет – а есть временный обман чувств, за которым последует жесточайшая расплата.

Но все это больше не было важно, потому что мир уже изменился – да, Елизавета Петровна, изменился самым роковым образом. Меня захватило странное и незнакомое переживание, хотя некоторые из тонких похмельных мук, испытанных мною в прошлом, предвосхищали и его тоже.

В природе как бы появился новый элемент, подобный червоточине или трещине, прошедшей через все мироздание сразу. Трещина эта возникла не где-то в одном месте, а везде. Она была теперь в каждой мысли, каждом ощущении, каждом вздохе. И даже сама эта надтреснутость всего была надтреснута самым надтреснутым образом, сказал бы я – если бы не боялся, Елизавета Петровна, что вы увидите здесь попытку выразаться витиевато.

Сперва непонятно было, что именно происходит, но потом я услышал как бы слабый звон – и вспомнил название загадочного оружия, о котором говорил Капустин.

«Последний Звонок...»

Звон этот и был той самой трещиной. Словно бы во всем мире вокруг, в каждой его щелке, в каждой песчинке и крупинке какие-то крохотные злые человечки установили по маленькому звоночку – и в самих этих звоночках тоже стояли еще меньшие звоночки, и так без конца: никакой телескоп или микроскоп не помогли бы найти место, чтобы спрятаться от этого звука.

Звон все время нарастал, и вскоре мне сделалось ясно – не спрашивайте только, каким образом, – что он звенел и в прошлом, всегда-всегда, просто до того, как Капустин нажал на кнопку, мы каким-то

образом ухитрялись отметать этот звук от своего ума, как перестаем иногда слышать однообразный вой ветра или журчание воды.

Источником этого нарастающего вселенского звона был распухший фиолетовый гульфик маршала А. И чем невыносимее и громче становился звон, тем больше и ярче делался этот гульфик, как бы затмевая собою остальное – пока не превзошел свою госпожу и все прочее настолько, что стало казаться, будто в бескрайней межпланетной бездне висит, простите за непристойность, огромный мужской орган, восставший из небытия, чтобы покарать расу своих гонительниц.

Словно бы вспоротый этим звоном, мой ум стал мыслить очень быстро и точно. Я понял, что визит маршала А и весь драматичнейший символизм случившегося были изначально запланированы бородачами именно таким образом – ибо их оружие действует одновременно в прошлом, настоящем и будущем, и для целой картины нет разницы, из какого именно момента будет нанесен удар. Поэтому выбирать время и способ атаки можно было не из военных соображений, а из чисто художественных, что и было, судя по всему, сделано.

Теперь уже никакой космический суд не смог бы обвинить их в жестокости – ибо удар был нанесен как бы из небытия, после того, как сами они оказались почти уничтожены коварным и хитрым врагом... Потому, наверно, Всевидящий Глаз и попустил зеленым чертям взять такую власть и силу – ведь если он всевидящий, ему ведомо и будущее тоже.

Но тут звон сделался таким непереносимым, что разрушил сперва мои мысли, а затем сам себя – и исчезло все.

* * *

Профессор Берч был совершенно гол и парил в пространстве, раскинувшись шестиконечной звездой – он пролетел так близко, что я вынуждено различил все детали.

Я говорю о пространстве исходя из требований логики и языка – ведь должен был Берч где-то находиться. Но что это было за пространство, я в тот миг не понимал. Может, и никакого пространства не было вообще, а были лишь одни умственные допущения.

Думал же я не о том, где мы, а о другом – почему-то мне было вполне ясно, что посмертная нагота Берча есть свидетельство глубочайшего и непримиримого материализма – не в смысле неверия во Всевидящий Глаз, а в смысле отсутствия каких-либо духовных интересов.

Потом я увидел двух других американцев.

Адмирал Крофт был одет протестантским пастором, а на Димкине оказался масонский фартук – я видел похожий в энциклопедии.

С фартуком этим прямо на моих глазах произошло удивительнейшее изменение. В первый момент я различил на нем тот самый загадочный знак, что был на хуссне зеленых рептилий и на показанной мне купюре. Но этот круг с перевернутым треугольником, словно испаряясь от моего взгляда, свернулся и исчез – и вместо него на фартуке появился треугольник такого же размера, но уже обращенный вершиной вверх. Кольца вокруг него теперь не было, зато в его центре появился глаз – и по виду этот новый символ очень напоминал брелок Капустина.

А потом я увидел наших – если тут уместно, конечно, такое обозначение.

Карманников тоже был нигилистически гол. Вот только звезда его тела из-за анатомических особенностей выглядела скорее пятиконечной и весьма раздувшейся. На Капустине с Пугачевым были ветхие подрясники и поблескивающие военные сапоги, что немедленно выдавало их связь с православным вероучением.

– Что происходит? – громко спросил я непонятно кого.

И этот непонятно кто ответил:

– Прошлый мир погиб. Исчез. Кончился.

Этот голос был мне интимно знаком – я уже слышал его у себя внутри, причем с самого детства. Говорить с ним было так легко, что сперва даже не возникло вопроса, кто это.

– Вот просто так взял и погиб?

– Мир гибнет часто. В этом нет ничего особенного.

– То есть? – изумился я.

– Тебе же объясняли. Когда мир гибнет, из Книги Жизни вырывают всего одну страницу, и рядом всегда остается почти такая же. Апокалипсисов было несчетное число, происходили страшнейшие эпидемии и войны, землетрясения, огненные дожди и потопа – и это будет продолжаться вечно. Все живое погибнет еще много-много раз. И все равно останется жить совсем рядом...

– Не может быть, – сказал я, чтобы сказать хоть что-нибудь.

– Еще как может. Не может быть никак по-другому.

Я наконец увидел того, с кем говорю.

Это был... аквариум. Да-да, большой круглый аквариум, или нечто на него очень похожее – а в центре этого шара с водой плавала как бы маленькая золотая рыбка, состоящая из одного глаза.

И такая прехорошенькая!

Знаете, Елизавета Петровна, когда видишь смеющегося золотоволосого ребенка, в своем веселом счастье забывшего все на свете, перестаешь думать о горестях – и на душе становится светлее... Вот это было похоже. Упоительно было смотреть на эту рыбку – такой радостью она искрилась. Казалось, в каждой ее чешуйке отражается по солнцу – или, может быть, она и была всеми этими солнцами сразу.

Перемещалась она в своем аквариуме как-то странно – то появлялась в его центре, то уплывала вдаль, совсем пропадая – и даль эта была такой, какой ни в одном аквариуме поместиться не может, из чего я решил, что имею дело с оптическим обманом.

– Кто ты? – спросил я.

– Всевидящий Глаз.

Я не то чтобы не поверил, а подумал, скорее, что говорю с каким-то очаровательно завравшимся ангелочком – и мое умиление только выросло.

– Прости, но ты как-то мелко выглядишь.

– Я вообще никак не выгляжу, – ответила рыбка. – Что значит «выглядишь»? Рядом со мной нет другого глаза, чтобы на меня смотреть. Нет даже никакого «рядом со мной». Это ты выбираешь мою форму и голос, каким я говорю. Даже смысл моей речи на девяносто процентов ты сочинишь сам.

Я вспомнил, что мне рассказывали про этот самый Всевидящий Глаз – и спросил:

– Если ты Всевидящий Глаз, то чьими же мозгами ты сейчас думаешь?

– Как чьими? Твоими, дурашка.

Я понял наконец, каким сачком поймать эту врунишку.

– То есть я сам тебя представляю, и сам за тебя думаю. В чем же тогда разница между Всевидящим Глазом и Маркианом Можайским?

– Ни в чем, – ответила рыбка. – С чего ты вообще взял, что такая разница есть?

На это я не нашелся ответить.

– У тебя чистая совесть и беззлобная детская душа, – сказала рыбка (Елизавета Петровна, клянусь честью, не вру). – Поэтому для тебя я золотая рыбка. Но твои гости увидят меня иначе, потому что у них с совестью сложнее.

Я понял, что уже потерял из виду и американцев, и чекистов.

– Можешь посмотреть на меня их глазами, – продолжала рыбка. – Вдруг тебе понравится больше.

Аквариум, где она плавала, вдруг начал отдаляться, быстро

увеличиваясь в размерах и теряя прозрачность. Скоро он превратился в далекое золотое лицо.

Как описать его... Оно походило на солнце, последний раз поднявшееся над миром – грозная слава и сила исходили от его черт. На нем словно застыла печать высокой думы – выражение его было так строго-спокойно, как не может изобразить ни одна земная икона. Несомненно, это был лик Отца, вернуться к которому рассчитывает в глубине сердца всякий блудный сын.

Глаза безмерного лика были закрыты, а на лбу его сверкал треугольник с глазом – такой же, как я видел на фартуке Димкина.

Величественность этого зрелища, Елизавета Петровна, не описать никакими превосходными степенями. Я был потрясен – и догадался, что наступает тот самый Суд, о котором столько говорят попы всех религий... Но хоть происходящее смиряло душу сверх всякого описания, я не удержался от греховной мысли, что, сложишь наша смерть чуть иначе, треугольник на этом грандиозном лбу был бы перевернут и заключен в кольцо...

А затем меня, будто сухой лист, закрутило в вихре вокруг огромной головы; стоит ли говорить, что тот же ветер сдул с меня и все остатки вольномыслия. В смерче рядом со мной летели американцы и чекисты (вот только голые Карманников и Берч куда-то делись, из чего я заключил, что с маловерами эта фаза происходит иначе).

Самым жутким было то, что голова как бы поворачивалась вслед за нами, и мы все время видели этот Лик. Он ни на миг не отводил от нас своего треугольного глаза, и я чувствовал, что этот пристальный взгляд слой за слоем снимает с моей души покровы, заглядывая в каждый из совершенных сызмала поступков.

Потом вращение прекратилось, и мы повисли в пустоте.

Тогда голова заговорила.

Губы ее при этом не размыкались, но громогласные слова раздавались прямо в моем мозгу. Она никого не называла по имени, но каждый раз было понятно, кому адресован ее вопрос. Сперва она обратилась к Капустину:

– Чего ты хочешь за содеянное тобой в жизни?

– Да будет, Господи, воля не моя, но твоя, – быстро ответил Капустин.

Мне показалось, что Лик чуть нахмурился.

– Чего просишь ты? – обратился он к Пугачеву.

– Пусть будет воля твоя, Господи.

Брови сдвинулись еще сильнее – и мне почудилось, что я слышу далекий гром.

- Ты? – вопрос был задан адмиралу Крофту.
- Да свершится твоя воля, – сказал тот торжественно и с чувством.
- Ты? – вопрос был задан Димкину.
- Твоя воля, не моя, – смиренно ответил тот.

Мне отчего-то пришло в голову, что покорные ответы господ из будущего на вопрос Всевидящего Глаза вызваны не смирением, а тем, что их служебно готовят к возможной гибели и всему последующему.

Вот только правильно ли готовят?

Я подумал так, потому что золотое лицо излучало теперь самый настоящий гнев – и он был страшен.

– А чего хочешь ты?

Я понял, что голова говорит со мной. Подчиняясь стадному чувству и страху, я хотел было ответить как все – но совершенно неожиданно для себя брякнул:

– Я... я хочу много-много денег. И чтобы поехать с Елизаветой Петровной в Баден-Баден. И больше не пить. И еще я хочу все вспомнить, когда проснусь. Я никому не скажу, честное слово – одной Елизавете Петровне!

В тот же миг грозный лик исчез, пропали барахтающиеся в пустоте человеческие фигурки, и я снова увидел аквариум с рыбкой.

– Молодец! – сказала рыбка. – Красавец! А они придурки. Ты даже не представляешь, как я не люблю подобных святош. Эти ленивые негодяи созданы с единственной целью – хотеть, хотеть, и еще раз хотеть! И никто из них не желает выполнять свое космическое назначение. Они думают, что у меня для них есть своя воля, и я чего-то от них желаю. Представляешь, какой идиотизм? Вместо того, чтобы попросить меня о том, что мне совсем просто, они на Суде постоянно требуют от меня захотеть чего-то вместо них, но при этом – для них. Мне! Захотеть для них! Это как если бы ваша корова вместо того, чтобы дать молоко, потребовала себе бутерброд с маслом. И каждый раз надо вникать во все их убожество – при том, что только в этой галактике мимо меня пролетает около миллиарда таких пузырей за одну вашу секунду. Но я же ничего не хочу! Ничего вообще... Для того и существует иллюзия Вселенной, чтобы населяющие ее призрачные создания страстно желали и жаждали вот этого самого... Ну ничего, они у меня попляшут! Я им такого захочу...

Я заметил, что рыбка плывет прочь, а сам аквариум как бы размывается, и с каждой секундой я вижу его все хуже. Но раздосадованный голос рыбки был еще слышен:

– Они думают, что проявляют благородную скромность, а на самом

деле взваливают на меня отвратительное бремя. Они просят слишком много. Неоправданно, незаслуженно много. А ты, Можайский, умница. Ты понимаешь. Ведь даже для нормального доброго человека нет ничего приятнее, чем выполнить чужую просьбу – особенно если просят хорошие люди. Ты, Можайский, молодец...

Последняя фраза была почему-то сказана басом.

А в следующий момент я открыл глаза, увидел перед собой край подушки (наволочку давно пора было менять) – и вспомнил, что на сегодня назначен полет.

* * *

Я испытал странное раздвоение.

С одной стороны я помнил, что Капустин, Карманников и Пугачев совершенно реальны. Они действительно были здесь – и точно не приснились мне прошлой ночью. А вот остальное: черти с разноцветными гульфиками, американцы в военных пижамах, маршал А, события в подвале и, конечно, сам Всевидящий Глаз – это, видимо, было сном.

Я, разумеется, понимал, что высшая сила Вселенной не может быть рыбкой в аквариуме, и подобное сновидение отражает мою духовную незрелость и подростковые представления о Тонком мире. Но, с другой стороны, я не мог отогнать чувство, что нелепые видения моего спящего рассудка *«в своей глубокой, бесформенной и невыразимой основе есть чистая правда...»*

Помните, Елизавета Петровна, в старом письме вы изъяснили этими словами один из своих снов? Только в тот миг я понял вас до конца...

Я встал и подошел к окну.

Амбар, или, как его называли мои гости, *ангар*, стоял на месте. Перед домом собралось довольно много людей, было несколько колясок из города. Один господин, стоявший ко мне спиной, держал треногу и необычный фотографический аппарат, похожий на гигантскую кофемолку из-за кривой ручки на боку.

Перед амбаром стояли на часах два вооруженных винтовками солдата – их я не видел прежде. Наверно, Капустин показал городскому начальству пару фокусов с монетами.

Убедившись, что за окном все по-прежнему, я успокоился.

Было еще рано, и я чувствовал, что недоспал. Кроме того, мной овладело забытое и очень приятное детское ощущение, что в кровати меня

ждут другие недосмотренные сны, важные и интересные. И, лишь только голова моя коснулась подушки, они немедленно стали мне сниться.

Мне привиделось, что я лечу на *самолете*!

Я сидел в гондоле и глядел вниз. Подо мною проплыла колокольня, потом – сырые домишки деревни, речка, пашня... Мы развернулись, и я увидел свою усадьбу. Людей перед ней теперь не было совсем – только ангар, и еще почему-то та высокая черная изгородь, что строили вокруг него черти в моем пьяном бреде. Но затем мы снизились, повернули и все скрылось за деревьями. Впереди появилась взлетная полоса.

Все это время ручка, торчавшая из пола, двигалась сама собой, словно ею управляла невидимая рука. Тут я вспомнил о коварном плане обрушить аппарат на землю и погубить меня, чтобы не было никаких свидетелей, и мне стало так страшно, что руки мои вцепились в борта гондолы; я собирался уже для предотвращения несчастья спрыгнуть вниз сам...

Но мы снижались ровно и плавно; через минуту колеса благополучно коснулись земли – и самолет, подпрыгнув несколько раз, покатил по полосе. Я увидел в ее конце Карманникова с его управляющей шарманкой в руках.

Он выглядел странно – был до ушей закутан в медвежью шкуру, а на голове у него почему-то были рога... Лишь когда самолет остановился прямо возле него, я понял, что никакой это не Карманников.

Передо мной стоял большой толстый черт.

Только это была уже не одна из этих косоглазых красоток с поддельным мужским началом, а нормальный русский черт с иконы – заросший шерстью, с рогами. Вдобавок он был еще и бородат как поп, причем борода его, закрывающая все лицо, смешивалась с телесной шерстью таким образом, что между ними исчезали всякие границы. На руках и ногах его были большие когти.

Он походил на тех двух чертей, из которых были сделаны круглые ворота в подвале – но по сравнению с ними казался сплюснутым в шар. Впрочем, возможно, что тела этих существ обладали гуттаперчивостью и могли растягиваться в длину.

– Спасибо, Маркиан Степанович, – произнес черт. – *Экспонат* создан. Ваш полет увидит вся вечность!

Он говорил... рогами. Да, на его рогах зажигались разноцветные блики – и становились словами, возникавшими в моем мозгу. Иные из этих слов были мне прежде незнакомы – вот как слово «экспонат» – но я понимал примерный смысл: нечто, специально выставленное на обозрение. Видимо, светящиеся рога действовали на человеческий мозг так же, как

ушные затычки зеленых рептилий.

Вообще, черт этот произвел бы на меня самое утрашающее впечатление, если бы не его рога. Они буквально излучали приветливость и доброту, причем такого напора, что это даже становилось неприличным, поскольку отдавало в самом низу живота самым бесстыдным и откровенным образом.

Попробуйте только это представить, Елизавета Петровна – слова, которые я слышал, как бы поглаживали меня в известном месте. Но при этом, что самое возмутительное, мне казалось, будто произносит их низкий мужской баритон.

– Кто вы, сударь? – спросил я, нахмурившись. – Вы бородач?

– Можно сказать и так, – ответил черт. – Наше самоназвание невыразимо на вашем языке. Поэтому мы не возражаем против подобной клички.

За время этой фразы мне пришлось сжать ноги и подтянуть колени к подбородку, потому что физическое воздействие на приватные части моего тела сделалось решительно нестерпимым – особенно же смущало меня именно то удовольствие, которое оно доставляло своей несомненной умелостью.

Чтобы прервать это непотребство, я вылез из кабины на землю – и сказал:

– Не могли бы вы перестать гладить меня в известном месте?

– Как скажете, – ответил черт. – Мы обычно начинаем общение с выражения максимальной привязанности, как это принято в нашей собственной среде. Половое возбуждение мобилизует во всех существах их лучшие коммуникативные свойства. Но в разных культурах к этому бывает разное отношение, и если ваша локальная парадигма находится под влиянием церковных запретов и табу, мы можем перейти на более формальный уровень общения.

Несколько ярких розовых бликов на его рогах погасли.

Я испытал большое нравственное облегчение, когда он перестал наконец терзать меня за органы. Если бы так себя вел обычный бородатый мужчина без рогов, дело кончилось бы пощечиной и дуэлью.

– Что это за экспонат вы делали? – спросил я.

– Для музейной коллекции.

– Какой коллекции?

– Видите ли, – ответил черт, – у нас, как и у вас, есть свои музеи. Самый главный называется «Музей Гипотетических Опасностей, Отведенных Судьбой». В нем представлены примеры тех ужасов и

бедствий, что могли бы погубить наш народ, не окажись судьба к нам благосклонна. Большинству моих соплеменников кажется, что собранные в нем выдумки нелепы. Вот кто, например, сегодня поверит, что нашему великому народу могли угрожать какие-то клонированные вагиноиды?

– Но ваша раса была выкинута из настоящего, – сказал я. – Вас долгое время просто не было. Как вы это объясняете своим соотечественникам?

– О, у нас сложнейшая метафизика этого вопроса. Такое ведь с нами случается регулярно. Мы называем это дыханием судьбы. Бытие перемежается с небытием. Никто не знает почему. Даже Всевидящий Глаз не знает – он только это видит. Таков путь Вселенной. Чтобы понимать Вселенную лучше и видеть ее скрытые потенции, мы и устраиваем в ней эти Музеи. Один из них теперь будет в вашем поместье.

– Где именно? – спросил я.

– Правильнее сказать, само ваше поместье – часть этого музея, – ответил черт. – А экспонаты в нем – подвал с воротами времени, ангар с самолетом и окружающий его *хампусс* в натуральную величину.

– *Хампусс*? Вы про этот черный плетень? А что это?

– Подобным образом могла бы выглядеть база высадки, с которой гипотетические зеленые пиздогадины попытались бы вести свои психические атаки с целью завоевания Вселенной. Разумеется, это просто предположение.

– Это весь музей?

– Нет. Еще в нем будет стоять монумент гипотетическим героям – тем бородачам, что могли бы погибнуть, спасая нашу расу. Но создание его займет время. И еще в музее будет выставлено чучело самой главной гипотетической пиздогадины, которая могла бы попытаться нас всех погубить. Там же будет размещена и композиция «Последний Звонок», изображающая воображаемый момент применения корректора истории, с помощью которого мы попытались бы извлечь себя из небытия – и тут будете запечатлены для вечности ваши товарищи и вы. Запись вашего полета будет украшением нашей коллекции. В музее будет храниться даже марка из реального мира, изображающая самолет, прототипом которого мог бы стать ваш аэроплан...

Черт махнул лапой, и я увидел перед собой увеличенную почтовую марку с непонятными словами «Почта СССР», где был изображен аэроплан, отдаленно похожий на тот, из которого я только что вылез. Но с большой закопченной трубой. Рисунок был неточным и грубым.

– В музее будет много других памятных экспонатов, – продолжал черт, когда марка исчезла, – в том числе, как у вас говорят, *эмоджи*. Некоторые

из них весьма провокативны, например вот такое...

На рогах черта зажглись две тонкие зеленые полоски.

Я ничего не увидел, но мне вдруг вспомнился маршал А и устроенная им экзекуция. И я с удивлением понял, что мне... до слез жалко этих нелепых рептилий с их смешными красными гульфиками – потому что какая-то частичка великой космической правды, пусть маленькая и странная, но все равно невыразимо трогательная, ушла навсегда вместе с ними. Чтобы не заплакать, я несколько раз моргнул.

– Как видите, – сказал черт, – мы мыслим широко. Сейчас это уже можно.

– И что, – спросил я, – в какие часы этот музей будет работать?

– Не пугайтесь, вам он не причинит неудобств. Все это будет так сильно сдвинуто в параллель, что не должно фонить даже во время ваших запоев. И потом, мы не ожидаем большого потока посетителей. Подобными филиалами Музея заполнен весь космос, и хорошим тоном считается над ними смеяться... А теперь, Маркиан Степанович, нам пора прощаться.

– Что будет со мною? – спросил я.

– Не волнуйтесь, – сказал черт, и постучал когтем по борту самолета. – Все образуется. Но я дам вам один совет. Чтобы убрать из будущего все каузальные сквозняки и скомпенсировать возмущения, вызванные событиями в вашем подвале, вы должны...

– Что? – спросил я.

– Это может показаться странным, но требуется совсем простая вещь. Когда у вас родится сын, назовите его Мафусаилом.

– Родится сын? – изумился я. – От кого же?

– Вы скоро узнаете все сами.

– Какое-то старомодное имя...

– Оно уже начертано на скрижалях вселенной, где вам предстоит отныне жить. У вашего сына будет непростая судьба. Он принесет в мир... Божественный свет и тайну, скажем так. Но я не стану лгать, говоря, что мир окажется к этому готов.

– А если мой сын сменит имя, когда вырастет?

Черт опять постучал ногтем по борту самолета, как мне показалось – нетерпеливо. Потом стук повторился, и я понял, что это не черт.

Стучали в мою дверь.

– Маркиан Степанович! – крикнула с той стороны Глашка. – Спускайтесь скорее, господа из города вас спрашивают.

Я вылез из кровати и снова выглянул в окно.

Проспал я довольно долго – был уже день.

Во дворе слонялась та же самая публика. Солдаты (теперь их было уже четверо) по-прежнему стояли у амбара на часах.

Я быстро побрился, плеская на себя холодную воду из умывальника – греть ее не было времени. Признаюсь, я выходил навстречу собравшимся внизу господам не без трепета – и опасения мои оправдались. Не успел я шагнуть к ним из дверей, как увидел такое, что чуть не упал в обморок.

Капустин, Карманников и Пугачев шли ко мне быстрым шагом. Но в каком виде, боже мой!

Капустин был в мундире пехотного полковника, и совсем не выглядел переодетым – это был, знаете ли, очень даже настоящий пехотный полковник, я на таких насмотрелся.

Карманников тоже словно стал наконец самим собой – он походил теперь на купчину с Нижегородской ярмарки – из тех, что спят и видят, как бы вложиться в промышленность и разбогатеть пуще прежнего.

А Пугачев... Это, несомненно, был человек самого высшего общества, чиновник из столицы, одетый с тем неприметным аскетическим лоском, что так наивно пытаются копировать наши уездные модники. Скорей всего, аристократ и богач. И, конечно, ни о каком переодевании здесь тоже не могло быть речи.

– Господа, вы живы? С вами все хорошо? – спросил я, чуть отступая.

– Отчего же нам не жить, Маркиан Степанович? – удивился Капустин.

– Но я думал... Я думал, что...

– Что мы удавимся от жадности? – полюбопытствовал Карманников. – Нет-с, мы от своих слов не отступим. Но прежде, конечно, подпишем надлежащие бумаги.

– Какие бумаги? – спросил я.

Карманников выпучил глаза.

– Как же какие? Купчую.

– И расписку о молчании, – добавил тихим голосом Пугачев, поглядывая по сторонам. – Вы дурно сделали, Маркиан Степанович, что разослали депеши в европейские газеты. Потому что приехали к нам не газетчики, а английская военная разведка. Вон, видите, те трое, с фотографическим аппаратом на треноге?

И тут, не поверите, Елизавета Петровна, я увидел... Да.

Крофт, Берч и Димкин – все они тоже были здесь! Крофт стоял возле

ангара и ругался с охраняющим его солдатом. Берч наводил на дверь ту самую кофемолку, что я заметил из окна (это его я увидел с треногой в руках, но не узнал со спины). Димкин сидел на стуле поодаль и, кажется, дремал.

Все трое были одеты подчеркнуто европейским образом, как наряжаются в России иностранцы, желающие, чтобы не только нравы, но даже и законы нашей сатрапии по возможности на них не распространялись. Впрочем, говорят, в двенадцатом году в Москве именно таких в первую очередь и поубивали.

Крофт и Берч посмотрели на меня, затем на моих спутников – и я с изумлением понял, что они нас не узнают!

Пугачев сделал солдатам знак – и те оттеснили моих недавних знакомых от входа в ангар, заставив отойти аж за угол – верно, чтобы они ничего не смогли снять своей камерой. Другой служивый чуть приоткрыл дверь, и вслед за Капустиным и Карманниковым я вошел в ангар.

И здесь, Елизавета Петровна, меня ждало очередное потрясение – самое, признаюсь, горькое.

Самолет изменился. И совсем не в лучшую сторону. Он стал чрезвычайно похож на тот неуклюжий аппарат с трубой, что я видел на почтовой марке из будущего.

Крылья его были толще и массивнее, и из прямоугольных стали квадратными. Толще сделалась центральная часть корпуса, тяжелее и грубее все формы – и, самое главное, чудесного вида паровая машина из серебристого металла, удивлявшая меня своей совершенной красотой, раздулась в два раза и выпирала теперь своими закопченными боками из бортов воздушного судна.

Если описать все это изменение одним словом... Будто бы, знаете, хрупкая двадцатилетняя девушка, полная надежд и стремлений, вдруг превратилась за ночь в пятидесятилетнюю несвежую толстуху.

– И вы серьезно полагаете, Маркиан Степанович, что подниметесь сегодня на этом аппарате в воздух? – спросил Пугачев.

Я сокрушенно молчал, не зная, что сказать.

– Идея, надо сказать, блестящая, – продолжал Пугачев. – Блестящая и заслуживающая всяческого развития. Толкательный винт. Крылья. Даже веревочные тяги, чтобы кое-как управлять рулями в полете. Но все это, знаете ли, более похоже на выходку гениального сумасшедшего, чем на серьезный инженерный проект. Идеи ваши интересны и новы, но вот их воплощение заставляет задуматься о вашем душевном здоровье... Как будто большое дитя играло.

– И для чего надо было, – наморщился Капустин, – вызывать сюда заказными письмами всех этих бумагомарак? Ведь единственный результат будет такой, что гениальную вашу идею англичане снимут на дагерротип и украдут. И построят подобную летательную машину где-то у себя...

Я ощущал такую растерянность и смятение чувств, что решил перейти в атаку сам.

– Вас не понять, господа. То я душевнобольной и дитя, то чуть ли не предатель своего Отечества... Вы уж определитесь.

Капустин, видимо, подумал, что перегнул палку.

– Мы считаем вас самородком, – сказал он, примирительно беря меня за локоть, – чьи идеи далеко превосходят его техническую грамотность и способность воплотить их в жизнь. Теперь, когда суть вашего прожекта стала нам вполне ясна, мы предлагаем вам... э-э-э...

– Сделку, – рубанул Карманников.

– Да, можно сказать и так, – согласился Капустин. – Поскольку сами вы не имеете ни материальной, ни технической возможности продолжать работу, мы желали бы выкупить у вас на корню вашу идею и работать над ней дальше сами.

– Но ведь о работе моей уже сообщено в газеты, – сказал я. – И фамилия моя, верно, объявлена...

– Пусть это вас не тревожит. По любопытному, даже если угодно мистическому совпадению у нас служит один офицер, моряк – ваш однофамилец, Можайский Александр Федорович. Его тоже интересует идея управляемого полета, только прежде он пытался строить аппараты, основанные на другом принципе. Ознакомившись с вашей идеей, он сперва нашел ее нелепой и неисполнимой – а потом проникся ею до такой степени, что готов немедленно продолжить работу. Поверьте, Маркиан Степанович, он по своим техническим знаниям подходит на эту роль куда лучше... Он уже сделал кое-какие поправки – к толкающему винту он хочет добавить еще и тянущий.

– Тянущий? – переспросил я, чтобы сказать хоть что-то. – Интересная мысль.

– Ну что же, – подвел итог Карманников, – пойдемте в дом, Маркиан Степанович, и оформим надлежащим образом наши с вами отношения...

Следующие два часа мы пили чай – только вообразите меня пьющим чай с булкой, такое бывает, – и подписывали разные бумаги, в каковые я не особенно вглядывался, зная, что при желании меня обдурят все равно. Суть была примерно следующей – я отдавал права собственности на изобретение, брал на себя обязательство молчать о его деталях и самой

сделке, и так дальше. Платили мне за это три тысячи рублей ассигнациями, что по моему бедственному положению было, конечно, целым состоянием.

Но, сказать по правде, от Всевидящего Глаза я ожидал несколько большего.

* * *

На следующий день, Елизавета Петровна, я наблюдал, как приехавшие из города рабочие под командой Карманникова и Капустина разбирают на части аэроплан, закрывают его детали полотном от любопытных глаз – и грузят на подводы.

По моей просьбе они разобрали и сам амбар; глядя на вещи философски, можно было сказать, что судьба заставила моих гостей из грядущего прибраться за собой – несмотря даже на то, что собой они быть перестали... Весьма похоже на воздаяние в новой жизни, в которое верят индусы.

Мы попрощались, и скоро груженный досками обоз скрылся вдали. Теперь, если не считать дыр в земле и побелевшей от отсутствия солнца травы, вид с моего балкона стал таким в точности, каким был прежде, а также и душа моя возвратилась в свою прежнюю гавань. Вся история эта могла бы показаться просто запойным видением, если бы не три тысячи, спрятанные мною в секретер (надо, сказал я себе, поехать в город да положить в банк – а то ведь все и улетит, как запью).

С другой стороны, думал я, не такая уж и беда будет пропить эти три тысячи – хоть деньги и большие, но получить подобную подачку от сил, что повелевают звездами и безднами как-то даже и смешно, и есть в этом известное умаление высшего принципа... Или, может быть, именно так и проявляет себя божественная справедливость, взвешивая все – от пылинки до Юпитера – на точнейших весах?

Затем я решил спуститься в подвал.

В первый момент я не поверил своим глазам – круглые ворота все так же стояли у стены! Но через миг я понял, что они изменились самым радикальным образом.

Теперь это были просто кривые растрескавшиеся бревна. Их покрывала резьба, грубо намечавшая в них бородатые фигуры с рогами. Что-то такое северное и древнее, как мне показалось. Дерево выглядело старым, зеленым от сырости – и совершенно непонятно было, как такую огромную штуковину затащили в подвал через небольшую дверь.

Врата эти, естественно, никуда не вели, в чем я лично убедился, пройдя сквозь них несколько раз в обоих направлениях. Зато от одного из деревянных истуканов отходила толстая грязная веревка, ведущая к фанерному ящику, тоже гнилому и старому, набитому газетами с отчетливым кошачьим запахом. Переднюю часть ящика покрывали пятна плесени, и я готов был поклясться, что своей формой они повторяют ручки и диски на стальной коробке Карманникова.

Я вспомнил его рассказы и сообразил, что вижу шрамы, оставшиеся на реальности от разрушенной «Последним Звонком» вселенной. Новый мир действительно оказался близок к ней даже в деталях, но был уже другим.

Что же дальше, подумал я – и сразу понял: да вот это именно! То самое, что происходит сейчас со мной. Такова развязка. Бояться мне теперь нечего, а что касается отдаленного будущего...

Моя ли это забота? Пусть его обитатели сами объясняют себе своих чекистов в подрясниках, масонов с треугольным глазом, фальшивые зеленые деньги и обнаглевших трибад с пристяжными удами, перед которыми дрожат могущественные белые американцы. Если я правильно понял Карманникова, разумные причины всему этому они обязательно найдут, и дай им Бог счастья.

А затем...

Я заметил в углу подвала темную рогожу, какой в этом месте не помнил. Я подошел, откинул ее и – слушайте меня очень внимательно, Елизавета Петровна, – обнаружил шесть одинаковых черных саквояжей акушерского вида. Я видел похожие у своих гостей и догадался, что саквояжи остались от них, отчего-то не превратившись в прах. Я открыл ближайший ко мне, и что же вы думаете?

Внутри оказались те самые николаевские золотые пятерки, что так ловко прятал между пальцев Капустин. В других саквояжах – тоже...

Я проверил их все. В последнем помимо монет обнаружился тот самый футляр или мешочек из переливающегося материала, который Капустин показывал нам с Карманниковым (там, видимо, и хранилась адская брошь «Последнего Звонка»). Футляр этот оказался скользким и странно холодным, но в целом не сильно отличался от обычного полотняного мешочка, в каком могли бы, например, храниться ключи или копейки. Сперва я подумал, что футляр пуст. Но открыв его, я обнаружил внутри записку:

Маркиан Степанович!

Если вы читаете эти строки, значит, договориться не удалось и у нас украли окончательную победу. Но это временно, только временно.

Сейчас я обращаюсь к вам уже не как начальник ГПУ ФСБ, а как один русский офицер, озабоченный судьбами Отечества, к другому. Если вы хотите послужить будущему Отчизны, умоляю вас сделать одно важное дело – но не теперь, а позже.

В 1894 году отправьте, пожалуйста, по адресу, приведенному на обороте записки, письмо следующего содержания:

КОБА! МАСОНЫ – ЭТО ВРАГИ! ПРИДЕШЬ К ВЛАСТИ – СОШЛИ ИХ ВСЕХ НА СЕВЕР, ЧЕМ ДАЛЬШЕ, ТЕМ ЛУЧШЕ. ТАК ПОБЕДИМ!

ТВОИ ДРУЗЬЯ ИЗ ВЕЧНОСТИ

Повторите послание три раза с интервалами в две недели – возможно, это позволит повернуть историю России чуть ближе к свету. В личный контакт с адресатом ни в коем случае не вступайте. Оставшихся вам средств более чем достаточно, чтобы оплатить три почтовые марки.

Борьба не кончается никогда. Простите, если что – и прощайте.

Слава России!

Ваш Капустин

На обороте записки, действительно, был адрес – Тифлисская духовная семинария, какому-то Иосифу, как я понял – ученику.

Я хотел сразу сжечь письмо вместе с этим дьявольским конвертом – но по размышлении решил отложить решение на будущее. В конце концов, ничего особо противного уму и совести мне не предлагали.

Вопроса о том, нравственно ли присваивать оставшиеся в моем доме деньги, у меня, признаюсь, не возникло.

Видимо, это были приготовленные чекистами средства для покупки требуемых материалов, найма рабочих и подкупа должностных лиц – а так же на мои похороны и памятник. Или, может быть, планы их были шире,

чем они успели мне рассказать.

Меня самого они даже не удосужились толком подкупить, решив, что можно обойтись обещаниями и выпивкой...

Капустин, скорей всего, в последний день начал что-то подозревать – и успел спрятать свою записку в непроницаемый для перемен чехол. Сами же саквояжи, видимо, были приобретены у нас в городе.

Но как пережили случившуюся катастрофу завезенные из будущего монеты?

Сперва я решил, что это личный подарок Всевидящего Глаза, у которого я попросил средств – и я упрекнул себя в маловерии... Я готов был встать на колени и первый раз в жизни возблагодарить Высшую Силу за милость. Но потом – о, проклятие нашего скептического века! – я сообразил, что и здесь нет никакого чуда.

Это ведь были николаевские пятерки. По всем признакам – вещь не из будущего, а из прошлого. И если та волна всеобщих изменений, что прошла по нашему миру, превратила один самолет в другой, какой действительно мог быть построен в наши дни, то золото просто осталось на месте – а золотые пятерки из изготовленных в будущем превратились в отчеканенные в прошлом... То есть изменение, если оно и произошло с монетами, никак не сказалось на них в сущностном смысле.

С другой стороны, моя просьба сохранить мне память о случившемся, обращенная ко Всевидящему Глазу, была исполнена безукоризненно – записывая свой отчет, я без труда вспоминал почти все странные новые слова, что произносили мои гости. Обычно моя память не так цепка. Хотя это, конечно, можно объяснить действием технических устройств на мой мозг – или даже повышенным нервным возбуждением, способствующим, по мнению докторов, лучшему запечатлению нашего опыта.

Елизавета Петровна!

Здесь я заканчиваю свой рассказ – и обращаюсь к вам прямо.

Я знаю, что вы в последнее время увлечены борьбой за освобождение человечества. Не хочу ни в малой степени умалить благородство этого пути, но поверьте – будущее безжалостно! Мало того, оно еще и безобразно. Оно не похоже на то, что грезится нам; жизнь не пойдет по тому пути, что мы для нее готовим. Я видел грядущее – и поверьте, оно не стоит крохотной морщинки на вашем очаровательном лбу.

Поэтому пусть завтрашние мертвецы хоронят себя сами, когда родятся для своей смерти. Мы же с вами живем в настоящем времени, и для него только. Мы размазаны по эпохе, как масло по булке, и не следует маслу пытаться намазать себя на булку, которую еще не испекли, и испекут ли –

неведомо. Поверьте, это не слова филистера, а высшая космическая мудрость.

Поэтому заклинаю вас, Елизавета Петровна, бросайте свои бомбы, бритвы, револьверы, стрихнин – и поедemте опять в Баден-Баден! Плану этому покровительствуют величайшие из сил Вселенной; в курсе сам Всевидящий Глаз, и есть основания думать, что отношение его самое благосклонное.

Губернаторов же всех не перестреляешь. Вместо одного тотчас вырастут двое новых, да еще появится восемь жандармских вакансий для их охраны. А ежели и постреляете всех жандармов, то непонятно, какие зеленые рептилии заполнят тогда образовавшуюся пустоту.

И стоит ли убивать сегодняшних губернаторов, если завтра Губернатор грядет такой, в какого бомбу вы уже не метнете точно, ибо он своими щупальцами безжалостно и неощутимо вопьется в ваш мозг? Действиями своими вы лишь приблизите его приход.

Плюньте.

Я, видите ли, очень хочу вернуться вместе с вами в ту гостиницу, где произошли столь унижительные для меня события, чтобы снять там целый этаж и объяснить некоторым господам, кто тут европеец, а кто прислуга. И это будет наша с вами частная маленькая Революция, где мы обязательно победим.

А ежели вы захотите все-таки бороться с тираном, то к вашим услугам каждую ночь буду я. Сделаем для меня картонную корону в золотой бумаге, купим вам хлыст – и не найдется такой вашей революционной фантазии, какой я не выполню. Желаете бичевать самодержавие – так давайте делать это вместе в достойных условиях жизни!

Жду от вас весточки – а еще лучше вашего приезда с дорожным багажом, чтобы мы могли отбыть немедленно.

Не стану лишний раз говорить о своих к вам чувствах. Вы сами видите – куда бы ни устремилось мое сердце, я всюду встречаю вас. Императрица с бичом – прекрасно. Золотая рыбка – крайне трогательно. Но каким же счастьем будет увидеть вас наяву!

Поедemте, право!

Часть 3. Храмлаг

исторический очерк

История масонства в России XVIII–XIX веков, его влияние на русские перевороты и революции не нуждаются сегодня в разъяснениях и анализе – все здесь изучено достаточно хорошо. Роль масонов в февральском катаклизме и отречении Николая Второго – повод для упреков и печали об упущенных русских возможностях. Про участие масонов в октябрьском путче тоже сказано немало.

Но что случилось с масонами после Октября?

В советской историографии этот вопрос даже не задавали – было ясно и так. Все понимали: с масонами произошло то же самое, что с кавалергардами, фрейлинами, лейб-уланами и синими кирасирами. Некоторые из них могли выжить как биологические единицы – но не как члены общности, ушедшей в небытие.

В эмиграции, конечно, все обстояло иначе. Там с самого начала с удовольствием вычисляли «масонов» во власти и рядом: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Парвус, Радек и почему-то Максим Горький...

Затем некий Василий Иванов и вообще предложил нам поверить, что титаническая советская пирамида все время своего существования контролировалась хитрыми и ловкими вольными каменщиками, выставлявшими перед собой строй декоративных кухарок, якобы «управляющих государством»: на самом же деле это именно масоны провели индустриализацию, выиграли войну и послали Гагарина в космос. Многие не видели во всем этом ничего удивительного – в России реальность традиционно выглядит абсурднее любого вымысла, поэтому чем вымысел страннее, тем больше ему веры.

В девяностых и нулевых в России вновь появились ложи (и заодно с ними какие-то «дворянские собрания») – поэтому вопрос об истории и судьбах российского масонства оказался естественным образом снят с повестки дня: мол, о чем тут говорить – вот они, наши каменщики. Одного из новых русских масонов в явном издевательстве над западными ложами даже сделали потешным кандидатом в президенты.

Для профанов все выглядело так, словно масонские ложи просто вышли из глубокого подполья и начали свое «возрождение».

Но российские масоны современности – это, конечно, новодел. Для

историка несомненно, что преемственности со старым русским масонством у них нет (мы здесь не рассматриваем масонов-эмигрантов – это уже не вполне русское масонство; мы говорим только об оставшихся после революции в России).

Кажется самоочевидным, что исконное российское масонство не могло сохраниться до наших дней ни в каком виде. Здесь не надо особых доказательств, достаточно вспомнить историю. Репрессии двадцатых и тридцатых, страшный 1937 год, великая война, «борьба с космополитизмом» – каждая из этих вех оказалась бы непреодолимой.

Любой масон, расколовшийся на допросе, сразу выкосил бы целиком всю свою ложу; всякий ритуал, на который попал бы провокатор из НКВД, оказался бы последним...

Но пока это просто умственные эксперименты и предположения, а что произошло в действительности? В какой последовательности, в каких формах?

Сегодня мы можем ответить на этот вопрос – благодаря монументальному труду выдающегося русского историка и философа К. П. Голгофского «Новейшая история Российского масонства». Это редкая для нашего суежливого времени академическая работа; автор трудился над ней достаточно долго, и появление ее стало возможным благодаря полному доступу ко всем секретным архивам ФСБ, ГПУ, НКВД и МВД.

Нам кажется в высшей степени нелепым называть Голгофского в этой связи «соловьем ФСБ», как делает один ультралиберальный публицист (которому, как все хорошо понимают, такая кличка подошла бы гораздо больше, если бы не слово «соловей»). Он даже связывает Голгофского с «генералом ФСБ Капустиным», якобы курировавшим проект (насколько нам известно, генерала с такой фамилией в ФСБ нет).

Но попытки бросить таким образом тень на Голгофского, конечно, смешны. Любой историк, получая доступ к секретным документам, берет на себя определенные обязательства перед инстанцией, разрешившей ему исследования; единственным мерилom нравственности таких обязательств является результат его труда.

К тому же политического подтекста в этом сотрудничестве не было вообще: по слухам, задачей, поставленной органами перед Голгофским, был поиск какой-то важной дореволюционной киноплёнки, связанной с развитием авиации. Сделанные открытия оказались неожиданностью для него самого – и, насколько мы можем судить, он не испрашивал у ФСБ разрешения на публикацию своего труда.

Возможно, Голгофский говорит не все и даже сознательно утаивает

некоторые факты, особенно связанные с современностью – но того, что он при этом открывает, вполне достаточно, чтобы золотыми буквами вписать его имя в историю российской науки. Благодаря ему у нас сегодня появилась возможность поставить в истории русского масонства если не точку, то жирное многоточие. Почему именно так, станет ясно из дальнейшего.

Итак, что же нового узнал Голгофский за время своей архивной работы?

Фактическая канва выглядит на первый взгляд не слишком интересно: обнаруженные документы свидетельствуют, что с 1918 года Ленин, Троцкий и Сталин – тогдашняя советская верхушка – лично руководили окончательным решением «масонского вопроса». Их можно было понять: они хорошо помнили роль масонства в собственном вознесении к власти – и не собирались жить под дамокловым мечом будущих заговоров. Ленин и Троцкий, однако, проявляли в этом вопросе известную мягкость – а вот Сталин с самого начала повел себя крайне непримиримо.

За время между 1918 и 1930 годами практически все российские масоны были отловлены и отправлены сперва в тюрьмы, а потом в специально созданный для них лагерь на Крайнем Севере. Ссылных направляли туда и позже – небольшими партиями, поддерживая быстро убывающую численность поселенцев. Начиная со второй половины двадцатых годов вместе с настоящими членами братства вольных каменщиков в этот лагерь попадал и другой контингент.

Впрочем, что значит – «настоящие члены братства»?

Здесь надо сделать короткую паузу и вспомнить, что представляло из себя русское масонство к 1917 году.

* * *

Как знает любой историк, масонство было запрещено в России почти век – с 1822 по 1905 годы. После снятия запретов в Москве и Петербурге открылись ложи под патронажем Великого Востока Франции – «Астрей», «Возрождение» и т. п. Информация о них широко доступна – желающий легко найдет ее в открытых источниках. Чуть меньше известна возникшая в тот же период ложа с английскими корнями, ставившая перед собой строго политические задачи – она даже называлась по-английски – «Parliamentary Russia». Членами ее были в основном богатые кадеты.

В 1910 году воссозданные под французским руководством ложи

перерождаются в политическую организацию «Великий Восток народов России» (во главе которого уже тогда стоял не великий мастер, а, внимание, *генеральный секретарь*, – это к вопросу о генезисе новой власти; с шестнадцатого года «генеральным секретарем» был Керенский – вот откуда растут усы Сталина и брови Брежнева).

Этих «масонов», бывших прежде всего политическими заговорщиками, насчитывалось от силы несколько сот человек – но они входили в высшие структуры управления обветшавшей империи. Целью «ново-французского» крыла масонов был именно захват власти, которую им однажды действительно дали поддержать в руках целых пятнадцать минут. Большая их часть успела уехать за границу – но многие остались в России после революции и были схвачены.

Именно этим людям мы и обязаны тем, что слово «масон» стало в русском языке почти ругательством – употребляя его, имеют в виду недобрую силу, из-за которой история России свернула в ад (деятельность того же Керенского, конечно, дает для этого все основания). Поэтому неудивительно, что в конспирологическом волапюке русскоязычного интернета выражение «масонский градус» означает что-то среднее между чином в английской разведке МИ-6 и степенью инициации в культ Баала.

Но так, конечно, было не всегда.

В России было и другое масонство – возвышенное, искреннее и благородное. Мы говорим о сохранившихся элементах старых лож XVIII и XIX веков, объединившихся в середине XIX века вокруг ложи «Тайный Закон» (у ее истоков стоял легендарный Иван Перфильевич Елагин, ставший великим мастером в 1772 году).

«Тайный Закон» пережил все царские гонения: сперва – репрессии Екатерины, потом – запрещающий рескрипт Александра Первого, подписанный в августе 1822 года.

В эту ложу – действительно тайную и мистическую – входили в основном члены высшей аристократии, увлеченные оккультными аспектами масонства. Политика их не интересовала совсем – поэтому, когда до надзорных органов империи доходили сведения о «Тайном Законе», на него смотрели сквозь пальцы, считая его сборищем безвредных чудаков.

Трогать их боялись – собрания этой ложи тайно посещал одно время даже сам император Александр II (что было связано не столько с его либерализмом, сколько с увлеченностью спиритизмом и столоверчением).

Пока родовая знать имела богатство и привилегии, «Тайному Закону» было несложно сохраняться – но в новый жестокий век ложа потеряла всякую социальную опору.

Нам точно не известно, откуда про нее узнала большевистская власть, но догадаться нетрудно. В те времена людей пытали и убивали просто за принадлежность к дворянству, и хоть «буревестников» главным образом интересовало, где спрятано золото, во время пыток выяснялось и много другого.

Скоро обнаружены были списки лож; все члены «Тайного Закона», не успевшие уехать в первые дни после Октября – около двухсот человек – были арестованы и брошены в тюрьму. На этом, по информации Голгофского, настоял лично Сталин.

* * *

Странно, но большевистская элита, совсем не боявшаяся крови, не пошла на массовое убийство этих людей. Голгофский анализирует несколько возможных причин такой нерешительности – от убедительных до смехотворных.

Большевики могли опасаться мести со стороны западных лож или не хотели портить с ними отношения (новой власти надо было кому-то продавать награбленное; похоже на правду). Они могли испытывать страх перед оккультной силой, стоящей за масонским братством (это вряд ли). Возможны даже сентиментальные мотивы – все-таки масоны были вчерашними соратниками большевиков по заговору против империи (еще менее убедительно, но все-таки допустимо).

Крупица истины может быть в каждом из этих мнений – но главным, скорее всего, оказалось совсем другое обстоятельство, о чем мы расскажем чуть позже.

Так или иначе, но русских масонов решено было не уничтожить, а «изолировать от общества» – сослать в обстановке строжайшей секретности на архипелаг Новая Земля. Это было тем же самым смертным приговором, но несколько отсроченным во времени. Большевики с большим доверием относились к природе – и часто назначали ее на роль палача.

Арестованных масонов ссылали на север постепенно, небольшими партиями – чтобы не привлекать внимания. Из оставшихся в России от этого путешествия не спасся практически никто. Стандартный приговор – увесистый срок без права переписки – мог означать что угодно, включая расстрел; родственники репрессированных, озабоченные собственным выживанием, не всегда решались испытывать судьбу, разыскивая близких.

Арестантов везли сначала в Архангельск, а потом с ближайшей навигацией отправляли на Новую Землю. Сперва они прибывали в перевалочный пункт на Белюшиной Губе. Оттуда их направляли к озеру Горячее, где строился лагерь – прибывавшие арестанты возводили свою будущую тюрьму сами, и многие из них в прямом смысле легли в ее фундамент.

Лагерь на Новой Земле получил издевательское название «Храмлаг» – (по масонской легенде, масонство происходит от древних строителей храма через орден Храмовников). Поначалу думали, что высланные в ледяную пустыню каменщики не протянут там и года – но безжалостная северная природа оказалась гуманнее человека.

Дело в том, что Горячая Губа, где строился Храмлаг, была оазисом – своего рода микроскопической геотермальной «Землей Санникова».

В нескольких местах на поверхность выходили подземные горячие ключи – и образовывали незамерзающее озеро, где вода была ощутимо теплой (поэтому его и называли – «озеро Горячее»). Нечто подобное встречается во многих местах планеты, например, в Исландии, и обычно привлекает туристов. Но на Новой Земле это озеро так и осталось тайной для большинства приезжих с материка.

Дело в том, что немногочисленные ненцы, жившие на архипелаге, избегали этого места, боясь якобы живущих там злых духов. Даже говорить о нем было у них строгим табу, и дореволюционные географы не знали ничего. Туристы на Новую Землю по понятным причинам не ездили, а после основания Храмлага на Горячую Губу вообще перестали попадать случайные люди. Поэтому о существовании этого геотермального оазиса (совсем небольшого по размерам – подземного тепла хватало только на несколько теплиц и круглогодичные термы) в открытую печать не просочилось никаких сведений.

Вот описание Храмлага, сделанное писателем И. С. Соколовым-Микитовым летом 1930 года – когда он вместе с последней партией ссыльных масонов, доставленных теплоходом «Георгий Седов», подплыл к лагерю в лодке (судно остановилось в полумиле от берега; веселые гэпэушники наврали писателю, что перед ним поселок Белюшина Губа):

«Над темной водой то и дело проносятся стайки нырков и скрываются за откосом туманного берега, на вершине которого маячит поселковое кладбище – редкие покосившиеся кресты. Дикая гуси низко пролетают над аспидно-черными водами. С несколькими спутниками я съехал на берег. Мы оставили шлюпку на берегу у амбара, крыша которого была сплошь обложена тушками убитых птиц, предназначенных для корма собакам, а на

стенках, мездрую наружу, были распялены блестящие жиром шкуры тюленей. На берегу, подле строившегося сарая, работали плотники. Несколько больших, казенного типа, скучноватых домов высились на голом взгорке... По пригорку зеленела коротенькая травка, бродил бородатый белый козел...»

Забора и колючки, как мы видим, здесь не ставили: бежать было действительно некуда. У Храмлага практически не имелось охраны – эту функцию выполняла природа; лагерь, возможно, был ближе к нищей северной коммуне, чем к обычной гулагской фабрике страдания.

К озеру, парникам и бане писателя не пустили – он разглядел только облако пара, показавшееся ему издали «налезшим на взгорок предбрюшья свинцовой тучи». Но и описанного достаточно: конечно, не Кап Ферра – но выжить можно.

Увиденные Соколовым-Микитовым «плотники» были ссыльными масонами; «амбар», обложенный тушками убитых птиц – культотделом и одновременно редакцией выпускаемой масонами рукописной газеты Храмлага «Под вой пурги» (на самом деле она была не вполне «рукописной», но об этом позже). Запомним птиц на крыше и белого козла – эти мелочи важны, и к ним мы еще вернемся.

Возникает вопрос – если целью северной ссылки действительно было по возможности быстрое уничтожение последних русских масонов, почему Храмлаг построили именно в этом оазисе, согретом подземным теплом?

Возможно, кто-то из высокопоставленных гопэушников, сам в прошлом *невольный каменщик* (к этому плоскому каламбуру сводится смысл большинства служебных покаяний, обнаруженных Голгофским), постарался смягчить судьбу своих вчерашних братьев. Но скорей всего замысел большевиков был куда более иезуитским.

Им, конечно, с самого начала все было ясно с «ново-французской» ветвью, породившей плеяду «генеральных секретарей», размножающихся усиками и бровями. Новая власть была плотью от ее плоти – и избавлялась от породившей ее структуры, как от сделавшего свое дело мавра.

Но вот насчет старой, скрытой школы русского масонства такой ясности у чекистов не было – и услышанное на допросах, возможно, показалось миньонам Дзержинского настолько важным, что в результате и было принято решение о строительстве Храмлага.

Но что же произвело на чекистов такое сильное впечатление? И почему лагерь стали строить так далеко от Большой Земли?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо вернуться далеко в прошлое.

У изначального масонства, как русского, так и западного, была великая и благородная цель, которую уже упомянутый Иван Перфильевич Елагин еще в XVIII веке описывал так:

Сохранение и предание потомству некоторого важного таинства от самых древнейших веков и даже от первого человека до нас дошедшего, от которого таинства может быть судьба целого человеческого рода зависит, доколе Бог благоволит ко благу человечества открыть оное всему миру.

Это известнейшая цитата; она разошлась по множеству масонских трактатов, исторических трудов и обзорных статей – из чего видно, что масоны в былые времена не делали секрета из существования такой тайны.

Похожие упоминания о «великой тайне» можно найти и в европейских масонских сочинениях тех лет, например, у Луи Клода де Сен-Мартена. Но со времен Французской революции (или, вернее, с начала девятнадцатого века – точка бифуркации где-то там) европейское масонство теряет свой мистический заряд: создается впечатление, что все взыскующие этой великой цели вдруг отбыли в неизвестном направлении, а в масонских ложах остались только карьеристы и политические заговорщики... Объяснение этого феномена, однако, выходит за рамки нашей статьи; мы говорим лишь о том, что изначальная великая цель у масонства, несомненно, была.

Исследователи масонства много лет гадают, что же это была за тайна – и читатель, несомненно, знаком с самыми дикими из предположений: мировой захват власти (видимо, Китай, Индия и Япония в этой логике – другая планета), секретный союз с какими-то «рептилоидами» (так в России традиционно называют либералов), поклонение Князю Тьмы, и так далее – каждый год в нас выплевывают очередной десяток вдохновенных сочинений на эту тему. Комментировать их не хочется уже давно.

Серьезные ученые, с другой стороны, признают тайну масонства (во всяком случае, сам «дискурс тайны»), но сводят все к «этическому и нравственному закону», проповедь которого должна была со временем сделать землю Эдемом. Оставим это без комментариев тоже.

Нигде в открытых источниках древняя тайна масонства не раскрывалась прежде в своей ослепительной простоте (хотя все

необходимые для правильного вывода ингредиенты были на самом виду). Голгофский это сделал.

Тайна элементарна – и при этом весьма возвышенна.

* * *

Одна из причин широкой бытовой неприязни к масонству заключается в связи последнего с иудейской древностью. Связь эта существует в действительности и никогда не отрицалась вольными каменщиками. Так, энциклопедия масонства 1906 года открыто заявляет, что «каждая ложа есть символ иудейского храма».

Антисемиту, конечно, одного этого достаточно для недельного приступа изжоги. А тут еще антихрист, который по одной из христианских легенд должен будет отстроить Третий Храм – не его ли пестуют масоны?

Интересно, кстати, что ближайший соратник Ленина Николай Бухарин, которого часто записывают в масоны, по собственному признанию воображал себя в детстве антихристом и расспрашивал свою мамочку, не Блудница ли она (может, конечно, и врал – но в любом случае не надо было рассказывать Кобе).

Однако термин «Храм Соломона» и даже знаки «Алеф-Бет», широко используемые масонами в их шифрах, не имеют прямого отношения к современному иудаизму или евреям как нации – все это связано исключительно с историей европейской оккультной мысли, растущей из того же абрахамического корня, что и три главных мировых религии. А когда столько разных сущностей растет из одного корня, неудивительно, что мы натываемся на клубок жалящих друг друга змей.

Но что тогда слова о Храме означают в действительности?

Возводя свою родословную к строителям Иерусалимского храма, масоны понимали это и метафорически, и буквально. Сооружение Храма Соломонова означало для них одновременно и «мистическое делание», практикуемое братством философов-искателей, и вполне конкретное строительство некоего здания, ложи – или объекта.

Ту же цель ставили перед собой прото-масоны, тамплиеры – считается, что их тайной целью была не «защита паломников», а именно восстановление Храма в соответствии с пророчеством Иезекииля.

Тот, кто читал это место в Библии, знает, что сделать это непросто. Пророчество многословно, туманно – и, несомненно, представляет собой символический шифр (разгадать который, кстати, тщетно пытался в

последние годы своей жизни другой известный масон – сэр Исаак Ньютон).

Упорное и последовательное непонимание, или слишком буквальное толкование связанной с Храмом центральной метафоры масонства удивляет, но становится объяснимым, если мы вспомним, что историки – это почти всегда культурные материалисты. Они склонны воспринимать «Храм Соломона» как исторический сюжет, религиозную доминанту, свидетельство политического могущества и экономического подъема Иудейского царства и, наконец, как разрушенный памятник архитектуры. То есть они готовы увидеть в нем что угодно, кроме самого главного.

По древнееврейским представлениям, Храм – это место, где обитает Бог. Он может путешествовать в «шатре и скинии», а может, если будут соблюдены определенные условия, поселиться в своем «Доме».

Но Бог, понятное дело, не живет в Храме. Бог везде и нигде. Храм – это место, где Бог становится доступен для человека.

Если мы переведем эти представления на современный язык, у нас получится, что Храм – это некая материальная структура, делающая возможным земное проявление Божества. Своего рода, как говорят фантасты, портал между землей и Небом, искусство возведения которого было знакомо древним – и утрачено с развитием т. н. «прогресса» (термин «Портал» применительно к Храму Соломона впервые употребил именно Голгофский).

Все великие древние храмы служили такими Порталами. Но искусство их возведения было утрачено еще в римские времена. Тамплиеры, а вслед за ними масоны, обладали, по всей видимости, очень старым, но неполным чертежом (планом, описанием) Портала, называемого ими «Соломонов Храм». Их мистическое делание и было попыткой восстановить это знание в целостности по известным осколкам.

«Храм Соломона» в этом символическом значении – вовсе не огромное строение из камня, дерева и так далее. Такое здание – просто оправа. Важен вделанный в нее драгоценный камень: особым образом выстроенная в пространстве конфигурация материальных объектов, алхимических элементов и оккультных символов (именно ее структуру и состав описывает масонская криптосимволика). Такие выражения как «Magnum Opus», «философский камень» и так далее указывают на то же самое.

Отметим, что «Храм» вовсе не должен быть чем-то гигантским. Его физический размер неважен; маркиз Сен-Ив д'Альвейдер по некоторым сведениям завершил Magnum Opus, случайно собрав «Храм Соломона» из кусочков золота, серебра, свинца, пластинок слоновой кости со знаками

«Алеф-Бет» и других подобных материалов прямо на своем рабочем столе в По, – и был ослеплен ударившим в него лучом божественного света.

Однако д'Альвейдер оказался не готов к откровению: по слухам, он после этого сошел с ума и вскоре умер; перед смертью он все время повторял, что Бог – это золотая рыбка. Другой мистик, английский драматург Кристофер Марло, вообще исчез во время подобного опыта, что было скрыто его братьями по ложе.

Исследователь, анализирующий масонскую тайнопись в попытке понять, что же представлял собой этот священный объект, или «Храм», обнаружит себя стоящим перед бесконечными рядами шифров, к которым нет ключа. Мало того, большая часть этих шифров вообще лишена смысла, и задача их только в том, чтобы сильнее запутать профана.

В некоторых ложах считалось, что знание о «Храме» состоит из двух частей – пророчества Иезекииля, записанного в Библии, и тайного ключа к нему, передаваемого в кругах посвященных: этой точки зрения придерживался, например, сэр Исаак Ньютон. Другие полагают, что Иезекииль имеет в виду лишь внешнюю оболочку, куда уместно было бы поместить Храм – и его описания не имеют иной ценности, кроме исторической и художественной.

* * *

Теперь мы можем наконец объяснить, почему вольные каменщики были сосланы в относительно пригодное для жизни место. Видимо, допрос кого-то из членов «Тайного Закона» показал, что русские масоны близки к завершению великой работы – и Храм вот-вот будет воссоздан.

Известно, что среди высокопоставленных большевиков были опытные оккультисты и мистики; по всей вероятности, они решили дать масонам возможность завершить Magnum Opus – под пристальным надзором ГПУ и в таком месте, где любые возможные эффекты и манифестации не повлекли бы за собой серьезных политических последствий. Если угодно, это была первая – и самая необычная – из всех гулаговских «шарашек».

У нас нет протоколов совещания большевистского руководства по этому поводу – да и не факт, что такие протоколы велись вообще. Но зато сохранилось множество накладных, из которых видно, что на Новую Землю начиная с двадцатых годов отправлялись весьма странные грузы – и происходило это под прямым патронажем сначала ВЧК, потом ГПУ, НКВД, НКГБ и МГБ.

Во-первых, большое количество древесины разных пород, часто ценных. Судя по всему, Храм строился, хотя бы частично, именно из дерева – оно легче и проще в транспортировке. Может показаться, что это несколько легкомысленный материал для подобного строительства – но вспомним, что царь Тира Хирам в свое время присылал на помощь строящему Храм Соломону именно плотников.

Во-вторых, в чекистских накладных постоянно мелькают так называемые «субстанции» – вещества и материалы, часто упоминаемые в алхимических трактатах: сульфид ртути, оксихлорид сурьмы и подобное. К этой же категории можно отнести свинец, ртуть, серебро и даже золото (правда, доставлявшееся в Храмлаг в очень небольших количествах).

По накладным проходят так же слоновая кость (вспомним Сен-Ив д'Альвейдера), хрустальные шары, разноцветные стеклянные элементы («витражные стекла»), а также множество различных книг, от Фолканелли до де Сен-Мартена («О заблуждениях и истине» – отчего-то было заказано именно издание конца XVIII века).

Словари древнеарамейского языка (sic!) – аж десять штук.

Колоды Таро (они заказывались постоянно, но есть версия, что их использовали для карточной игры – простые карты в лагере были запрещены).

В списках значатся иглы и тушь для татуировок (они тоже заказывались постоянно – и об этом мы еще скажем). Царская водка (смесь кислот; возможно, ошибка, вызванная чьей-то неграмотностью). Мечи (типа «гладиум», поясняет один документ). Циркули и мастерки. Бархатные фартуки. Зеркала и свечи. Реторты.

Учитывая то обстоятельство, что Храмлагом занималось сначала четвертое, а потом шестое отделение Секретно-оперативного управления ГПУ – то есть люди, хорошо знакомые с методами дезинформации, – можно предположить, что значительная часть предметов включена в эти перечни с той же целью, с какой масоны составляли заведомо бессмысленные шифры и схемы: чтобы как можно сильнее запутать профана, решившего приблизиться к тайне.

Сегодня, разумеется, мы уже не сможем узнать, что действительно требовалось вольным каменщикам для работы, а что вносилось в реестры для маскировки. Но вот, например, бархатные фартуки до Храмлага не доехали совершенно точно – с одеждой у масонов были большие проблемы.

Заключенным доставляли кое-какую еду (часть они добывали сами, охотясь на морского зверя) и необходимые для изысканий материалы, но к

бытовой стороне их жизни власть была равнодушна – считая, видимо, что масоны должны жить в такой же безрадостной мгле, как и все советские люди.

Мы знаем об этом, потому что сохранилось много доносов, написанных агентами ГПУ, внедренными в Храмлаг. Об этих документах, позволяющих приблизительно судить о происходившем в поселении, следует рассказать особо.

* * *

Самым интересным из информаторов был агент Мафусаил (такова не только служебная кличка; Мафусаил – это настоящее имя; в бумагах даже указано его происхождение «из дворян и помещиков»). Он прибыл в Храмлаг в 1937 году и прожил в нем чуть меньше двадцати лет – по-видимому, абсолютный рекорд выживаемости в этих местах.

Мафусаил – не столько информатор, сколько мыслитель. Он, похоже, был не просто завербован НКВД перед отправкой на север, а специально подготовлен для внедрения в масонскую среду. Для случайного человека он чересчур информирован, и у него слишком широкий кругозор.

Есть даже версия, что это последний из настоящих дореволюционных масонов, отловленный органами госбезопасности и согласившийся стать осведомителем, чтобы избежать расстрела. Его донесения часто кажутся путевыми заметками, медитациями или короткими эссе. Вот, например, что он отписывает на Большую Землю в 1940 году:

Мы помним легенду о египетских казнях – это были бедствия, постигшие Египет за отказ отпустить Евреев. Можно предположить, что Евреи в то время активно искали Божьей Помощи, и методы их были в чем-то схожи с тем, что делают ныне Северные Братья. Видимо, зов, обращенный к Божественному Оку (как выражались у нас в семье), дает иногда нечто вроде ружейной отдачи – особенно в тех случаях, когда пуля улетает в молоко.

Наказания кровью, лягушками, мошками и песьими мухами до того изощренны и причудливы, что указывают, несомненно, не на странные вкусы Великого Архитектора Вселенной, а на те несовершенные и смутные ритуалы, те невнятные колдования, какими древние Евреи пытались привлечь Его внимание.

Нечто подобное происходит и здесь – начиная, как утверждают

местные старожилы, с 1928 года, когда в Работе был сделан важный и решительный поворот к Новому Методу. Правда, «казней» произошло не десять, а всего одна – дождь из мертвых птиц, повторяющийся каждые три месяца... В чем его смысл?

Я плохо знаком с подробностями жизни Пролетариата, но говорят, что Шахтеры держат под землей клетку с канарейкой. Она первая чувствует изменение состава воздуха – и то ли перестает петь, то ли умирает... Не так ли и здесь? Быть может, Небеса дают нам знак, что мы идем в неверном направлении?

Ведь и Египетские Казни сперва полностью прекратились – и лишь потом Господь Вседержитель попустил Евреям уйти из Египта. Видимо, Евреи воззвали к Нему истинным образом только с одиннадцатого раза. У нас, однако, нет возможности ошибаться так долго...

Дожди из мертвых птиц прекратились в 1942 году. Агент Мафусаил больше не возвращается к теме Египетских казней, но возможно, что его догадка справедлива хотя бы отчасти: известно, что на Новой Земле в двадцатых, тридцатых и сороковых годах наблюдали множество редких природных аномалий: двойную красную луну на небе, летнее нашествие необычно больших кузнечиков и жаб, вообще не характерных для этих мест, массовый падеж морского зверя, происходивший в формах, напоминавших ритуальное самоубийство, и так далее.

О Египетских казнях напоминает также и архетипическая «гибель первенца»: ребенок Тыко Вылки, председателя Новоземельского Совета, скончался в 1937 году от дифтерита.

Мафусаил, однако, выполнял и функции обычного информатора – и делал это очень дотошно. Но при этом его донесения никогда не ставили под угрозу жизнь других людей. Вот характерное сообщение, датированное 1944 годом – он подробно описывает фартуки (так называемые «запоны»), надевавшиеся каменщиками Новой Земли на их ритуалы. Из него видно, что во время войны центральной власти было уже не до ссыльных масонов, и снабжение Храмлага продуктами и одеждой почти прекратилось:

«Ученик» – простой фартук из шкуры моржа
«Подмастерье» – фартук из нерпичьей шкуры
«Мастер» – фартук из нерпичьей шкуры с тремя песцовыми розетками
«Надзиратель и Судья» – фартук из шкуры морского зайца
«Смотритель Построек» – фартук из нерпичьей шкуры с каймой из песка

...

«Князь Иерусалимский» – фартук и лента из песка»

Список довольно длинный, и цитировать его дальше нет нужды. Отметим только, что перечисленные в нем «неизрекаемые степени» свидетельствуют – собрания масонов Храмлага проходили по уставу Мемфис-Мицраим. Это кажется несколько неожиданным, но вполне возможным.

Тот же Мафусаил в 1944 году оставил единственное сохранившееся описание внутренней, сокровенной части поселения, куда в свое время не пустили Соколова-Микитова (именно в этой части поселения и строился Храм). Приведем описание целиком.

Из горячего озера, всегда окутанного облаком пара, поднимаются полукруглые ступени – и выходят на овальную площадку с циркулем и наугольником, выложенными цветной плиткой. По краям площадки стоят колонны Боаз и Яхин, натертые моржовым салом. Дальше начинается тщательно подметаемая во всякое время года дорожка, которую в теплые летние дни окружают горшки с акацией, выносимые из устроенных вокруг озера теплиц. По бокам дорожки висят выдубленные ледяным ветром «колы» – куски кожи с синими Вехами Пониманий. Чем-то они похожи на индейские флаги из Фенимора Купера. Дорожка уходит далеко и ведет к огромному серому шатру, сделанному из упавшего здесь в 1915 году цеппелина. Именно под его сводами и совершается сегодня Великое Делание. Но профанам не следует знать, что происходит за Дверью Тайны; здесь я умолкаю...

Понятно, что дальше Новой Земли не сошлют – но характер агента, имевшего мужество писать такие донесения в военное время (и называть при этом лубянское начальство «профанами»), все равно впечатляет. Или, может быть, он понимал, что арестовать его на севере будет просто некому? В любом случае, притяжение близкой и живой Тайны оказалось для Мафусаила сильнее страха перед далекой Лубянкой – и подобное происходило здесь со всеми...

Донесения Мафусаила полны метких замечаний, их отличает остроумная наблюдательность и интеллигентный тон. В масонской иерархии Храмлага он поднялся до уровня «Герметический Философ» (17 градус четвертой степени устава Мемфис-Мицраим). К сожалению, в 1956 году он умер от цинги, не дожив до XX съезда всего неделю.

Судьба Мафусаила, однако, совсем не характерна – он был лагерным долгожителем из долгожителей.

Из нашего рассказа может сложиться впечатление, что колонисты жили на Новой Земле чуть стесненной, странной, но в целом приемлемой жизнью, сталкиваясь только с незначительными лишениями. Но это не так. Действительно, геотермальные ключи позволяли кое-как зимовать. Были и некоторые другие удобства. Но в целом жизнь этих людей была невыразимо сурова – и очень коротка.

Чтобы читатель представил себе быт Новой Земли первой половины прошлого века, приведем один пример. В двадцатых годах туда были направлены «представители Советской Власти» – пара уполномоченных (в Белюшину Губу – Попов, в Малые Кармакулы – Дмитриев). К каждому из них было приставлено по два милиционера. Историческая справка описывает их судьбу так: «Первые уполномоченные Советской Власти не смогли выдержать суровых условий жизни на архипелаге и вскоре умерли».

Просто какой-то адской стужей веет от этих строк. Погибшие были, повторяем, представителями власти – их жизнь всегда обустроена лучше. Понятно, что вольным каменщикам, прибывавшим туда примерно в это же время, приходилось куда тяжелее.

Как долго жили сосланные масоны в суровых северных условиях? Сохранившиеся документы показывают, что в среднем не более трех лет. Пять – уже необычно долгий срок. Из этого можно заключить, что к середине тридцатых годов практически все вольные каменщики из дореволюционной России уже умерли.

Так как же могло масонское поселение функционировать и существовать, если масонов больше не оставалось? Кто надевал описанные Мафусаилом моржовые фартуки в 1943 году? Кто совершал Великое Делание в шатре из потерпевшего крушение цеппелина в 1944?

Понятно, что никаких масонов в тридцатые, сороковые и пятидесятые СССР не воспроизводил – брать их было негде. Поэтому Голгофский рассматривает две гипотезы.

Первая исходит из предположения, что Храмлаг пополнялся арестантами из фиктивных лож, специально созданных НКВД с целью провокации.

Подобные операции действительно проводились этим ведомством – вспомним хотя бы операцию «Синдикат-2», когда Бориса Савинкова

заманили в Россию от имени фальшивого подполья... Такую масонскую ложу несложно представить по описанному у Ильфа и Петрова «Союзу меча и орала».

Но Остап Бендер ставил перед собой конкретную материальную цель. А зачем было агентам НКВД вербовать пугливого советского интеллигента в псевдомасонскую структуру?

Чтобы впаять ему десятку?

Полно, да разве нельзя было сделать это просто так?

Советская власть могла посадить кого угодно когда угодно – и с удовольствием делала это, подбирая «врагов» по немудреным социально-классовым лекалам. Зачем отлавливать «поддавшихся на масонскую провокацию», когда можно засадить всех «потенциальных масонов» сразу? Глупо просеивать ситом то, что через час будут грузить в кузов лопатой. Эта версия не выдерживает критики.

Зато вторую гипотезу, сформулированную Голгофским в его книге, сегодня можно считать доказанной – хотя сперва в нее непросто поверить.

* * *

В одном из архивных документов сохранилось прямое указание на то, что большинство информаторов ГПУ и НКВД внедрялись в Храмлаг *под видом уголовников*. Сначала Голгофский предположил, что это описка – видимо, имелось в виду «под видом масонов». Но все же он решил проверить, не направляли случайно в Храмлаг и уголовников тоже.

Оказалось, что да – примерно со второй половины двадцатых годов. Обычно уркам меняли статью на политическую, более подходящую для северной ссылки – именно поэтому все отправлявшиеся в Храмлаг зэки и выглядели по судебным документам «масонами».

Возможно, дело было в том, что масонский конвейер, работавший все двадцатые, тридцатые и сороковые годы, не так просто было остановить – у контролирующей инстанции мог возникнуть вопрос: почему это НКВД утратило бдительность и перестало разоблачать масонов? Весь исторический опыт советской репрессивной машины свидетельствует, что ее работникам проще было поддерживать требуемые статистикой цифры в документах, чем объяснять, почему «масон больше не клюет».

Последние настоящие масоны были завезены в Храмлаг в 1930 году. После этого туда попадали только случайные лица и партии уголовников, численность которых подбиралась так, чтобы число колонистов оставалось

примерно постоянным.

Уголовников на эту роль отбирали, видимо, по двум причинам.

Во-первых, урка вряд ли станет писать жалобы в инстанции, а ссыльный интеллигент может – и не всегда ясно, чем это кончится: одно дело доказывать, что ты не контрреволюционный элемент (безнадежно), а совсем другое – что ты не масон ложи «Изида». Интеллигент просто из отчаяния мог бы написать, например, что он не масон, а троцкист.

Во-вторых, уголовник живуч – а интеллигент гниловат, расход человеческого материала во втором случае выше, а значит – больше забот. Заполняя лагерь урками, можно было забыть о проблеме на больший срок.

Отрефлексировав эти очевидности, Голгофский изучил доступные архивы, проделал требуемые вычисления и увидел, что уже к середине тридцатых Храмлаг должны были населять практически одни уголовники... Однако донесения информаторов НКВД (того же Мафусаила) показывали, что масоны жили там и в середине сороковых, и позже – и не просто жили, а занимались своим таинственным масонским делом.

Голгофский сделал из этого единственный возможный с точки зрения логики вывод: поздние масоны Храмлага – и есть те самые уголовники, которых ссылали туда по политическим статьям.

Видимо, за время своего пребывания в Храмлаге они успевали так проникнуться идеями и идеалами масонства, что добровольно примыкали к этому движению.

Но здесь возникает серьезная проблема достоверности нарратива. Не только историку, а любому нормальному человеку, представляющему, что такое российский уголовник, трудно понять, какая сила могла превратить его в масона за такой кратчайший срок.

Заслуга Голгофского именно в том, что он предложил этому феномену объяснение.

Такой сложный ритуал, – пишет он, – как возведение Храма Соломона (в значении оккультного объекта), содержит, по всей видимости, две фазы, которые мы можем назвать «грубой» и «тонкой» настройкой. Воспользуемся оптической аналогией. Если у вас в руках бинокль, сначала вы крутите центральное колесико, меняя фокусное расстояние всей системы – и делаете четкой левую половинку изображения. А потом, для окончательной резкости, вращаете правый окуляр, чтобы сделать отчетливой и правую половинку тоже...

Отметим, что Голгофский здесь не фантазирует, а обобщает в форме понятного сравнения свою огромную работу по исследованию деятельности северного масонства – сам он хорошо понимает, что такое «возведение Храма».

Цитируем дальше:

Анализируя сохранившиеся свидетельства, можно сделать вывод, что «грубая настройка» Портала была завершена к началу тридцатых годов – и уже с этого времени Храм позволял демонстрировать неопфитам необъяснимые манифестации.

Их довольно было для того, чтобы пробудить веру в чудесное в необразованных и грубых людях, прибывавших в Храмы вместе с последними масонами. Но эти оккультные феномены еще нельзя было назвать Богоявлением или откровением в строгом библейском смысле. Скорее, это были проблески сверхъестественного, лишенные пока четких культурных и религиозных коннотаций; уже волшебство – но еще не чудо...

* * *

Итак, по мнению Голгофского, к началу тридцатых годов собранный в Храме объект уже работал, но генерировал еще не феномены высокой божественной природы, которых масоны ожидали от своего Magnum Opus, а, скорее, то, что мы назвали бы сегодня «полтергейстом» или «паранормальными эффектами».

Мы говорили, что древние храмы были Порталами, позволявшими Божеству проявляться на земле. Но они взывали к разным богам – и самые разные боги появлялись перед взыскующими их людьми. Очевидно, что форма, принимаемая Божественным Принципом, в каждом случае диктуется особенностями самого Портала.

Вот как об этом пишет сам Голгофский:

Если природа Высшего – звук, а Храм – нечто вроде лютни, то, в зависимости от длины струны, устройства резонатора, взятой ноты и прочих условий, мы услышим разные мелодии, хотя все они будут Божественным Гласом. Но если мы попытаемся воспроизвести забытую века назад музыку, одновременно восстанавливая играющий ее инструмент, музыка сперва может получиться похожей на какофонию...

Помните этого «бородатого белого козла» из воспоминаний Соколова-Микитова? На зеленом пригорке? Как мы знаем, черный козел – распространенный символ темной силы, сатанизма и ада. Именно в такой форме дьявол являлся своим adeptам (так изображали Бафомета, которому якобы поклонялись храмовники). Но масоны правого пути всегда зывали к противоположной силе, светлой и благой.

Видимо, сама задача на каком-то этапе была символически сформулирована обитателями Храмлага «от противного» (и не вполне корректно – потому что «Бога» нельзя определить как «хорошего дьявола»). Отсюда и такой результат их первых опытов.

Архивы НКВД свидетельствуют, что в самом начале тридцатых годов белые козлы появились в Храмлаге в таком изобилии, что надолго обеспечили колонистов пищей. Но потом козлятина исчезла: опыты продолжались.

Вместо козлятины у колонистов вскоре появились хлеб и вино – и с тех пор они постоянно упоминаются в донесениях, в том числе и во время войны. Очевидно, что хлеб (вернее, муку) еще могли доставлять с Большой Земли. Но кто стал бы возить на Новую Землю вино в 1943 году?

Голгофский делает вывод, что одна из библейских метафор была каким-то образом реализована вольными каменщиками буквально – близость нефокусированного, но уже работающего Портала позволяла либо превращать в хлеб и вино камни и воду, либо преломлять хлеба и разливать вино таким образом, что их становилось все больше и больше (в пользу этой версии говорит несколько раз повторяющееся в донесениях слово «кагор» – возможно, все началось с одной случайно попавшей в Храмлаг бутылки).

Очевидно, – пишет Голгофский, – с каждой партией, прибывавшей в Храмлаг, происходило следующее: уголовники становились свидетелями чего-то настолько поразительного, что все их прежние представления рушились; обращение в новую масонскую веру было мгновенным и искренним. Старые масоны, доживающие свой цинготный век, успевали кое-как объяснить новой смене смысл происходящего – скорей всего, в предельно упрощенной и адаптированной для уголовного сознания форме... Затем новая смена «масонов» передавала полученное таким образом знание смене новейшей. Новейшая – следующей за ней, и так много раз. Инициация эта, вероятно, становилась из года в год все более куцей и искаженной, даже нелепой – но она работала, и тонкая настройка Храма

продолжалась...

Из этого следует неожиданный и жуткий вывод.

Обычно, – продолжает Голгофский, – «поколением» называют группу людей, одновременно входящих в жизнь и разделяющих общий культурный и житейский опыт. В хронологическом смысле это период от десяти до тридцати лет. Историю движет диалектический конфликт поколений – то, что не смогло сделать одно, доделывает другое... Поколения как бы передают друг другу эстафету прогресса – но и сама эстафетная палочка эволюционирует при каждом акте передачи, так что самовар становится электрическим чайником, гусиное перо – авторучкой и так далее. Во времена великих войн и бедствий эволюционный процесс сильно ускоряется – достаточно посмотреть, как изменилась авиация всего за пять лет Второй мировой – началось с пугающих бипланов, а кончилось реактивными истребителями...

Нечто похожее, по мысли Голгофского, происходило и в Храмлаге, только время оказалось здесь сжатым гораздо сильнее. Зэки оставались в живых в среднем три года; именно таким был смысл слова «поколение» применительно к быстро мутирующему оазису масонской культуры.

Три года вместо тридцати: получается, что под таинственной сенью шатра-цеппелина история разгоняется в десять раз. Допустим, последний петербургский масон умер в Храмлаге в начале тридцатых. Сам лагерь просуществовал до начала шестидесятых. За эти тридцать лет в страшнейших условиях северного ада сменилось десять условных поколений вновь инициированных «масонов» – что эквивалентно тремстам годам напряженного оккультного поиска в благополучное время.

Отметим, что, по Голгофскому, так выглядит и общая модель российского развития от Петра до наших дней: ускорить историю в гулаговской шарашке, локально разгоняя время за счет причиняемого людям предельного страдания.

Матерящийся мужик ложится костью в фундамент северной Венеции, голодные строители города-сада жуют подмокший хлеб под телегой, Королев в ватнике сидит за колючкой и смотрит в звездное небо, начальник пиар-отдела, проклиная падающий рубль, устраивается официантом в пирожковую «Солнечный удар»...

Но в случае с масонами этот принцип был доведен чекистами до апогея.

Итак, северный оазис масонской культуры быстро и непредсказуемо мутировал. Но работа по настройке Храма все время продолжалась несмотря ни на что. В чем же она заключалась?

Можно предположить, что «масоны» решали некую задачу из области комбинаторики: как образно выражается Голгофский, они пытались открыть сейф, выставляя новый шифр, а затем дергая ручку. Для этого не нужны были высокие интеллектуальные способности, и вчерашние уголовники вполне способны были выполнять эту работу.

Роль нового шифра, скорей всего, играла очередная конфигурация оккультных объектов, алхимических элементов и мистических символов (подобно Сен-Ив д'Альвейдеру, масоны Храма меняли их значение, взаимное расположение и ориентацию по сторонам света). Некие ритуалы, совершаемые вслед за этим, проверяли, не откроется ли в результате дверь.

Вот одна из наиболее вероятных версий того, что Голгофский называет «тонкой настройкой». Он задается вопросом – что должно находиться в самом центре Храма Соломона, если не сокровенное Имя Бога?

Не оно ли и есть тайный ключ к Иезекиилю?

Один такой ключ – тетраграмматон «Йод-Хе-Вау-Хе»:

יהוה

Он известен с глубокой древности. Но именно его широкая известность, скорей всего, и сделала его неактуальным. Как поступит хозяин двери, узнав, что ключ от нее есть у каждого встречного? Скорее всего, сменит замок. Тем более что сам смысл этого тетраграмматона указывает на то, что он может стать чем угодно.

Предположим – исключительно в целях умственного эксперимента, – что новый замок окажется той же самой модели, и ключ к нему будет отличаться лишь иным расположением бороздок, то есть это будет другой тетраграмматон «Алеф-Бет»^[30].

Общее количество возможных Имен можно посчитать по формуле:

$$G = (n+k-1)!/k! (n-1)!$$

Где «n» – число букв алфавита, «k» – число знаков в слове. Число

возможных сочетаний по четыре из двадцати двух знаков «Алеф-Бет» (с возможными повторениями, так как в исходном тетраграмматоне они есть) – 12 650 (если, конечно, Голгофский не ошибся в расчетах – он не математик, а философ и хочет только показать, что число таких комбинаций весьма велико).

Теперь представим, что с каждым из возможных Имен проделывается весь спектр обычных масонских ритуалов, связанных с тетраграмматонем (в дополнение к этому у каменщиков Храмлага могли быть и собственные подходы). Если на каждый тетраграмматон будет потрачено по одному дню, на всю работу уйдет тридцать пять лет... Понятно, что подобный поиск может продолжаться очень и очень долго.

Впрочем, все это лишь предположения. У нас нет точных сведений, что именно происходило в шатре-цеппелине – и мы, скорей всего, не узнаем деталей никогда.

Но благодаря архивной работе Голгофского мы можем представить, как выглядела передача оккультного знания между поколениями вчерашних уголовников, ставших новым советским «масонством».

Предоставим слово самому историку:

Поколения северных масонов сменялись с такой феерической быстротой, что возникала необходимость как-то записывать инструкции по Великому Деланию. Письменных принадлежностей у зэков по лагерным правилам не имелось (если, конечно, они не были информаторами НКВД).

Из накладных, однако, мы помним, что у заключенных были татуировочные иглы, завозившиеся в Храмлаг вместе с необходимой для опытов мистической атрибутикой. Советская власть, боявшаяся письменного слова, терпимо относилась к воровским наколкам.

Оставался единственный известный вчерашним уголовникам путь – наколки. По мере прогресса оккультных опытов в татуировках фиксировались важнейшие постижения, сделанные очередной сменой каменщиков – на масонском языке их называли «вехами» или «ландмарками». Теперь сопоставим это с описанием внутренней части Храмлага в донесении Мафусаила.

Напрашивается жутковатый вывод.

Масонская газета «Под Вой Пурги», выходившая в Храмлаге с 1928 по 1960 (?) была на самом деле не рукописной, а тоже татуированной. В ней не было бытовых новостей, а только информация о ходе Великого Делания, которую необходимо было сохранить и сделать общим достоянием. Ее накалывали на спину специально отобранному масону, так называемому

«доходяге», чьей задачей было лично дойти до каждого брата и заставить его прочесть эти письма... Иногда таких доходяг было сразу несколько, и они складывались в своего рода живой многотомник.

Нашему изнеженному веку это может показаться жестоким и диким – но тогда было совсем другое время. Когда доходяги умирали, кожу с их спины сдирали и вешали на главной аллее Храмлага: именно об этом обычае упоминает в своем донесении Мафусаил. Таким образом возникла как бы пергаментная библиотека – письма и чертежи, доступные всем братьям в любое время, – где подробно фиксировался достигнутый в ходе Великого Делания прогресс. Рядовые масоны Храмлага, конечно, тоже делали себе татуировки, в символической форме воплощавшие открывшееся им тайное знание – но такие письма чаще всего умирали вместе с ними...

* * *

Что происходило в Храмлаге после войны?

К сожалению, точно ответить на этот вопрос невозможно – как пишет Голгофский, «оптика кончается где-то к середине пятидесятих».

Однако связано это не с тем, что Храмлаг пришел в упадок. Причина была прямо обратной: масоны постепенно приближались к завершению своего Magnum Opus, и их оккультное могущество росло. Они стали отчетливо видеть внедренных в свою среду провокаторов и доносчиков. Но масоны не тратили сил на борьбу с ними – агенты переходили на сторону вольных каменщиков сами, как это сделал Мафусаил. Донесения изредка еще поступают на Лубянку, но они малосодержательны и туманны.

Голгофский делает несколько смелых догадок и аппроксимаций, позволяющих соединить разрозненные свидетельства в общую картину:

Сразу в нескольких донесениях отмечается, что к началу пятидесятих годов масоны Храмлага «ушли в полное отрицалово». В этих словах, видимо, и скрыт ключ. Мы говорили, что древние Порталы придавали Богу самые разные формы, обусловленные верованиями и культурой возводившего Храм племени. Но именно здесь таилась ограниченность старых путей. Племенной бог никак не мог быть Богом с большой буквы, единым и универсальным Абсолютом. Он мог быть только его маской.

Масонам Храмлага удалось в конце концов избежать этого тупика,

приблизившись к Абсолюту через апофазу. «Отрицалово», о котором говорят архивы, заключалось в их нежелании придавать Богу определенную форму или описывать его через утверждения. Классическая апофаза оперирует именно отрицаниями: Бог не то, не то и не это. «Полное отрицалово» означает, что храмлаговский портал транслировал Бога не как нечто явленное, чувственное и зримое, а как трансценденцию: абсолютно неосязаемое Присутствие и полностью неизъяснимый Принцип...

Скажем честно, что некоторые построения и выводы Голгофского из этой части книги кажутся нам чрезмерными. Временами он делает шаг в сторону от научного анализа, и весьма широкий шаг. Поэтому раздел его труда, посвященный «Второму Пришествию», отдает недостоверностью: это какая-то смесь восторженного оккультизма и второразрядной фантастики.

К счастью, эта глава невелика — и состоит в основном из предположений; правда, даже самые шаткие из них Голгофский старается опереть на факты. Им было собрано большое количество сообщений о чудесах и необъяснимых происшествиях на Новой Земле рубежа пятидесятих и шестидесятих. Вот некоторые:

В 1958 году к Белюшиной Губе вышел олень с распутившимся на рогах розовым кустом.

В 1959 году над старым медеплавильным заводом два раза выпадал дождь из драгоценных камней (несколько рубинов и изумрудов хранились в архиве МВД, но были украдены в девяностые).

В 1960 году на Новой Земле видели небывалых птиц, похожих по описанию на мифологических китайских фениксов.

Ненцы рассказывали о музыке, которая сама собой звучит среди ночных снегов, об апельсиновых и клубничных полянах, невозможных в этой климатической зоне, о женщинах с далеких звезд, приходящих к ним в сны...

Главная мысль Голгофского такова: именно из-за абстрактного апофатического подхода к Великому Деланию «философский камень», полученный масонами Новой Земли, оказался универсальным. Присутствие и Принцип, проведенные ими в мир после того, как им удалось открыть дверь тайны, не имели четкой пространственной или культурной привязки. Нельзя было сказать, что эффект проявился исключительно на Новой Земле. Воздействие Храма затрагивало всю планету. Мир в те дни испытывал какой-то особый счастливый подъем, полный надежды и

света... Он ощущался всеми, кому выпало жить в то время. Менялось все – даже Советский Союз постепенно переставал быть мрачным Мордором.

В общем, начинались шестидесятые.

С 1960 года лубянские провокаторы уже не могли по своей воле попасть в Храмлаг, – пишет Голгофский. – Он будто исчез. Дорога, которая вела туда прежде, делала петлю в ледяной пустыне – и кончалась среди необитаемых скал. Озеро Горячее тоже куда-то пропало – даже геологи не могли его обнаружить. Но сами масоны никуда не делись – они по-прежнему обменивали добываемые ими шкуры морского зверя на необходимые припасы. Они, однако, избегали контактов с официальными лицами – и общались только с ненцами, которые относились к ним как к сверхъестественным духам...

В МГБ и Политбюро уже догадывались, что речь идет не более и не менее как о Втором Пришествии – тем более непобедимом, что оно не было персонифицировано в конкретной богочеловеческой фигуре, которую можно было бы распять или хотя бы запереть в камере.

Пришествие уже началось: через открытый вольными каменщиками Портал проходили тончайшие вибрации любви и света – и становились семенами нового. Это из них вскоре вырастут хиппи и психоделическая революция, «Битлз», «Пинк Флойд» и проповедь безусловной беспричинной любви... Люди не хотели больше убивать себе подобных и смеялись над теми, кто заставлял их это делать, ссылаясь на свою «идеологию».

Понятно, что Политбюро не могло допустить такого развития событий. Решение по Храмлагу принимали лично Хрущов и Сулов.

В октябре 1961 года на Новую Землю была сброшена специально изготовленная термоядерная бомба мощностью в 50 мегатонн. Она известна как «Царь-бомба»; вся операция была представлена человечеству как ядерные испытания.

Бомбу, однако, не удалось сбросить прямо на Храмлаг. Портал не дал такой возможности, и оба самолета – бомбардировщик и наблюдатель – заблудились. Но мощность взрыва все равно оказалась достаточной, чтобы уничтожить расположенное недалеко от места детонации масонское поселение – и действующий в нем Храм Соломона.

Злая воля человека и в этот раз оказалась сильнее божественной любви. Но светлых вибраций, уже прошедших через Портал, было достаточно, чтобы неузнаваемо изменить нашу Землю и подарить нам

шестидесятые, поколение цветов, новую музыку, искусство – и веру в то, что мы можем жить без мировых войн.

На Google maps и сейчас можно найти выжженную отметину, оставшуюся на поверхности земли от взрыва бомбы. Озеро Горячее испарилось полностью; геотермальные ключи ушли под землю.

«В конце нашего Пути, – передавало донесение 1944 года слова одного из высших масонов Храмлага, – Архитектор Вселенной явится братьям как Изначальный Огонь – и возьмет нас всех в свое лоно...»

* * *

К сожалению, книга Голгофского теряет характер строгого научного исследования еще и в тех местах, где он берется пересказывать недостойные пера ученого слухи.

Да, мы говорим про эту историю с абажуром, которой Голгофский зачем-то посвятил целую главу. Не будем никак оценивать достоверность его рассказа – просто изложим суть.

Так уж получилось, что это тоже связано с судьбой агента Мафусаила. В своем последнем письме в МГБ Мафусаил пишет, что скоро умрет – и окончательное донесение с важнейшей информацией будет прислано им на Большую Землю после смерти. Он просит хранить его послание «как сокровище и святыню, наиважнейшую для вольных каменщиков всего мира». Вероятнее всего, получатели решили, что бедняга повредился в уме, но тем не менее, как увидим, отнеслись к его завещанию серьезно.

После смерти Мафусаила кожа с его спины была содрана – и некоторое время висела на главной аллее Храмлага в качестве очередного номера газеты «Под вой пурги», пока не задубела под ледяным ветром (из этого следует, что в покрывавших ее татуировках действительно был важный для северных братьев смысл). Потом – в строгом соответствии с завещанием самого Мафусаила – зэки сделали из его кожи абажур, надели его на обычную конторскую лампу и отправили на Большую Землю с одной из последних навигаций в конце пятидесятих годов. Лампа, видимо, не вызвала в МГБ большого интереса, и про нее надолго забыли.

Вспомнили про нее только в начале десятих годов двадцать первого века – и вот по какому поводу.

В это время прогрессивные элементы внутри ФСБ стремились наладить связи с мировым масонским руководством, хорошо понимая, как важно это для будущего нашей страны. Вождь либеральных чекистов

генерал Уркинс («Свежий ветер», как прозвали его за бесстрашные лондонские презентации), был назначен курировать это направление и даже принял по согласованию с начальством масонское посвящение.

Именно его и послали на переговоры с высшими масонскими иерархами, которые в это время были настроены к России так хорошо, что согласились встретить Уркинса на открытом собрании по самому торжественному ритуалу. Присутствовать должны были многие мировые дигнитарии.

Собираясь на эту встречу, Уркинс – все-таки человек старой закваски – по советскому обычаю дал распоряжение порыться в спецхранах и архивах, чтобы найти какую-нибудь важную масонскую святыню или реликвию в подарок новым друзьям, справедливо рассудив, что России от этого не убудет. И тогда в одном из секретных хранилищ МГБ была обнаружена давно пылящаяся там «лампа Мафусаила» – по виду вполне обычная конторская лампа конца сороковых годов.

Сама по себе она выглядела крайне невзрачно – по сохранившемуся в акте приемки описанию у нее была эбонитовая подставка и кожаный абажур, покрытый выцветшей и неразборчивой символикой, не имевшей для непосвященных никакого смысла (фотографий или рисунков не сохранилось, и мы не знаем, что именно было изображено на абажуре). Сопроводительная документация разъясняла, что этот предмет и есть главная святыня, оставшаяся от всего российского масонства. Утверждалось, что «лампа Мафусаила», или «абажур», как объект назывался во внутренней документации, может представлять огромную ценность для других масонов.

Дешевый и невзрачный вид лампы показался Уркинсу хорошим тоном – потому что ему меньше всего хотелось выглядеть посланцем зажавшихся нуворишей. Это как бы демонстрировало уважение чекистов к мистической стороне масонства – хотя самому Уркинсу все подобное было, что называется, глубоко до лампы.

Слово Голгофскому:

Точное место встречи неясно; судя по выражению «Большой зал собраний», которое употребляет источник, это один из секретных масонских храмов в Лондоне или окрестностях. Собрание было настолько тайным, что известно очень мало подробностей. Мы знаем лишь, что оно проходило по древнему ритуалу, восходящему ко временам тамплиеров, и Уркинс получал новое посвящение.

Чтобы не профанировать ложу, ему поднимали градус крайне

незначительно, и торжественная пышность происходящего должна была компенсировать возможную обиду русского генерала (подобный подход к славянским послам является давней западной традицией, но в данном случае он был излишней перестраховкой – Уркинс вряд ли даже понял бы, в чем его ущемляют).

Все были в благодушном настроении, и никто не обратил внимания на шелковый мешок, который Уркинс положил рядом с собой на каменные плиты Большого зала собраний в самом начале ритуала.

Все развивалось обычным образом.

Уркинса переодели в длинную рубаху с вырезанным воротом, как у старинных смертников – частью процедуры было символическое «усекновение главы» и последующее «воскрешение». Ему завязали глаза и заставили преклонить колени.

В таком виде он предстал перед высшими иерархами мирового масонства, сидящими в сени развернутой над ними «Королевской Арки» (да, она существует и как физический ритуальный объект тоже). Несколько братьев держали за спиной Уркинса обнаженные мечи, в то время как Восьма Превосходный Мастер, проводивший ритуал, задавал ему вопросы.

Масоны крайне серьезно относятся к своим ритуалам, и этот древний вариант инициации был выбран еще и потому, что при его проведении Уркинсу следовало все время молчать в ответ на задаваемые ему вопросы – подразумевалось, что после символического усекновения главы он временно мертв, и ответом на все вопросы служит тишина. Уркинсу несколько раз объяснили, чтобы он не открывал рта вообще. Все были уверены, что даже при желании он ничего не сможет испортить – до того момента, когда Восьма Превосходный Мастер прогремел:

– Какой дар ты принес нам из Святой Земли?

Ответное молчание означало бы, что испытуемый подносит в дар Высшим свою незаполненность, свою готовность учиться у них и покорно внимать открываемым тайнам. «Дар тишины, настолько глубокой тишины, что на нее указывает лишь молчание...» – таков был правильный ответ.

Но вместо этого Уркинс вдруг снял со своих глаз повязку, улыбаясь, поднялся на ноги, подошел к изумленному главе мирового масонства – и протянул ему вынутую из шелкового мешка лампу. А потом, словно деревенский идиот, приложил палец к улыбающемуся рту: мол, все помню – и молчу, молчу...

Чтобы осознать значение этого поступка, надо понимать, что

символизировала в контексте данного ритуала лампа, передаваемая младшим братом высшим иерархам.

Лампа означала, что, по мнению Уркинса, иерархи утратили Свет и Священный Путь – и младшие, сделавшись новым Светом и Путем, станут отныне старшими, взяв на себя миссию светить оступившимся во тьме, куда увлекли тех грехи. Палец же, приложенный к губам, означал – даже не трудитесь оправдываться и спорить...

Последний раз подобный «подарок», сделанный на собрании тамплиеров великому магистру ордена Гийому де Боже в 1291 году, привел к рыцарской дуэли и нескольким убийствам.

Словом, это была символическая пощечина – и одновременно недвусмысленное публичное объявление о том, что ФСБ, представитель которой только что стоял перед Высшими на коленях, претендует на верховную власть в мировой масонской иерархии. Невозможно было представить (многие не верят до сих пор), что подобное могло произойти случайно.

Глава мирового масонства повел себя с высоким и смиренным достоинством. Благоклонно улыбаясь (что было несложно, так как улыбка была запечатлена на золотой маске Солнца, скрывавшей его лик), он принял дар.

Уркинс вернулся на свое место, опять встал на колени и опустил повязку обратно на глаза. Долгое время он ждал новых вопросов – но ничего не происходило, только тихо играл орган и шелестели шаги вокруг. Потом шаги стихли. Уркинс решил, что затянувшаяся пауза является частью процедуры. Но когда боль в коленях стала невыносимой, он чуть приподнял повязку и выглянул из-под нее...

Большой зал собраний был совершенно пуст.

Все контакты между ФСБ и мировым масонством после этого были полностью прерваны – не осталось вообще никаких каналов связи. Попытки восстановить их не привели ни к чему. Резкое охлаждение отношений между Россией и Западом в начале десятых, а также все последовавшие кризисы в Европе и на Ближнем Востоке были, по мнению Голгофского, прямым результатом этого события.

Уркинс после случившегося был с позором уволен из органов. Его отставка означала полное поражение либеральных чекистов в их противостоянии с силовыми. На Россию опустилась ледяная мгла.

Разумеется, попытки объяснить все нынешние беды России излишним энтузиазмом одного пожилого эфэсбэшника выглядят не слишком-то убедительно. Подобные спекуляции, наверно, призваны сделать книгу более интересной – но, на наш взгляд, именно эти страницы навевают на взыскательного читателя скуку.

Настоящая сила и интеллектуальный блеск Голгофского проявляются в тех пассажах, где он предстает перед нами не как собиратель сплетен, а как историк и лингвист. Это происходит в заключительной части книги.

Дадим слово автору:

История русского масонства не закончилась атомной бомбардировкой. Вольные каменщики Храмлага не исчезли полностью из мира – по той простой причине, что к 1961 году они уже много лет занимали прочные позиции на Большой Земле.

Наверно, после нашего рассказа это утверждение звучит странно. Чтобы объяснить кажущееся противоречие (мы говорили, что последние русские масоны были отправлены в Храмлаг в 1930 году), нам придется вернуться к самому началу нашей истории.

Петербургские и московские масоны, прибывавшие в Храмлаг с начала двадцатых годов прошлого века, не имели шанса покинуть его. А вот уголовники, сделавшиеся «масонами» на Горячей Губе, иногда все-таки попадали в ротацию. Это главным образом происходило, когда из них набирали рабочие бригады на корабли, курсировавшие между Новой Землей и Архангельском.

Ставшие вольными каменщиками зэки попадали в другие лагеря, рассказывали по секрету о своем удивительном опыте – а возможно, и демонстрировали приобретенные в Храмлаге сверхспособности. «Масоны» производили настолько сильное впечатление на уголовный элемент, что сразу же попадали на вершину лагерной иерархии...

Голгофский говорит про сверхспособности – о чем тут речь? Увы, сегодня мы можем лишь гадать. Посланцы Храмлага, возможно, могли видеть будущее. Широко известно ходившее среди блатных пророчество, что Советский Союз кончится, когда генсеки начнут умирать один за другим, а потом на трон «взойдет Меченый». Это предсказание цитируют многие деятели российской культуры, по роду службы соприкасавшиеся с

блатным миром и слышавшие все лично.

На похожее предвидение указывает и последнее донесение из Храмлага, сохранившееся в архиве МГБ. Масоны якобы узнали, что скоро на них сбросят чудовищной силы бомбу – и двадцать два старших брата, носители самого высшего и тайного знания, запечатленного в их «колах», отплыли на остров Моржовый...

На острове Моржовый, однако, никаких следов переселенцев не нашли. Все это были просто слухи.

Но, как мы сказали, в этой главе Голгофский – уже не собиратель слухов, а ученый. Для доказательства своей теории он пользуется научными методами – в первую очередь лингвистической археологией. Он прослеживает генезис множества уголовных терминов и убедительно показывает, что большая их часть возникла именно в Храмлаге.

Голофскому помогают донесения, оставшиеся в архиве ГПУ/НКВД.

Самый первый из сохранившихся доносов (написанный агентом «Гавриилом» и датированный первой половиной двадцатых годов), сообщает об остром конфликте между масонами ново-французского направления и членами ложи «Тайный Закон». «Законников», как их называет агент, было в Храмлаге больше, чем «французов» – просто потому, что значительная часть политического масонства успела выехать за границу сразу после Октября.

Трудно поверить, – пишет Голгофский, – но между этими рафинированными людьми – интеллигентами, дворянами и гуманистами – происходили кровопролитные массовые драки (впрочем, Солженицын и Шаламов утверждают, что в лагере любой человек рано или поздно становится просто лагерником – идентичности под шконкой сохраняются плохо).

Агенты ГПУ объясняют первый конфликт в масонской среде острой неприязнью «законников» к «французам» из-за их «заговора, увлекшего Россию в пропасть».

Как мы уже отмечали, – продолжает Голгофский, – Храмлаг практически не охранялся – поэтому в драки поселенцев никто не вмешивался. Жестоко избитые «французы» были подвергнуты издевательствам и унижениям. Их загоняли под нижние нары в жилых бараках и всячески оскорбляли, называя сначала «шаромыжниками» (от «cher ami»), а потом «петухами» (традиционный галльский символ) – оба

выражения прозрачно намекают на связь политических масонов с Великим Востоком Франции. Прижился именно последний термин.

В дальнейшем «петухи» выполняли в Храмлаге всю грязную позорную работу – и их нещадно били ногами (руки масоны берегли для ритуальных священнодействий). В «петухи» принудительно инициировали (с помощью одного из характерных для масонства сексуальных ритуалов) тех новоприбывших, кого элита Храмлага считала негодными для участия в Великом Делании.

Выражения «вор в законе» и «законник», утверждает Голгофский, указывает на ложу «Тайный Закон», которая впервые одержала верх над «петухами» в суровом северном краю; в постоянном ритуальном воспроизведении этой коллизии можно видеть подобие древнеиндийских религиозных танцев, целью которых было как бы вернуть нас к первым дням творения.

Другой информатор ГПУ по кличке «Узиил» проливает свет на происхождение еще одного лагерного термина.

В начале двадцатых годов в Храмлаг попали арестованные члены англофильской петербургской ложи «Parliamentary Russia» (тоже политические масоны). Масонов-англофилов избивали и унижали с особой жестокостью, потому что те не скрывали своей роли в низложении Николая Второго и связей с британской разведкой. В частности, как сообщает Узиил, их заставляли спать вокруг отхожей бочки (подобной судьбы чудом избежал Набоков-старший, по слухам входивший в ложу – есть сведения, что ГПУ собиралось выкрасть бывшего лидера кадетов для отправки в Храмлаг, но пуля настигла его в Германии несколькими днями раньше).

По мнению Голгофского, отхожую бочку стали называть «парашей» именно по названию этой ложи – «Par (lamentary) Russia».

Выражение «держат уровень» означает строго соответствовать моральным и нравственным требованиям своей степени и градуса; «в уровень с кем-то» – значит иметь тот же или более высокий градус.

«Понятия» – то же самое, что «вехи» или «ландмарки». Это слово в подобном значении (как торжественное существительное от глагола «понять») впервые употребил в подобном контексте Иван Перфильевич Елагин еще в 1774 году.

Слово «посоны» («пацаны») – это искаженное за многие десятилетия слово «масоны», то есть «масоны» с перевранным ударением. И (понятно без объяснений) «братаны» и «брателлы» – это чуть опошленные эпохой масонские братья, те самые, о которых так часто пишет Пушкин:

...свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

На сегодняшнем позднемасонском аргументе эти строки звучали бы так: «Откинешься с хаты – встретят братаны и дадут плетку...» Вот только термина «примет» применительно к свободе сегодняшние урки и либералы поэту могли бы и не простить, увидев в подобной аллюзии беспросветный экзистенциальный пессимизм.

Но мы отвлеклись – вернемся к нашим масонам. Пришельцы из Храма, попадая на Большую Землю, навязывали уголовному миру свои представления, ценности и порядки. Они инициировали в масонство (на том уровне, который был им доступен) самых продвинутых и влиятельных уголовников – и именно из этого семени выросла та русская уголовная культура, которую мы наблюдаем сегодня.

Голгофский приводит много примеров криптомасонского влияния на блатную и общесоветскую языковую парадигму, но в нашем небольшом обзоре мы не сможем, конечно, процитировать их все. Интересно отметить только его разбор стихотворения Е. Евтушенко «Идут белые снеги».

Голгофский утверждает, что эти строки восходят к масонскому шифру – «идет снег» – то есть «среди нас профан». Евтушенко, всегда находившийся под сильным влиянием масонского дискурса, хочет, по мнению Голгофского, сказать своим друзьям-масонам примерно следующее – «вокруг ну такие придурки, такие нереальные дебилы... Типа вообще не понимают, что происходит на самом деле...» Если это действительно так, становится понятнее та преувеличенная экспрессия, с которой Евтушенко обычно исполнял это стихотворение на стадионах.

Дело, однако, не сводится только к сходству масонского аргумента с уголовным. Голгофский приводит целый ряд экстралингвистических параллелей.

Так, «пальцовка», характерная для уголовного сообщества – это трансформировавшийся язык условных жестов, обычный для масонов всех обрядов и ветвей. Сюда же относится и длинный ноготь на мизинце, общий для вольных каменщиков (такой был, например, у Пушкина) – и для уроков. Когда-то даже считалось, что отличить уголовника от масона проще всего, поглядев, грязен этот ноготь или чист.

Молодческий дискурс «петухов и педерасов», с которыми уголовнику не зазорно вступать в интимный контакт, если он проходит по

определенному ритуалу – это экзальтированная и торжественная масонская гомосексуальность, маскирующаяся под лагерную гомофобию. Корни этого феномена тоже берут начало в Храмлаге (вспомним формальную инициацию во «французы»).

И, наконец, уголовные «колы» – все эти «звезды», «черепа», «ножи и змеи» – это выродившаяся масонская тайнопись, до сих пор содержащая, возможно, ответ Великой Тайны.

Подводя итог, Голгофский гениально формулирует: «Блатные базары, колы и распальцовка есть карго-культ масонской криптомемевтики, криптосемиотики и криптосемантики».

Анализируя блатные татуировки и песни, дошедшие до нас из шестидесятых, семидесятых и восьмидесятых, Голгофский отмечает быстрое вырождение пост-храмлаговских каменщиков.

Увы, оторванная от сгоревшего корня ветвь советского масонства, привитая и прижившаяся на материке, оказалась тупиковой – завершить Великую Работу во второй раз «законники» Большой Земли не смогли, и вывезенный из Храмлага символический капитал постепенно девальвировался и выцвел. Соль потеряла свою силу.

Можно ли поверть, глядя на китчеватый особняк какого-нибудь подмосковного вора, что перед нами поздняя вариация на тему Соломонова Храма? Трудно, конечно. Но именно так выплеснулась на берег настоящего волна, забывшая свой смысл и исток – волна, что была когда-то бурей, мечтавшей явить миру Бога... Не так ли и скорбная земля наша: поднялась против несправедливости и мирового зла, покачнулась, приняла в свою грудь миллион ядовитых стрел – и упала, свернувшись дачным поселком на Новой Риге...

Голгофский, как мы видим, не склонен к историческому оптимизму, но все же он дает надежде шанс. Быть может, пишет он, двадцать два брата, отплывшие из Храмлага на остров Моржовый в октябре шестьдесят первого, еще... Нет, не живы – такое трудно себе представить, да и не для этого они оставили свой суровый приют.

Но возможно, что они все еще сидят рядом друг с другом в какой-нибудь ледяной пещере: мертвые куски вечного льда, ждущие своего часа. Перед ними на полу – превратившееся в лед вино и вновь ставший камнем хлеб. Но колы на замерзших спинах все еще хранят секрет Magnum Opus – ту критическую тайную информацию, тот таинственный ключ, которым надо открыть пророчество Иезекииля, чтобы двери Тайны распахнулись

ВНОВЬ...

Когда-нибудь их найдут, прочтут письма на их задубевшей коже – и мир опять почувствует над собой улыбку Бога, ощутит ту же надежду, увидит тот же свет, что озарил его в шестидесятые годы прошлого века.

Но может оказаться и так, что наш мир уже слишком глубоко погрузился в самодовольную грязь. Бог постучит в двери к тем, кто должен его ждать – и никто его не узнает... Он постучит раз, постучит два – никто не выйдет ему навстречу, и он уйдет себе восвояси.

Впрочем, не к лучшему ли это? Как знать, сколько таких некормленных богов уже бродит по этой равнодушной Вселенной.

Труд Голгофского заканчивается мощным crescendo – приведем его целиком:

Я пишу эти строки в Сандунах (где и была создана большая часть моей книги), а напротив сидит целая компания блатных в банных фартуках. Они перетирают что-то за пивом, пальцуя и засвечивая колы. Я гляжу на них, и душа моя исполняется странного томления; вспоминаю «Озимандию» Шелли – и поражаюсь, как быстро испаряется на ветру истории культурный бэкграунд, все еще связывающий нас с Европой...

Да и был ли он вообще? Смотрю на их фартуки, на их цепи, на их уже не понятные им самим татуировки – и думаю о тщете земных путей.

Любое семя, упав в русскую почву, не даст того плода, на который надеется сеятель. Вырастет из него обязательно что-то иное, неожиданное – иногда нелепое и смешное, но часто и великое, завораживающее жуткой, смертельной красотой... А бывает, что то и другое соединятся вдруг в одно невообразимое целое.

Так как же нам оценить судьбу русских масонов, эту страшную метафору заката европейской России? Назвать ли ее чудовищной? Или, наоборот, грозно-прекрасной – как сам ослепительный пятидесятимегагонный триумф их Великой Работы? На этот вопрос каждое сердце должно ответить само.

Но вот что пугает – над миром сгущаются тучи, и Россию, похоже, опять готовят к ее обычной жертве...

Полно, а не слишком ли долго мы работаем мальчиками для жертвоприношений у этих надменных господ? Стоит ли нашей боли выкупаемый ею мир? И если наши хмурые колонны все равно обречены маршировать в Вавилонскую печь, не взять ли нам с собой всех тех, кто так бойко ее разжигает – вместе с их песиками, поварами, яхтами и прочим инстаграмом?

Впрочем, кто же нам разрешит – и кто нас спросит... Ведь не спрашивали ни разу и прежде. Спасибо Господу уж и за то, что в эти тревожные дни фейсбуку обещана наконец кнопка «dislike» – как долго взыскивало ее русское сердце!

Думаешь обо всем этом, ужасаешься безднам, печалишься о несбывшемся, а соседи по бане, защищенные броней своего неведения, хохочут, звенят кружками, стучат золотыми перстнями – и торопятся сказать друг другу что-то очень веселое:

– Масаны! Масаны!

Часть 4. Подвиг Капустина

оперативный этюд

Кабинет (длинный и узкий, с четырьмя большими окнами) производил странное и даже тревожное впечатление – до того пустым, аскетичным и неуютным он выглядел.

Казалось, что это не кабинет, а временно превращенная в него часть коридора, куда специально не заносят хорошую мебель, потому что человеческая жизнь – это совсем ненадолго, и скоро все придется выносить опять. И еще чудилось, что сквозь пустоту дует неощутимый, но очень холодный сквозняк.

Наверное, ощущение незаполненности появлялось оттого, что здесь не было стола для совещаний, обычного для помещений такого размера. На самом же деле комната вовсе не была пуста.

В ней стояли массивный письменный стол (за которым сидел хозяин кабинета генерал Капустин – назовем его так) и большой сейф. От стола к двери вела ковровая дорожка. На приставной тумбе рядом с генеральским креслом помещался большой компьютерный монитор, селектор и три телефона – красный, зеленый и черный. На полу стоял ребристый алюминиевый кейс с пятиразрядным номерным замком.

Единственным украшением кабинета была застекленная ретро-грамота на стене – Дзержинский, щит и меч, склоненные знамена и расплывающийся машинописный текст на белом поле:

Главному Пси-Управлению за отличную службу!

Ю. В. Андропов

Из-за толстой золоченой рамки и размашистой подписи грамота выглядела не идеологическим документом, а аутентичным предметом старинного искусства, почти работой какого-нибудь фламандца. Но уютнее от этого в кабинете не становилось.

В общем, если дизайнер этого светлого, большого, но крайне мрачного помещения хотел напомнить посетителям, что человек на земле лишь путник, а жизнь – это длинный коридор с нарисованными поворотами, кончающийся стенкой, то это ему удалось вполне.

Капустин был одет в гражданский костюм с металлической искрой,

кремовую рубашку и черный галстук с глянцевым отливом (с первого взгляда было ясно, что это не просто черный галстук, а именно тот монохроматический однополярный символ, который вслед за американскими президентами стали носить главврачи санэпидемстанций, директора рынков, районные прокуроры и вообще все те люди, чей мир в практическом смысле тоже вполне однополярен).

В протяженной пустоте перед Капустиным стоял одинокий стул, на котором, словно на эшафоте-бонсай, жался посетитель. Это был сильно располневший молодой человек с миловидным лицом, розовой кожей и совсем белыми волосами. На нем были коротковатые салатные штаны, мокасины на босу ногу и майка с нежно-розовым, в тон лицу, серпом и молотом – нарисованным в таком необычном ракурсе и так кавайно, что никакой советской радиации от символа уже не исходило.

Неодобрительно поглядывая на этот серп и молот, Капустин говорил по черному телефону:

– Пусть готовят борт. Сегодня. Да. Да. Карманников обязательно... Да...

Посетитель деликатно глядел в стену, делая такое лицо, чтобы стало ясно – если он и услышит какие-то секретные слова, то все равно их не поймет, а если и поймет, то сразу забудет.

Капустин наконец положил трубку и уставился на гостя, вспоминая, о чем шел разговор.

– А, – сказал он. – Ну да. Семен, к тебе вопросы. Прошлый раз ты мне феминизм через Маркса объяснял, помнишь? Я за тобой повторил пару раз в хорошем обществе – меня вообще никто не понимает... Смотрят как на идиота и смеются. При чем тут Маркс?

– Товарищ генерал, Маркс тут ни при чем.

– Но я точно помню, ты про Маркса говорил. Про Маркса, пизду и сверхприбыль.

– Не про пизду *per se*, товарищ генерал, а про пиздофашизм. Так радикальный феминизм обозначают сегодня в левом дискурсе. И не про Маркса, а про культурный марксизм. Это тоже совсем другое дело. Франкфуртская школа, критическая теория... Маркузе, Адорно... Хоть идет, если разобраться, тоже от масонов. Через пост-антропософию и университет Гете.

– Маркс, марксизм. Какая разница. А почему именно марксизм?

– Просто игра слов, товарищ генерал. Классический марксизм тут вообще ни при чем. Его на Западе уже свернули в трубочку и поставили в чулан. И в общем понятно, по какой причине.

– По какой?

– Ну посмотрите сами. Один процент держит за яйца девяносто девять. С точки зрения марксизма ситуация предельно ясная. Кто угнетатели, кто угнетенные, и через какой механизм. Кто ж такую картину мира спонсировать будет? Особенно если все рычаги у одного процента?

– Я спонсировать не буду точно, – сказал Капустин. – А при чем здесь сверхприбыль? Она-то каким боком?

– А вот представьте себе университетскую аудиторию. Сидят молодые ребята с умными глазенками. Слушают доклад о сверхприбыли, финансовом капитале и его контроле над планетой. Думают. Прикидывают, где что и кто чей. И тут в аудиторию врываются муслимы в тюбетейках, черные лесбиянки с дредами, культурные воины в балаклавах и кто там у них еще, вся эта новая совесть мира. Понятно, с пиздофашистками во главе. Весь мульти-культи, короче. И начинается гевалт с радужными флагами. И выясняется, что кровососы и угнетатели – это не барыги из Сити или с Уолл-стрита, а обычные мужчины с белой кожей. Потому что у них привилегии.

– Какие? – спросил Капустин, нахмутив брови.

– Первая привилегия – что есть член, а вторая – что он белого цвета. Мало того, что у них привилегии, они еще говорят неправильно, потому что родители у них были реакционные мудаки и с детства учили языку ненависти. И вообще их в тюрьму надо за тестостерон. Понимаете? После этого про тех, кто зеленого печатает, уже как бы и вспоминать неудобно... Неактуальная повестка. Поэтому банки весь этот культурный марксизм потихоньку и спонсируют. Из сверхприбылей, ясное дело.

– А... Вот теперь понял... Сложно ты объясняешь, запутанно. А гаитянские колдуны здесь каким боком?

– Гаитянские колдуны? Это не я говорил, товарищ генерал.

– Не ты? Точно?

– Точно.

– Ну ладно, тогда иди...

Капустин подтянул к себе лист бумаги и стал что-то на нем рисовать ручкой. За молодым человеком с белыми волосами закрылась дверь, и сразу же зазвонил черный телефон. Капустин взял трубку.

– Михайлов? Да, освободился. Заходи.

Дверь приоткрылась – и в кабинет вошел новый посетитель. Капустин, не отрываясь от рисунка, указал ему на пустой стул.

Новый гость был жидковолос и усат. На нем был коричневый костюм настолько дурного покроя, что это походило на сознательно принятую позу

покорности. Однако круглый металлический значок на лацкане пиджака, похожий на маленький пронзительный глаз, намекал, что не все так просто. В руках у него была пухлая черная папка с надписью «НА БРИФИНГ».

– Так, Михайлов, – сказал Капустин, когда гость сел. – Времени мало, давай по всем вопросам кратко. Три минуты на каждый... Сначала вот что скажи – это ты про гаитянских колдунов говорил?

Михайлов кивнул.

– Я.

– Во. Когда?

– Когда доклад был по отделу мозга. Говорили про политкорректность.

– Да-да. Ну-ка напомним, при чем тут колдуны.

– Ну это просто такой пример был из интернета, товарищ генерал. Что, манипулируя произвольными лингвистическими запретами, можно добиться серьезных результатов по зомбической трансформации психики. Почти таких же, как гаитянские колдуны достигают психотропами.

– А какой механизм?

– Это лучше на примере объяснять, – ответил Михайлов. – Вот, например, слово «ниггер». Если вы белый, употреблять его нельзя ни при каких обстоятельствах – последствия будут на всю жизнь. Белого американца достаточно один раз напугать в детстве, и он уже никогда так не скажет. В крайнем случае, чтобы обозначить табу, будет говорить «N-word».

– Ну и?

– Но очень трудно – практически невозможно – заставить мозг полностью исключить термин из внутреннего диалога. Мозг будет, во-первых, жевать это слово, а во-вторых, моделировать будущее, где нарушается запрет на его употребление, потому что такое моделирование и есть одна из главных функций неокортекса. Будущее по любым прикидкам получится неприятное. Поэтому мозг станет сам себя пороть и пугать при любой активации соответствующего нейрокоррелята. Причем происходить это может ниже порога осознанности. Человеку страшно, ощущается какая-то угроза – а почему, непонятно. То же самое будет происходить при встрече с любым негром, даже самым мирным. Поэтому белые полицейские в них и палят все время. Расизм тут ни при чем. Полицейские на самом деле стреляют не в негров, а в свой культурный гироскоп. Просто источник экзистенциальной угрозы проецируется наружу.

– Ой, опять сложно... А зачем наш мозг такие вещи вытворяет? Сам на измену садится?

– Наши предки так выживали, товарищ генерал.

– А почему это помогает выживать?

– Ну вот представьте двух кроманьонцев. Первый все время на измене и трясется от страха – ему кажется, что за углом что-то притаилось и ждет. Может, пещерный медведь, может троглодит-живоглот... А второму ничего не кажется, и он смело туда идет.

– И?

– Второй не оставил потомства. Его троглодиты съели. Оставил только первый – мы от него произошли. Поэтому мы с вами тоже весь день на измене, товарищ генерал. И с утра до вечера думаем – чего там, за углом? То? Или это? Вдруг я не то сделаю? Не то скажу? А в промежутках иногда удастся перепихнуться. Вот это и есть наша жизнь с точки зрения эволюции. Выживание-то продолжается.

– Ты что-то уже говорил похожее недавно, – нахмурился Капустин. – Только про порнуху...

– Так точно. Это когда вы спросили, почему у японцев члены такие маленькие.

– Ну-ка напомним.

– У них не маленькие. У них, с точки зрения пропорций, как раз самые для человека нормальные. Просто у северных народов длиннее, потому что им в верхнем палеолите надо было еще под два слоя меха подсунуть. Те, у кого короткий был, до наших дней не досунули.

– У тебя получается, – сказал Капустин, – что выживает только тот, кто с длинным хуем и на измене.

– В нашем регионе однозначно, товарищ генерал.

Капустин с сомнением покачал головой.

– А что вас удивляет? – спросил референт. – Это Гегель мог про абсолютную идею фантазировать. А у природы своя логика. И свое, если угодно, чувство прекрасного. Вы поглядите на мир, где мы живем. Неужели непонятно, кто в нем сохранится?

– Те, кто на измене?

– Конечно. Они собранней. Алертней. Если человеческий мозг, как унтер-офицерская вдова, сам себя порет, он все время начеку.

– Хочешь сказать, политкорректность дает повод для такой порки?

– Да каждые пять секунд. Сейчас стали исследовать ее действие на мозг методом магнитного резонанса – и там много интересного всплыло. Появляется, например, осциллирующий контур, связывающий лимбическую систему с зонами Брока и Вернике, что нетривиально, поскольку...

– Это я все равно не пойму. Давай про практический аспект.

Понятный.

– Возникает своего рода водораздел между внутренним диалогом и внешней речью. С одновременным разделением отвечающих за это нейронных контуров. Оруэлл в чистом виде, причем на ровном месте. Чем больше запретных тем и слов, тем больше скрытых психических напряжений. А они создают чувство нависшей угрозы.

– Угрозы чего?

Михайлов развел руками.

– Тут уж каждый свой подвал подключает. Но результат один и тот же. Вокруг сплошной Диснейленд, а человек чувствует себя как в тридцать седьмом году в парке Горького. Одно неосторожное слово, и прощай моргидж^[31]. Внешний мир начинает казаться враждебным и опасным, возникает чувство отверженности и одиночества – и чем больше запретных слов и обходных контуров в речевой зоне, тем глубже отчуждение и недоверие к окружающим. Конечный результат – депрессия, раздвоенность, шизофрения, биполярный психоз. Выплески неконтролируемой агрессии, в том числе стрельба по незнакомым людям.

– Ага, – задумчиво сказал Капустин. – Значит, массовые убийства вызваны разгулом политкорректности?

– Ну не совсем. Так нельзя вопрос ставить. Не только. Говоря метафорически, все это по большому счету обратная сторона американской улыбки. Побочный эффект.

– Объясни.

– Американская улыбка возникает при команде мышцам лица от префронтальной коры, то есть она по генезису рациональная. Но изображает эмоцию – и создает обратную связь по эмоции, которой на самом деле нет. Это и ведет к появлению раздвоенности. А уж вместе с политкорректностью возникает серьезная нагрузка на психику. Только представьте – у человека постоянно под ложечкой сосет, антидепрессанты много лет не помогают, а она лучится счастьем. Проецирует, так сказать, образ успеха. Каково такие рожи строить по двадцать часов в сутки? Вот многие и не выдерживают.

– А наша русская улыбка?

– Исключительно от лимбической системы, товарищ генерал. Там, где эмоции. Даже мышцы разные работают.

– В пропаганде можем использовать?

– Да вряд ли. Кто у нас сейчас улыбается-то.

– Это верно, – вздохнул Капустин. – Американцы эти вопросы поднимают, насчет мозга и политкорректности? Исследуют?

– Так точно. ЦРУ занимается, бюджет около сорока миллионов. Пытаются понять, откуда эта напасть на них свалилась. Работают на трех томографах, на базе Стэнфорда, где у них зомби-лаборатория. Думаете, откуда мы такие детали знаем? Но тема секретная, в открытой печати сведений нет.

– Сильно от них отстаем?

– Совсем немного, товарищ генерал. Лет на пять-десять. Но уверенно нагоняем. Вот мат уже запретили...

– Я не про это. Я про исследования.

– А. Тут отстаем, конечно. Томографы нужны хорошие. Хотя некоторые говорят, что надо сразу на диффузионную оптику выходить. Системы «ди-оу-ти», как у вас в самолете. Магнитный резонанс – вчерашний день.

– Понятно... А как эта политкорректность в такую силу вошла? Кто за этим стоит? Масоны? Центральное плановое агентство?

– Про центральное плановое агентство мы вообще ничего не знаем. Только знаем, что оно есть. Мутная тема, товарищ генерал.

– Ладно, тогда потом как-нибудь. А то у меня вылет. Что у нас еще? Ты в прошлый раз говорил, что-то новое по кобальту?

Михайлов кивнул.

– Две идеи в ротации. Во-первых, «Спрут-семь»...

– «Статус-семь».

– Да, извините, оговорился. Там уязвимое место – лодка-носитель. Ее в гавани, скорей всего, потопят, торпеду даже не успеем загрузить. В общем, есть идея вообще убрать лодку и сделать систему автономной. Такие, знаете, подводные дроны. Морской аналог шахтного базирования. Понятно, в наших водах, на Севере. Развертывание простое – опускаем на дно готовый контейнер. Всплывать ему вообще не надо, но поднять в случае чего тоже проблем нет. Все автономное, на микрореакторах. Маршруты дронов прописаны заранее, как у крылатых ракет, на оба побережья... Где мелко, идут над самым дном, огибая рельеф. Перед детонацией боеголовка делает кавитационный разгон и выпрыгивает из воды – никто не остановит. В общем, подводный «Тополь». Это по-любому лучше, чем на орбиту вешать. Там все видно, а здесь так спрячем, что никто не найдет. И пусть они свою противоракетную оборону хоть три раза разворачивают...

– Не моя область, – махнул Капустин рукой. – Какая вторая идея?

– Вторая еще интересней. Можно полностью решить вопрос с аравийской нефтянкой.

– Да? Это как же?

– У них там глубина залегания со ста метров – совсем близко. Или бурим дырку и закладываем изделие, или просто делаем направленный взрыв – и нефтеносный пласт становится радиоактивным. Видимо, надо будет в нескольких точках отработать. Чтобы на весь пласт. Но в целом осуществимо.

– А раньше такую возможность не рассматривали?

– Раньше предлагали саму пустыню бомбить, товарищ генерал. Чтобы нефть можно было качать только в скафандрах. А сейчас все наоборот – снаружи заражения не будет, а нефть уже не качнешь, потому что выхлоп от нее...

– Это понятно. А какой от этого выхлоп будет в смысле пиара, думали?

– Как подадим. Кобальт – это надолго, но не навсегда. Распадается со временем. Фактически сохраняем ресурсы для будущих поколений. Оливковая ветвь детям будущего... Спасти национальное достояние от выродившегося безумного режима...

– Угу, – задумчиво протянул Капустин, – это можно покрутить. Иранцам, наверно, интересно будет. Какой, говоришь, период полураспада?

– Пять и три десятых года, товарищ генерал.

– Значит, через пять лет уже все чистое?

– Нет, что вы. Это же только полураспад. Мы обычно берем срок летального заражения в десять циклов. Примерно пятьдесят лет. А полная дезактивация – это раза в три дольше.

– Пятьдесят лет... Что у нас прогнозисты дают по Америке?

– Там много всего. Главное – по демографии кирдык. Одни мексиканцы останутся. Демократии и политики в сегодняшнем смысле, скорей всего, не сохранится – кандидаты будут соревноваться, кто быстрее буррито сожрет. Ну и Антихриста ждем, конечно... Скоро уже по всем признакам.

– Эх, – вздохнул Капустин, – видишь, как оно... С мексиканцами-то договоримся. И с Антихристом язык найдем. Нам бы только ночь простоять да день продержаться. А тут разные мудаки под руку толкают. И советы, главное, дают. Каждая кухарка. А такой машиной о-го-го как осторожно управлять надо! Попробуй этим, – он кивнул в сторону окон, – объяснить, какой мир сегодня сложный... Заладили – «хитрый план, хитрый план». А план-то есть. Только он долгий.

– Понимаю, товарищ генерал, – учтиво склонил голову референт.

– Ладно. Что-то еще?

– Было сообщение от группы Карманникова. По хранителям.

– Что?

– Засекли сигма-всплеск. Они опять все переписывают.

– Что это значит?

– Вселенную опять переформатировали.

– Кто?

– Опять не знаем, товарищ генерал. Скорей всего, сверхцивилизация. Карманников вообще сомневается, что мы это когда-нибудь выясним. Он говорит, прошлый эон всегда будет в слепом пятне.

– Я его увижу сегодня. Но он так непонятно объясняет, что я только в твоём пересказе понимаю. И то не всегда...

Капустин опустил голову и замер. Его лицо напряглось, словно его догнала какая-то неприятная мысль. Он молчал очень долго.

– Могу идти, товарищ генерал? – спросил референт.

Капустин протянул Михайлову лист бумаги, на котором он перед этим что-то рисовал.

– Вот, – сказал он. – Проанализируй для меня эти символы. Что это такое и что они могут значить. Только без зауми. Три минуты на каждый.

– Так. Ромб. Треугольник в круге... А откуда это?

– Вот я и хочу понять – откуда?

Михайлов еще раз оглядел рисунок, кивнул – и спрятал в папку.

– Теперь иди, – сказал Капустин. – Нет, постой. Вопрос. Ты не знаешь, что это за психическое расстройство, когда человек не узнает собственные вещи?

Референт удивленно поднял глаза.

– Не знаю, товарищ генерал.

– Выясни тогда...

Когда дверь за Михайловым затворилась, Капустин подошел к сейфу, открыл его и вынул оттуда белый пластиковый пакет.

Вернувшись за стол, он сел в кресло, достал из пакета большую старомодную камеру-поляроид, поднял ее на ладони и уставился на нее, как Гамлет на череп.

Эта был обычный фотоаппарат из тех, что выдают сразу готовую карточку. К нему скотчем был приклеен похожий на конверт мешочек из толстой ткани. Материал напоминал муар – но его игра казалась странно самостоятельной и живой, словно ткань освещали какие-то невидимые качающиеся лампы.

Капустин вынул из муарового конверта две поляроидные карточки с размытым и нечетким изображением – и некоторое время изучал их. Потом он перевернул одну.

На обороте была надпись карандашом:

Капустину от Капустина-root. Перерыть архивы. Искать пленку с самолетом Можайского. У нас и в Лондоне. Первый полет. Подлинная киносъемка девятнадцатого века.

Бросив фотографию на стол, Капустин поднял черную трубку и нажал кнопку на селекторе.

– Да, товарищ генерал, – раздался искаженный связью голос.

– Михайлов? Что там у Голгофского?

– Работает в архивах. Все по-прежнему.

– Пленку нашел?

– Пока еще нет.

– Держи меня в курсе.

– Так точно.

Как только Михайлов отключился, на приставной тумбе зазвонил зеленый телефон.

Капустин снял трубку.

– Да. Да... Как на сегодня? Забыл. Ну ладно, запускай...

Спрятав фотографии в переливающийся конверт, Капустин убрал камеру в ящик стола, глубоко вздохнул и пригладил волосы ладонью.

Через минуту дверь в кабинет приоткрылась.

– Можно, товарищ генерал?

– Можно.

В кабинет вошел молодой человек с необычной прической: высоким коком, выбритыми до белизны висками – и длинной поповской бородой приятного медного оттенка. Борода была такая объемистая, что вполне заменяла галстук, полностью закрывая место, где тому полагалось болтаться. На молодом человеке были мешковатые штаны из крупного желтого вельвета, паркетные дизайнерские берцы и малиновый клетчатый пиджак неаполитанского покроя, словно разъясняющий городу и миру, как далеко мы ушли от девяностых – так далеко, что малиновый пиджак возможен снова (отрицание отрицания, сказал бы Гегель).

Капустин с улыбкой кивнул гостю на стул, где только что сидел Михайлов.

– Садись, Кримпай Сергеевич, садись. С самого утра жду...

– Я уже не Кримпай, товарищ генерал, – сообщил молодой человек, садясь. – Я теперь Крым. Поменял имя.

– Замечательный выбор, – сказал Капустин. – В высшей степени патриотичный. Переосмыслил ценности? Поклонился всему, что сжигал?

– Да не то чтобы так уж... Я на «Крим» хотел, меня так с детства все

зовут. Но в ЗАГСе предупредили, что понять могут неправильно. Что это «Крым» на украинской мове. Люди, мол, заинтересуются, чего ты такой певучий. Подумают, что против воссоединения протестуешь. Может, ты вообще по ночам опоры ЛЭП валишь, кто тебя знает... Вот я и решил – не давать повод.

– Правильно решил, Крым Сергеевич, правильно. Повод никому давать не надо... Ты же не лошадь.

Улыбка вдруг исчезла с лица Капустина, и он шлепнул ладонью по столу.

– Так какого крымского пирога ты его мне даешь? А?

Крым побледнел от неожиданности.

– Вам? В каком смысле?

Капустин открыл ящик стола и вынул из него желтый файл с пухлой распечаткой внутри.

– «Золотой жук, – прочел он. – Гомоэротический роман». Твой опус?

С Крымом сделалось что-то странное. Сначала он отрицательно помотал головой – и так энергично, что в вырезе его рубашки блеснул большой серебряный крест, скрытый до этого бородой. Потом его лицо за несколько секунд из бледного сделалось красным, почти в тон бороде – и он еле заметно кивнул.

– Откуда он у вас, товарищ генерал? – спросил он.

– Из твоего компьютера. Откуда еще. Интернет на что?

– Не может быть, товарищ генерал. Я этот роман на стареньком «маке» писал. Он к интернету вообще не подключен. Это Сирил стучит, наверно... Я знаю, что он тоже к вам ходит.

– Зачем Сирил, – хохотнул Капустин. – А блютус на что? Мышь-то у тебя блютусная. А рядом на столе айфон лежит и айпэд, потому что ты у нас хипстер. И везде блютус.

– У меня в блютусе настройки, что никакого шэринга. А там такой протокол, что...

– Насчет протокола, Крым Сергеевич, будь спокоен. Это наша забота. Какой составим, такой подпишешь...

И Капустин тихонько засмеялся.

– Ну ладно, – сказал он, насладившись смущением собеседника. – Шутки шутками, но чего ты там про меня пишешь? Про мое какое-то золото? Тебе кто сказал вообще, что оно мое? Кто конкретно? Ты в суде это доказать сможешь?

– Нет, товарищ генерал, – тихонько ответил Крым.

– Тогда убери мою фамилию, понял? Напиши, если хочешь,

«Капустин». Это мой псевдоним. Я так представляюсь иногда.

– Понял, товарищ генерал.

– И схему убери, по которой работал. А то все растрепал зачем-то. Напиши так – схему раскрыть не могу, потому что она еще в ходу. А про меня можешь даже гадость какую написать, чтобы лишнего не подумали.

– Понял.

– И про золотых жуков тема раскрыта неправильно. Жук тебе ничего диктовать не может, сюда их голоса не доходят. Но пока ты *там*, загрузить они могут капитально, такое есть... Я тебе совет дам, как опытный человек – окажешься *там*, в беседы без крайней необходимости не вступай. У тебя подготовки требуемой нет. Важных секретов ты, допустим, не выдашь, потому что не знаешь. Но напугать могут на всю жизнь. Поэтому проси, что тебе надо, и сразу делай ноги... Понял?

– А вы откуда такие вещи знаете?

– Да уж знаю. По службе. Но это так, к слову. Про жуков можешь оставить как есть, все равно никто не поймет. А по остальным пунктам почисти, я серьезно. Лишних подробностей много.

Крым побледнел.

– Вы поэтому Сера арестовали? Из-за моего романа?

– Нет, – сказал Капустин. – Не из-за твоего романа. А потому что он закон нарушал... И еще есть подозрение, что работал на вражескую разведку.

– Не может быть, – выдохнул Крым.

Капустин устало махнул рукой.

– Может. Ты в это лучше не лезь. А фильтровать в наше время надо все – что говоришь, что пишешь, и что думаешь.

– Я ведь печатать не собирался, товарищ генерал.

– А почему нет. Исправишь, и печатай себе. Тема актуальная, литературный талант у тебя есть. Малюсенький, камерный, но имеется...

– Спасибо, – потупился Крым.

Капустин откинулся на спинку кресла и изобразил на лице высокую задумчивость, сразу сделавшись похожим на редактора.

– Но только... Вот как простой читатель тебе скажу – во-первых, действия мало в твоём опусе, одна болтовня. А чего в твоей писанине слишком много, так это мрака. Трагического такого надрыва на ровном месте, экзистенциализма... Умняка тухлого, как у нас в училище говорили. Жизнь-то, она совсем не такая, как ты думаешь. Проще она. И лучше. Видно, что юноша писал, который ничего еще толком в ней не понял. Люди вокруг делом занимаются, новую реальность куют, а он

горюет и печалится ни о чем... Потому что не понимает, как мир устроен.

– Угу.

– Постскрипtum этот я тоже выкинул бы. Путаный и длинный, а нового ничего.

– Угу.

– А вот чего мне как читателю не хватает – это нескольких слов о детстве. Как герой вырос, что его сформировало... И еще, да. Ты там про наркотики пишешь – статью шесть-тринадцать кодекса об административных правонарушениях читал? Чтобы никаких названий. И никакой пропаганды, все упоминания только в негативном контексте. Понял? Так что давай, редактируй... Через месяц опять скачаю и посмотрю. Ты, кстати, не думай блютус отключать, или на внешний диск перекидывать, где у тебя твои елки-палки под паролем. Не поможет.

– Понял, товарищ генерал, – сказал Крым, снова покраснев.

– Гей-литература нам нужна. Чтоб не ввали, что прижимаем. Поэтому я думаю так – лучше ее с самого начала под контроль взять. Слишком ответственное дело, чтобы доверять пидарасам... Да шучу, шучу, не обижайся. Но направление реально ответственное. С гей-тематикой правильно работать надо. Деликатно.

– В каком смысле?

– У тебя полкниги – постельные сцены, где пидарасы в сраку ебутся. Ты это все убери немедленно. Я два раза прочитал, и оба раза едва не проблевался.

– Что, вообще всю гей-эотику убрать?

– Конечно всю. А ты как думал. Чтобы никакой пропаганды гомосексуализма, понял?

– Книга же в два раза меньше будет.

– И в два раза лучше. Будет не роман а гей-повесть.

– И о чем тогда писать в этой повести? Чтобы была именно гей-повесть?

– Разве тем мало? Вот можно старушку-процентщицу отпидарасить. И Картель этот заодно тоже. Столько людей из-за них на бабки попало.

– Старушка-процентщица – женщина, товарищ генерал. Я даже про ее менструации упоминаю. Какая же это гей-тематика?

– Подключи фантазию. И я тоже подумаю.

– Ладно, – вздохнул Крым.

– Еще либералов желателъно наклонить. А то обнаглели совсем, забыли, кто их кормит. Надо, значит, напомнить. Тут можешь себе полную волю дать.

– Угу.

– Нормально перепишешь, оформим по высшему разряду. Сначала обосрем в «Комсомолке», потом дадим пару премий, обольем зеленкой и отправим в Лондон. Эта, на независимый фестиваль врагов России. Оттуда все время заявки на пидарасов приходят, а нам послать некого, все тихарятся. Международным человеком станешь...

– Да ну вас, – махнул рукой Крым.

– А че. Из тебя со временем нормальный такой гей-прозаик получится. Будешь себе жить в Швейцарии и интервью давать.

– Думаете, справлюсь?

– А почему нет. Только над формой больше работай. И над содержанием тоже.

– А про деревья оставить можно?

– Про деревья можно. И еще совет тебе дам. Стилистический. В твоём опусе слово «вата» часто встречается.

Крым кивнул.

– Ты это, небо Европы хотел? Так я тебе объясню, как проехать. Для начала надо в мозгу организовать несколько карательных контуров.

– То есть?

– Когда слово «вата» на язык лезет, сразу представляй своего районного сантехника в ватнике. Как он тебя с размаху бьет разводным ключом по яйцам. А потом – как тебя увольняют с работы. Из всех твоих журналов, консалтингов и дайджестингов. Потому что ты его чувства задел, пока он тебя по яйцам бил. Понял? Причем увольняют не по команде сверху, а потому что у каждого начальника само по себе очко включилось. Это называется «сетевое общество с горизонтальными связями». И будет тебе Европа и Америка в одном флаконе. Прямо в голове. Ты, главное, чаще это представляй. Чтобы даже ночью снилось. И все тогда правильно сформулируешь.

Крым как-то очень неловко поежился – словно бы ощутив дуящий в кабинете сквозняк.

– И потом, – продолжал Капустин, – что у тебя за антисемитский душок везде такой гаденький? Почему Аарон? Зачем эта маца постоянно в меню? Ты давай от этого тоже отмывайся по-быстрому, если на международный уровень хочешь. Сейчас время совсем другое. Знаешь, как Черчилль говорил? В Англии нет антисемитизма, потому что англо-саксы намного подлее евреев. Вот и нам меняться надо в этом направлении, понял? История никого ждать не будет.

Крым совсем сник – как прибитый бурей росток.

– Ладно, – смилостивился Капустин. – Я не пороть тебя вызвал. Пусть этим твой Сирил занимается. Ты вот что скажи – какие у золота перспективы?

– Вам про fundamentals? Или про прогнозы?

– Про цены, – сказал Капустин терпеливо. – Какие они будут. Вот недавно яма была. Тысяча сорок. А сейчас почему-то вверх идет. Вон уже сколько за унцию дают – голова кружится. Но Голдман Сакс опять говорит, что через год будет тысяча. Как это понимать?

– Понимать можно двояко, товарищ генерал.

– Что значит двояко?

– В зависимости от вашего мироощущения. Я теперь клиентам оба подхода излагаю, чтобы каждый сам решал, как он видеть хочет.

– Ну излагай.

– Значит, первый подход цивилизованный. Голдман рассчитывает, что экономика стабилизируется, ФРС будет поднимать учетную ставку, и суммарный rate hike^[32] уронит золото примерно на указанное количество пунктов.

– Понятно. А второй?

– Второй подход ватный. Картель через своего конферансье делает объяву, какую цену назначат через год. Чтобы люди зря не беспокоились. Потому что дальше все равно не пустят.

Капустин задумчиво почесал подбородок.

– Правда, – добавил Крым, – с этими прогнозами всегда есть еще третий вариант – что хозяину просто пятки чешут.

– Это как?

– Помните, американцы «Дойче банк» за жопу взяли? Те сразу и объявили, что справедливая цена на золото должна быть восемьсот пятьдесят. Во всех бизнес-медиа на первой полосе было. Иногда по два раза. Но не помогло.

– Картель, говоришь, как угодно может цену гнуть?

– Теоретически да.

– Так почему золото столько времени дешеVELO, а сейчас опять дорожает? Причем с такой скоростью?

– Потому что его ETF'ы покупают.

– А почему раньше не покупали, а теперь начали? Что случилось-то? Почему, блять, Сорос из акций в золото переползает? И Карл Икан тоже?

– Тут... Видите, какое дело, товарищ генерал. Если цивилизованно подходить, то рынок решил, что по золоту пройдено дно, и теперь будет новая фаза роста. Bull market, так сказать. А если подходить ватно... Акции

у пиндосов уже давно перегреты раза так в два, и все про это знают. Так что Сорос как раз вовремя подсуетился. А по золоту... Раньше инвестор боялся, что те, кто опускает золото, опустят его еще ниже. А сейчас инвестор начинает понемногу опасаться, что те, кто его опускает, сами опустятся вместе со своей зеленой мацо... простите, капустой в такую глобальную жопу, что им уже не до манипуляций будет. Еще ходят слухи, до больших ребят дошло наконец, что Китай все по дешевке скупит. И Панама, конечно, помогла. Люди теперь на клеточном уровне усвоили, что бумажное богатство – это то, что им временно разрешает иметь ЦРУ. А физическое золото после двух переплавок уже не отследить. Я же говорю – много возможных объяснений...

Капустин встал из-за стола, обошел стул с Крымом и склонился над его ухом.

– А какое правильное? – выдохнул он нежно.

– Это, товарищ генерал, вопрос не экономический. Это каждый для себя сам решить должен, лично в своем сердце.

– Почему?

– Потому что это ближе к вере. Вы ведь за меня не можете в Господа уверовать? Ну вот и я вам ничем тут помочь не смогу.

– Вот ты как заговорил, – вздохнул Капустин, выпрямился и вернулся за свой стол.

– Ну а потому что иначе ответственность, – сказал Крым. – Понимаете, у обычного человека есть чувство жопы. Одно. А у современного инвестора их несколько, потому что жопа может прийти сразу со многих сторон. Эти чувства разнонаправленные по вектору, и побеждает то одно, то другое. Связь между ними нелинейная, и моделирование затруднено.

– А сколько их всего?

– Общее число в принципе не ограничено. При этом колебания рынка определяются их полной векторной суммой. Интегралом, так сказать, по всем участникам. Это как многомерное пространство. Вы даже собственный вектор смоделировать не можете – все зависит от того, что вам ночью приснится, какие медиа вы с утра проглядите и что брякнет ваш консультант. В такой ситуации на математические модели полагаться нельзя. Предположения и долгосрочные прогнозы делать очень рискованно. Независимо от fundamentals... Но если вы настаиваете...

– Настаиваю, – сказал Капустин.

– Думаю, отобьем вашу инвестицию. Я понимаю, что не вашу, и вы вообще ни при чем, но отобьем все равно... И пять тысяч еще увидим за унцию, есть такое мнение. И десять. Только в это время со всех сторон уже

стрелять будут.

– Хорошо, – сказал Капустин. – Иди. Будут вопросы, позову.

Крым встал, слегка поклонился и пошел к двери.

– Стой, – сказал вдруг Капустин, – а что это у тебя в кармане оттопыривается?

Крым остановился, ощупал себя – и с недоумением вынул из пиджачного кармана большую матрешку – из тех, что продают на Арбате. Она была расписана под Обаму: его превратили в пожилую негритянку в смешном крапчатом платке.

– Вы подсунули? – спросил Крым растерянно. – Когда успели?

Капустин довольно засмеялся.

– Это тебе от меня подарок. На память об уходящей эпохе. Внутри тоже всякие смешные. И, главное, разного диаметра. Подберешь себе точно по размеру. Хоть не Джанет Йеллен, но близко. Дерево, между прочим, отличное – русская береза. Как раз то, что тебе нужно. Раз уж имя такое взял ответственное, надо теперь строить эмоциональный мост с Родиной...

Крым стойчески улыбнулся.

– Я правда тебе говорю, расправь каркас, – продолжал Капустин отеческим тоном. – Тебе судьба уникальный шанс дала, а ты все проебал. Так ведь не вылечишься никогда.

– Я иногда вас совсем не понимаю, товарищ генерал, – пролепетал Крым. – Почему вы такие вещи говорите?

– Хорошо, – сказал Капустин, – сейчас объясню. Как ты думаешь, кто тебе эту пилюлю передал через дилера?

– Как кто... Сер. Вернее, его курат... Вы? Это вы? Но зачем вам это надо было?

– Ну а ты попробуй посмотреть на ситуацию моими глазами. Вот мне, значит, докладывают – так и так, товарищ генерал, ваш этот... э-э-э... который по коммодитиз, он самоубиться хочет. Ищет способ, обратился к нам. Я твоего романа не читал тогда, потому что ты его еще не написал. Думаю, что с парнем-то? Вроде все отлично у него, торгует, старается... Молодой, толковый... Жить бы и жить. Чего это он? А потом меня как тюкнуло – наверно это он из-за своей половой ориентации. Не может больше этой гадостью заниматься, а отказаться сил тоже нет. Надо, думаю, ему помочь, пока не потеряли специалиста. Поменять каркас во внешнем режиме. Хотя мы такого обычно не делаем.

– Так это я вас в темноте видел? С волосами еще такими, как у растамана?

– Может, меня. А может, и нет. Ответ неопределенный.

– А как вы вообще такое выдумали? Как вам в голову пришло насчет деревьев?

– Да не выдумывал я ничего. Просто, понимаешь, я окончания эти иногда путаю. Которые «-альность» и «-ализм». Вместо «ментальность» говорил «ментализм», пока Михайлов не отучил. Вот и здесь тот же случай.

– А вторую пилюлю зачем оставили?

– Да чтоб ты мог назад откатиться, если по-новому жить не сможешь. Как оно и вышло. Но у тебя ведь почти получилось, парень. И получится, если захочешь. Теперь у тебя опыт есть. А когда есть опыт, откатиться назад можно даже без допинга. Мы это называем «расправиться».

– Как?

– А ты матрешку эту на стол поставь и поразмысли. Может, поймешь. Но только в своей гей-повести про это не пиши. Строго между нами. Понял?

– Понял, товарищ генерал. Можно идти?

Капустин кивнул, и Крым пошел к двери.

– Пстой, – сказал Капустин, когда тот уже положил ладонь на ручку.

Крым обернулся.

– Ну-ка отвечай не думая – Крым наш?

Крым пожал плечами.

– А чего думать, товарищ генерал. У меня базаров нет. А с остальными – как договоритесь.

– Понятная твоя позиция, – вздохнул Капустин. – Ты не обижайся, но я тебе честно скажу. Есть в вас, хипстерах, что-то такое гниловатое...

И Капустин пошевелил пальцами в воздухе, словно расправляя резиновую перчатку.

– Отстали от жизни, товарищ генерал, – ответил Крым. – Hipster is dead.

– Да? Ну ладно. Тогда иди.

Дверь за Крымом закрылась.

– Товарищ генерал, товарищ генерал, – пробормотал Капустин. – Тамбовский гей тебе товарищ...

Он поднял трубку черного телефона.

– Михайлов? Как ты думаешь, два пидараса за одно утро – к чему это? Ха-ха-ха, да нет, не про тебя... Про этого Кримпая... Как кто первый – Семен... Он у меня как раз перед тобой был. Слушай, насчет Семена зафиксируй – мы с ним работать больше не будем. Его гнать надо ссаными тряпками – он ватой пророс насквозь, красный стал как рак. Натуральный Павка Корчагин. Как что-нибудь за ним повторю, на меня интеллигентные

люди коситься начинают. Мы куда хотим – в Северную Корею? Во... Нужны люди с панорамным европейским виденьем, которые нюхают где надо, а не у нас в уютге. Так что давай ищи нового консультанта по его темам. А? Можно, но необязательно – ориентация, как видишь, не гарантирует. Главное, чтобы с кругозором был, молодой и бессовестный. И полиберальнее, полиберальнее... Да... Кримпай пока нормально, сука та еще. Кстати, вот – свяжись с лингвистическим отделом, пусть они подумают, какой у нас должен быть политкорректный термин вместо слова «вата»... Не знаю, пусть они и предложат. По смыслу надо что-нибудь типа «небенефициар». Но только чтобы звучало нормально, никаких там «беня-наебенил». Уважительно, без подъебок... А то действительно не очень понятно, как вот это вот называть... Вернусь – обсудим.

Когда он положил трубку, зазвонил другой телефон, красный. Капустин нажал кнопку селектора, переключившись на громкую связь.

– Да?

– Машина у подъезда, товарищ генерал.

– Я понимаю, что у подъезда, а не на крыше, – ответил Капустин ворчливо. – Сейчас, собраться надо...

Сборы оказались совсем недолгими. Достав из стола камеру-поляроид с приклеенным муаровым конвертом, Капустин положил все это в ребристый алюминиевый кейс, стоявший возле тумбы стола.

– I'll be back, – сказал он Дзержинскому на стене и вышел из кабинета.

В лифте он вынул из кейса маленькую бутылочку «Black Label» – вроде тех, что дают в самолетах – и высосал ее прямо из горлышка.

Служебный «Ленд Крузер» с тонированными стеклами тронулся, как только Капустин сел на заднее сиденье. Шофер не поздоровался и даже не попытался поймать его взгляд в зеркале – видимо, имел строгие инструкции не отвлекать начальство от важных мыслей. Капустин закрыл глаза – и не то уснул, не то ушел в раздумья.

Дорога была длинной. Сперва машина мчалась по шоссе. Потом свернула на боковую дорогу и поехала медленнее.

Капустин не открывал глаз, только чуть морщился на лежащих постовых. Несколько раз водитель тормозил и переговаривался с какими-то людьми, подходившими к окошку. После каждой такой остановки машина еще немного сбавляла скорость – и наконец встала совсем.

– Прибыли, товарищ генерал.

Капустин открыл глаза.

Машина стояла на военном аэродроме. В отдалении были видны несколько пятнистых истребителей, а прямо впереди, совсем близко,

высилась серая громада транспортника с широким диском антенны над фюзеляжем. Дверь в борту была открыта, от нее спускалась легкая алюминиевая лестница. На бетоне рядом стояли двое – зеленый человек с автоматом и пожилой мужчина в просторном летном комбинезоне, украдкой куривший электронную сигарету.

Капустин вышел из машины и, помахивая ребристым кейсом, направился к самолету. Когда он приблизился, человек в комбинезоне убрал свою никотиновую палочку в карман.

– Что ты как маленький, Карманников, – сказал Капустин, пожимая ему руку. – Бросай это дело. Так ведь и будешь всю жизнь мучиться.

– Какое дело? – спросил Карманников.

– Вот то, о каком сейчас подумал, – ответил Капустин. – Его и бросай... Чего бороду-то сбрил?

– Жена сказала, нелепо выгляжу.

– Больше им верь, – сказал Капустин. – Ну да твое дело. Михайлов говорил, у тебя что-то новое по хранителям?

– Как в прошлый раз, – ответил Карманников. – Такой же всплеск. Кто-то что-то серьезно поменял во Вселенной.

– Что именно, опять никогда не узнаем?

Карманников развел руками и улыбнулся.

– Вы ведь их сегодня сами увидите, – сказал он. – Чего не спросите?

– Я лишних вопросов *там* не задаю, – ответил Капустин. – Я об одном думаю – поднимусь в этот раз или нет. Поверь на слово, не все так просто... Кто с нами летит?

– Только Пугачев.

– Вдвоем-то справитесь?

– Да я один справлюсь.

Капустин пошел по трапу вверх. Карманников – следом.

Отсек самолета, где они оказались, напоминал научную лабораторию – много свободного места, мягкий ковролин на полу, рейчатые стойки, мигающие электронные ящики, несколько вращающихся кресел – и плоские мониторы вдоль стен.

Перед одним из мониторов сидел молодой человек в таком же, как на Карманникове, летном комбинезоне. На экране мерцал карточный пасьянс, а выше на стене висела приклеенная скотчем репродукция картины: сидящий по-японски Дзержинский в либерально расстегнутой косоворотке, с обнаженной катаной на коленях. Лезвие катаны багрово сверкало в лучах заката; глаза Дзержинского были закрыты. Над его головой горел красно-желтый нимб из закругленных слов:

У чекиста должна быть холодная голова, чистые руки и горячее сердце.

– Здравствуй, Пугачев, – сказал Капустин.

Пугачев коснулся клавиши, и пасьянс на экране исчез, сменившись многоцветной географической картой.

– Здравия желаю, товарищ генерал. У нас все готово.

– Сколько на подлет?

– Около трех часов. Может, побольше – жду последнюю метеосводку. Летим на Новую Землю.

Капустин нахмурился.

– А какого моржового нам опять туда лететь-то? Что, недостаточно на семь тысяч подняться? От земли уже не фонит.

– Так вы же хотите надежный контакт, – ответил Пугачев. – Если с масонским эгрегором, то это Новая Земля. Лучшая точка доступа.

– Прошлый раз отсюда нормально сделали.

– Три разрыва было. Вы же первый ругаетесь. А на Новой Земле устойчивая связь. Главное из конуса не выходить.

– Когда же мы с этими гребаными каменщиками нормальные контакты восстановим, – вздохнул Карманников.

– Да как только они абажур простят, – сказал Пугачев.

– Да, – согласился Капустин, – с абажуром мы крепко лоханулись... Было бы смешно, когда бы не было так грустно. Ну ладно, три часа в самый раз. Как раз времени хватит, чтоб все нормально зашло.

– А можно вопрос, товарищ генерал? Теоретический?

– Ну давай, Пугачев.

– Вот вы когда погружаетесь, где путешествуете на самом деле? В своем подсознании? Или... не знаю как сказать... во всеобщей информационной матрице?

Капустин улыбнулся.

– Не знаешь, как сказать – молчи. Между первым и вторым никакой разницы нет. Как говорил товарищ Дзержинский, глубокое море неосмысленного одно и то же для всех, и в нем все тайны мира. Человеческого мира, я имею в виду.

– Может, меня с собой возьмете, товарищ генерал? – спросил Пугачев.

– Может, возьму когда-нибудь. А пока рано тебе.

– Почему? Сколько раз уже с вами летал.

Капустин поднял глаза на офицера.

– Знаешь, Антон, – сказал он мягко, – это ведь только кажется, что я

сюда без подготовки езжу. А на самом деле я перед каждым вылетом по три часа провожу с консультантами. Все самое последнее, чего достигла человеческая мысль, впитываю, стараюсь понять и усвоить. Хотя иногда это нелегко. Потому что *там*, – он кивнул куда-то вбок и влево, – никогда не знаешь, что именно от тебя потребуется. И надо быть во всеоружии. Информация, которую мы добываем, бесценная. Наверху без нашего прогноза ни одного решения не принимают. Поэтому я тебе и говорю – не готов ты еще. Не-го-тов.

– А как подготовиться?

– Тренируйся. Все начинается с трех побед, – Капустин кивнул на картину с Дзержинским. – Делай медитацию на холодное, горячее и чистое.

– Я делаю, – сказал Пугачев, – каждый день. Сажусь в лотос в мокрой майке, она на груди за пять минут высыхает. Потом на голову кладу кубик льда – не тает уже минут десять.

– Мало. Продолжай... Дойдешь до пятнадцати минут – делай кубик и майку одновременно, причем майку не отжимай. Чтоб реально мокрая была. Главная проблема там с руками будет... Еще что-то спросить хочешь?

– А как вы с масонским эгрегором в контакт входите?

– Есть у меня один трюк. Но сейчас рассказывать времени нет. В другой раз. Команда на взлет, а я пошел готовиться.

– Есть на взлет, товарищ генерал!

В дальней стене отсека-лаборатории была неприметная дверь между двумя электронными стойками. Капустин открыл ее своим ключом. За дверью было темно; чуть пахло благовониями. Капустин шагнул в проем и закрыл дверь за собой.

Несколько секунд он неподвижно стоял в темноте. Потом на ощупь достал из кейса маленькую бутылочку «Black Label», открутил пробку и выпил виски из горлышка. И только после этого повернул выключатель на стене.

Он стоял в небольшом помещении, похожем на спальню – главную ее часть занимала кровать под покрывалом в детских зайках и свинках. Рядом помещались небольшой столик и кресло с ремнем безопасности. В дальней стене видна была приоткрытая зеркальная дверь в туалет и душ. На полу лежал тот же мягкий ковролин, что и в лаборатории.

Но на этом сходство с мирной спальней кончалось.

Слева от кровати на стене висел странный и мрачный объект искусства – большие конторские счета с костяшками в виде черепов. Одна их боковая планка была сломана и подклеена – и легко было представить, как в

незапамятные времена этот ритуальный предмет отдирали от стены ацтекского святилища обогранные кровью руки завоевателей...

Справа, поднимаясь по закругленному потолку, над кроватью нависал большой черный аппарат медицинского или военного назначения, немного напоминающий негра-атланта: у аппарата было два выступа вроде рук, а между ними размещалось углубление, похожее на лицо с глазами-шишечками и открытым круглым ртом.

Крохотный сувенирный магнит в виде маски Дарта Вейдера прижимал к панели аппарата записку на желтом листке:

1) смотреть кассету на начало

2)!!! везде новые батарейки

Рядом на стене висело что-то похожее на плетку-многохвостку – или растаманский парик со множеством дредов.

Капустин нажал несколько кнопок на панели, и на черном теле атланта загорелись успокаивающие зеленые огоньки.

– Взлетаем, товарищ генерал, – раздался голос из интеркома, – пристегнитесь.

Капустин сел в кресло, но пристегиваться не стал.

Как только самолет оторвался от полосы, он вынул из кейса камеру-поляроид, отцепил от нее муаровый мешочек и зарядил ее свежей кассетой. Камера зажужжала и выплюнула бумажную заглушку на пол.

Капустин вставил фотоаппарат в углубление на теле машины-атланта, аккуратно зажал его крепежными рейками и подсоединил к нему черный проводок. Затем он достал из кейса старенький кассетный диктофон – и, перемотав пленку, прицепил к панели прямо под камерой.

– Вот так, – прошептал он. – И никаких цифровых копий... Кстати, да...

Он нажал кнопку интеркома.

– Пугачев? Пока не забыл. Напомни Михайлову, чтобы на «Амазоне» кассет купил для поляроида. Он знает. И побольше, а то их уже с производства сняли. Скоро на ибее матчасть искать будем.

– Так точно, – ответил интерком.

– Все тогда, – сказал Капустин. – Я ложусь. На монитор ничего не выводить. Подтверди, что понял.

– Понял вас, товарищ генерал – на монитор не выводим. Мы и не собирались. Счастливого погружения.

– Сколько тебе раз повторять, – буркнул Капустин, – не говори так,

сглазишь. Больше меня не беспокоить.

– Есть, товарищ генерал. Извините.

Капустин достал из кейса коробочку из белого полиэтилена. Открыв ее, он вытряхнул на ладонь три разноцветные таблетки со штамповкой (солнышко, доллар и полумесяц), тонкий серый кристалл, похожий на обломок карандашного грифеля, две маленькие продолговатые пилюльки в зеленой оболочке – и большую серую капсулу, половинки которой были склеены чем-то вроде ободка из прозрачной клейкой ленты.

Скривив лицо в гримасе отвращения, Капустин отправил все это в рот – и запил еще одной дюймовочкой «Black Label». Потом он принялся раздеваться. Оставшись в просторных черных боксерах, он аккуратно повесил костюм и рубашку на кресло, снял со стены странный парик, натянул его на голову, приладил – и посмотрел в зеркало.

Оттуда на генерала глянуло почти существо из фильма «Хищник»: от его головы отходили черные кабели, похожие на дреды, и их было так много, что они образовывали пышную растафарическую копну. Мелькнувшие в зеркале счеты с черепами и вообще превратили самолетный отсек в какой-то мексиканский храм из фильма ужасов.

Капустин удовлетворенно хмыкнул, откинул одеяло, лег на спину и некоторое время устраивался на подушке, расправляя черные кабели так, чтобы они удобно огибали голову. Наконец он успокоился, повернул лицо к потолку, закрыл глаза и замер. Через несколько минут он уже спал, еле слышно похрапывая.

Прошел час, два, три, четыре – Капустин лежал в прежней позе и тихонько сопел во сне. Казалось, не происходит ничего вообще. Где-то далеко внизу под крылом плыла Новая Земля, а он все спал... Его рот иногда чуть шевелился, но не издавал никаких звуков. Каждый раз при этом укрепленный на черной панели диктофон включался на несколько секунд – и проматывал немного пленки.

Так продолжалось довольно долго. А потом вдруг зажужжала камера-полярOID – и на пол из нее вывалилась фотография.

* * *

На самом деле генерал Капустин вовсе не спал.

Он решительно и быстро спускался в темноту. Ему представлялось, что он скользит вниз по узкой спирали в чем-то вроде пижамы из черного шелка, которая трется о вечную ночь – и серебристо шелестит.

– Так, – бормотал Капустин (то ли в невидимый микрофон, то ли просто стараясь приободрить себя), – огоньки кончились... Жутята тоже... Почти на дне. Ну же...

Внезапно движение прекратилось, словно он действительно достиг дна.

– Есть, – прошептал Капустин.

Вокруг загорелся рассеянный золотой свет, и прямо перед Капустиным возник черный силуэт – его собственная тень. Источник света был за спиной. Оборачиваться Капустин не стал. Вместо этого он приподнял руки, словно показывая, что в них ничего нет, и сказал:

– Приветствую хранителей. Запрашиваю коррекцию личного вербального каркаса.

Тут же из темноты пришел ответ – не совсем в словах, но с ясным и несомненным смыслом:

«Причина?»

– Алкоголизм, – бойко ответил Капустин. – Нехарактерная привязанность к шотландскому виски. Вероятный источник – случайная девиация при одной из прошлых коррекций. Готов изменить структуру кода сам, знаю параметры точно.

Темнота за его спиной выразила удовлетворение от встречи с таким сосредоточенным существом, точно знающим, чего именно оно хочет. Доступ будет предоставлен незамедлительно, сообщила темнота.

Капустин зажмурился, сосчитал до десяти и открыл глаза.

В пространстве перед ним возникла голограмма, похожая на светящуюся модель молекулы. Капустин сделал руками несколько размашистых движений, словно разворачивая ее и придвигая к себе.

Мимо полетели мерцающие разноцветные пятна. Каждое из них сверкало смыслом – но Капустин отворачивался от них, не давая себе отвлечься, пока вокруг не замелькали кривые строчки искаженных, полных ошибок – но все-таки понятных русских слов, соединенных живыми нитками тире. Их Капустин тоже некоторое время крутил и раскидывал, пока перед ним не оказалась такая последовательность:

– ЗОЛОТО – Кримпай – шотландский ВИСКИ – Мастер спорта по бадминтону – ФокуСник люБитель –

Схватив что-то невидимое, Капустин скрючил пальцы и потянул руки друг к другу. Сходились они медленно, словно ему приходилось

преодолевать сильное сопротивление среды. Но зато надпись впереди стала искривляться, как бы вгибаясь внутрь себя, и вдруг несколько ее кусков схлопнулись. Теперь вместо слов «шотландский ВИСКИ – Мастер спорта по бадминтону» осталось только:

– *шотландский Мастер* –

Новые стыки были совершенно незаметны. Капустин прошептал:
– Каркасы совпадают там, где сходятся судьбы... Через это все люди соединены друг с другом в книге жизни. Раз уж начали...
Он опять задвигал перед собой скрюченными пальцами, словно разминая пластилин, и постепенно фрагмент «– ЗОЛОТО – Кримпай —» превратился в:

– *ЗОЛОТО Крыма* –

– Вот так хорошо. Главное, правда, – прошептал Капустин, отпустил строчку и дунул на нее.

Весь сложный каркас из русских слов поехал назад и исчез. Вокруг опять замелькали разноцветные смысловые пятна – и снова соединились в похожую на молекулу конструкцию.

– Процедура закончена, – сказал Капустин. – Благодарю хранителей за доверие.

«До новых встреч», – отозвалась темнота за спиной.

Капустин легонько оттолкнулся от невидимого дна, и золотое свечение поплыло вниз. Скоро черный силуэт собственной тени исчез.

– Так, – прошептал Капустин, – теперь жутят пройти...

Он зажмурился и стал медленно считать про себя: «Раз-два-три...» Добравшись до ста пятидесяти, он открыл глаза – и удовлетворенно шепнул в невидимый микрофон:

– Все чисто, одни огоньки. В следующий раз можно до ста.

Вокруг, насколько хватало зрения, действительно мерцали разноцветные огни – словно Капустин плыл в глубине ночного моря, полного таинственной светящейся жизни.

– Начинаю сближение с масонским эгрегором. Маневр...

Он косо раскинул руки в стороны.

Несколько секунд не менялось ничего. А потом впереди возник огонек

чуть больше и ярче прочих. Он приближался и увеличивался – и скоро превратился в туманность, похожую на пятно измороси. Постепенно это пятно сделалось прозрачным, и сквозь него, как через протертую на зимнем окне дырочку, стала различима ясная панорама.

Внизу была вода, отражавшая лунный свет. Вверху – ночное небо. Далеко впереди высился обелиск на кубическом постаменте, а по бокам замерли два глядящих на него черных сфинкса.

– Вхожу в эгрегор...

Капустин с тихим хлопком пробил невидимую преграду, покачнулся в порыве налетевшего ветра и полетел над водой к обелиску.

Чем ближе становилась гранитная игла, тем отчетливее делалось окружающее: за сфинксами появились освещенные электричеством деревья, еще дальше – мрачный дом с огромными часами в прямоугольном выступе. А потом сфинкс оказался с одной стороны, обелиск с другой – и Капустин, сгруппировавшись, спрыгнул на набережную между ними.

– Лондон духа, – сказал он в воротник, оглядываясь по сторонам. – Высадка завершена.

Он посмотрел вниз. На его ногах были черные туфли. Выше – коричневые носки, над ними голые икры. А еще выше – наполовину скрытый смокингом синий фартук с вышитыми наугольником и циркулем. У фартука, правда, оказалась серебристая меховая оторочка, выглядевшая более чем странно. Капустин, наморщившись, провел над ней рукой. Когда он убрал ладонь, меха уже не было.

Капустин шагнул вперед.

Вернее, попытался. Стоило ему оторвать ногу от земли, как его тело воздушным шариком взлетело на несколько метров вверх, зависло между деревьями – и плавно опустилось. Капустин шагнул еще раз, уже осторожнее, и опять описал в воздухе дугу, на этот раз поменьше. Следующий шаг наконец получился человеческим.

– Трех таблеток много, – сказал Капустин в невидимый микрофон. – Не больше двух.

Фартук опять оброс мехом, теперь коричневого цвета – и на нем появились три аккуратные меховые розетки, одна из которых заслонила наугольник. Капустин провел рукой перед глазами, и мех исчез.

Это было сделано очень своевременно. Рядом мягко мигнули фары, и перед Капустиным остановилась большая машина – двухцветный старый «Роллс-Ройс».

Окошко водителя опустилось, и появившийся за ним человек в фуражке поднял руку, показав Капустину букву «V» из указательного и

среднего пальцев.

– Рога, – почти не шевеля губами, прошептал Капустин, – отвечаю асимметрично...

Он продемонстрировал водителю кулак с оттопыренными вверх указательным пальцем и мизинцем.

Тогда водитель соединил указательный палец в кольцо с большим, а три остальных пальца поднял вверх.

– Тройная шестерка, – выдохнул Капустин. – Даю две...

Он точно так же сложил пальцы на обеих руках, поднес ладони к лицу и поглядел на шофера через получившиеся живые очки.

Этого оказалось достаточно – шофер вылез из машины, открыл заднюю дверь и замер в вежливом полупоклоне. Ступая очень осторожно, Капустин подошел к машине и залез на заднее сиденье. Шофер закрыл за ним дверь и сел на свое место. Задняя часть салона была отделена стеклянной перегородкой, и Капустин даже не услышал хлопка двери.

Время шло, но шофер не предпринимал никаких действий – машина стояла на месте. Капустин поднес к стеклу палец, чтобы постучать, но вдруг передумал.

Он наклонился к окну и внимательно в него поглядел. Там все было по-прежнему: набережная, два сфинкса, обелиск над Темзой.

Тогда он передвинулся к другому окну.

За ним, однако, не оказалось ни дороги, ни мрачного дома с часами в верхнем этаже. Вместо этого Капустину открылся совсем другой вид, неожиданный и странный.

Это был ночной парк с большим загородным домом, похожим на сказочный замок – вроде тех, где живут принцессы из мультфильмов. В доме было всего три этажа, но таких высоких, что подсвеченное прожекторами здание выглядело огромным. Венчавшие крышу конические башни с развевающимися флажками совершенно точно не служили никакой хозяйственной необходимости, но показывали упоительное всевластие денег над материей.

По парку гуляли люди, вверх летели огни фейерверка – шел какой-то прием или праздник. И хоть все это никак не могло находиться на набережной Темзы, Капустин открыл дверь «Роллс-Ройса» и легко, как призрак, выскользнул в сверкающую разноцветными вспышками ночь.

Навстречу ему по широкой аллее шли люди в таких же фартуках, как на нем. Большинство было и в брюках тоже, а некоторые вдобавок в чопорных смокингах, но попадались и молодые весельчаки в распахнутых на груди рубашках, с торчащими из-под фартуков голыми ногами.

Где-то неподалеку играла музыка – что-то старое, струнное и куртуазное, каждой нотой повествующее о том, каким замысловатым и прихотливым цветком распускается половой инстинкт при освобождении человека от необходимости производственного труда. Народу было много; в толпе гуляющих сновали ливрейные лакеи, разнося шампанское в узких длинных бокалах.

Капустин подхватил пузырящийся бокал, отхлебнул из него и направился к дому. Через несколько шагов он поймал на себе чей-то удивленный взгляд, посмотрел вниз и увидел, что его фартук опять оброс мехом, причем сразу двумя сортами. Капустин тихо выругался и провел перед глазами рукой.

Мех исчез. Но одновременно прямо по курсу появилась огражденная канатами площадка.

Это было что-то вроде мелкого бассейна с жидкой грязью, превращенного в круглый ринг. Вокруг стояли зрители в фартуках, а в грязи боролись две пожилые голые женщины, обе совершенно седые – одна высокая и худая как жердь, а другая низенькая и корпулентная.

Наблюдатели подбадривали их криками; женщины наотмашь били друг друга по лицам, заламывали друг дружке руки, кусались, с визгом рушились в грязь и тут же вскакивали на ноги, переругивались с отчаянно жестикулирующим рефери, но в каждом их движении чувствовалась фальшь – ясно было, что это хореографическая постановка, а не поединок. Зрителей было не особо много: гуляющие останавливались на пару минут, снисходительно усмехались и брели дальше в теплую ночную праздность.

Капустин поймал на себе очередной недоумевающий взгляд и отвлекся, чтобы убрать выросшую на фартуке шерсть. Управившись, он поднял глаза – и вздрогнул.

Высокая худая женщина превратилась в мужчину с длинной рыжеватой бородой и выбритыми висками. В лунном свете он походил на безумного гневного Одина – его глаза были выпучены и состояли из одних бездонных зрачков. Вторая женщина изменилась тоже – она стала низеньким молодым толстяком с очень белой кожей, в седом парике до шеи и с голубыми тенями на веках.

Переменился и сам их танец: безумный Один сделал своему партнеру подножку, ловко повалил его на колени – и пронзил сзади словно бы сверкающей золотой пикой.

Капустин выпучил глаза, потом провел перед ними ладонью, и наваждение пропало: на ринге по-прежнему плескались в грязи две боевитые старушки.

– Worshipful sir...

Капустин повернулся на голос.

Перед ним стоял старый батлер во фраке. По его холеным седым бакенбардам и непроницаемому лицу чувствовалось, что это вышколенный потомственный слуга – и в своем особом роде самый настоящий аристократ.

– Please follow me. Someone is waiting for you... [\[33\]](#)

Батлер с полупоклоном повернулся и пошел сквозь толпу. Капустин направился следом.

Батлер выглядел чуть отчетливее, чем остальные гуляющие – его словно бы окружал тончайший, не толще волоса, светящийся ободок.

– Первый четкий, – прошептал Капустин в воротник. – Кажется, контакт... Черт, плющит-то как. Целого грифеля тоже много, надо две трети...

Батлер повернул в аллею, где не было гуляющих. Электрического света здесь почти не осталось – и сделалось заметно, какая яркая на небе луна.

Вдоль дорожки стояли полускрытые деревьями статуи античных воинов. В них было что-то очень грубое и настоящее: казалось, они дожидаются, когда веселье уляжется, чтобы слезть с лунных постаментов и пойти допивать оставшееся после чужого пиршества вино.

Аллея привела к одному из боковых входов в трехэтажный замок. Над дверью горела одинокая лампа, освещающая мраморный барельеф – два мускулистых рогатых героя с кудрявыми бородами, почти титанические в своей напряженной экспрессии, держали щит с треугольником, из которого во все стороны били мраморные лучи.

– Оп, – прошептал Капустин. – Вот оно.

Он поднял руки, замысловато сложил пальцы перед лицом – и словно бы нажал на кнопку невидимой камеры, издав ртом тихое жужжание.

– Sir? – повернулся батлер от двери.

– Иду-иду... I'm coming right after you...

Капустин вошел в дом и стал спускаться вслед за батлером по узкой и странно аскетической для такого места лестнице. Стены здесь были из простого кирпича, даже не покрытого штукатуркой.

Спустившись, они пошли по голому кирпичному коридору со множеством дверей. На стенах между ними висели гравюры с видами виноградников.

– Винный погреб, – прошептал Капустин.

Батлер открыл дверь и вошел в большую круглую комнату.

Она тоже выглядела аскетично и строго. В углу, правда, стояла бронзовая статуя Диониса – но из-за кирпичных стен и резкого потолочного света она казалась ржавой.

Центральную часть комнаты занимал большой круглый стол, окруженный множеством стульев: так мог бы выглядеть ядерный бункер короля Артура.

На столе стояла лампа с темным от времени абажуром, покрытым плохо различимыми значками. Она не горела.

– Please make yourself comfortable, worshipful sir^[34], – сказал батлер и вдруг перешел на русский. – Сейчас к вам выйдут.

Капустин порылся в кармане, вынул оттуда килограммовый золотой слиток со штампом «Массандра 999,9», повернул его так, чтобы девятки стали шестерками, и протянул батлеру.

– Thank you, my good man. You’ve been most helpful...^[35]

Батлер подхватил брусок с таким видом, словно подобные чаевые были здесь обычным делом, но не вышел из комнаты, а так и остался стоять у дверей. Мало того, он посмотрел Капустину на ноги и чуть приподнял бровь.

Капустин испуганно глянул на свой фартук – и увидел, что тот опять оброс мехом. Чертыхаясь, он стал приводить себя в порядок, водя над фартуком скрюченной ладонью. Закончив, он почувствовал, что в комнате что-то изменилось – и медленно поднял глаза.

С другой стороны стола на него глядело Солнце.

У Солнца было круглое древнее лицо с расходящимися во все стороны волнистыми лучами. Оно казалось сделанным из раскаленного золота. Его рот победно улыбался, а глаза были красиво очерченными черными дырами. С первого взгляда было ясно, что эти дыры видели все на свете и удивить их чем-то новым очень и очень трудно.

Солнце чуть заметно кивнуло Капустину, словно успокаивая – и лишь тогда Капустин понял, что перед ним сидит человек в золотой маске, отражающей свет потолочной лампы. Когда и как он вошел, было непонятно. Может быть, он вообще не входил, а, например, тихонько выскользнул из-за статуи Диониса, вылез из-под стола или вообще сгустился из воздуха, пока Капустин занимался своим фартуком.

– Солнце, – неслышно прошептал Капустин в свой микрофон, – наивысший градус...

– Здравствуйте, мой друг, – сказала Солнце на чистейшем русском языке. – Что привело вас в мой скромный приют?

– Здравствуйте, – отозвался Капустин. – Поверьте, огромная честь быть принятым в этих стенах... Как правильно к вам обращаться? Генеральный Секретарь? Великий Инспектор? Рыцарь-Командор?

– Не нужно формальностей, – ответило Солнце, – они мешают откровенной беседе. Зовите меня «брат Солнце».

– Хорошо, брат Солнце, – сказал Капустин. – А я тогда брат Федор.

– Теодор, – поправило Солнце. – Шотландский мастер не может быть Федором. Итак, Теодор, я вас слушаю...

Капустин кивнул.

– Я хотел бы передать высшему руководству... ну то есть вам, брат Солнце, что мы очень тяжело переживаем возникшее между нами отчуждение. Мы хотели бы восстановить контакты. Мы приносим извинения за инцидент – поверьте, мы уже поняли, какую допустили ошибку. Но наши намерения были самыми добрыми. Сердечными, так сказать. Просто неловко получилось. Ну взгляните на вещи широко – подумаешь, не так поднесли, что же теперь делать...

– Вы про эту историю с абажуром? – спросило Солнце. – Так и знал, что о нем пойдет речь. Вы хоть видели его сами, Теодор?

– Нет, – ответил Капустин. – Это шло по другой линии. Поверьте, я вообще никакого касательства...

– Я верю, – сказала Солнце. – Вернее, знаю. Я просто думал, что вам будет интересно на него взглянуть... Вот он.

Капустин покосился на лампу даже с каким-то испугом.

– Ах, так это тот самый...

– Рассмотрите его внимательно, – сказала Солнце. – На нем довольно интересный орнамент.

Капустин с некоторой опаской придвинул лампу к себе.

Коричневая кожа, из которой был сделан абажур, выглядела очень старой. Ее покрывало множество мелких и крупных рисунков, налегающих друг на друга – они были очень разного качества.

– Что тут, – сказал Капустин. – Ну, наугольники и циркули – это понятно. Похоже на татуировки... да и сшито грубо... А вот тут по-русски почему-то написано: «подвой пурги». Какой подвой? Это когда растения прививают, да?

Солнце тихонько засмеялось в ответ.

– Как они додумались такое в подарок, – бормотал Капустин, поворачивая лампу. – Словно пьяный зэк рисовал. А это что?

С другой стороны абажура рисунков было меньше – большой лоскут кожи был оставлен пустым, и в самом центре этой пустоты увесисто

темнели четыре кривые древнееврейские буквы, почти не различимые на коричневом фоне. Пустота с четырехбуквенником была окружена изображениями человеческих ладоней.

– Что это? – повторил Капустин.

– Слово «хуцпа» на иврите, – ответило Солнце. – Четырехбуквенное написание. Есть еще вариант из пяти букв. После «Хэт» может стоять «Вау».

– Я, признаться, не владею...

– Сейчас объясню, – сказала Солнце. – Слово «хуцпа» – в любом из двух написаний – означает беспредельную наглость, но также мужество, решимость, отвагу. Конечно, сперва мы поняли его в первом смысле, потому что подарить нам символическую лампу было с вашей стороны именно беспредельной наглостью...

– Мы это уже поняли, – кивнул Капустин.

– Мы даже решили, что вы, собственно, изложили таким образом свою программу на ближайшее будущее, – продолжало Солнце, – тем более что дальнейшие ваши действия полностью это подтвердили... Но гораздо важнее, увы, другое.

– Что? – встрепнулся Капустин.

– Вы передали нам лампу с древнееврейским начертанием во время формального ритуала, в ответ на вопрос о дарах из Святой Земли. То есть вы привели в движение символические энергии «Алеф-Бет». За подобный символизм, Теодор, надо отвечать.

Капустин несколько раз моргнул, словно пытаясь переварить услышанное.

– О каких энергиях вы говорите? – спросил он. – Это ведь просто абажур.

Солнце тихо засмеялось.

– Разве вы не слышали про искусство «хохмат-га-церуф»?

– Нет, – ответил Капустин.

– Строители Храма впервые познакомились с ним во времена тамплиеров. Точнее, в тринадцатом веке, когда в орден был принят Авраам Абулафия, великий мастер «Алеф-Бет» и других божественных алфавитов. Он открыл нам, что в глубинной основе мира лежат слова и буквы множества разных языков. Комбинируя их – как говорил сам Абулафия, развязывая и связывая заново – можно влиять на реальность и даже радикально менять ее. Неужели вы про это не знаете?

Капустин пристыженно опустил глаза.

– Ничего страшного, – сказала Солнце. – Так даже лучше. Я лично

продемонстрирую вам это искусство, восемь веков сохраняемое высшими мастерами наших лож. Вы ведь знакомы со скрытым смыслом древнееврейских букв?

– Я не иудей, – ответил Капустин.

– Я тоже, – ответило Солнце. – Но я хорошо знаю тайны «Алеф-Бет» и могу их толковать. Скажите, как по-вашему, почему слово «хуцпа» на этом пергаменте написано именно в четыре буквы? Распространенное написание, да. Но почему работавший над абажуром неизвестный мастер выбрал именно его?

– Почему? – тревожно спросил Капустин.

– Дело в том, что традиционное имя Бога есть тетраграмматон. То есть четырехбуквенник. Обычно его записывают так...

В руке Солнца появился странный предмет – серебряная палочка, кончающаяся крохотной человеческой рукой с вытянутым вперед указательным пальцем. Солнце провело этой палочкой по столу, и на нем загорелись буквы:

יהוה

– «Йод – Хе – Вау – Хе», – нараспев произнесло Солнце. – Читаем, разумеется, справа налево. Этим буквам соответствует смысл «Я есмь то, что Я есмь». Но так же можно перевести и как «Я стану тем, чем пожелаю стать». Запомните, это весьма важно. А сейчас посмотрите сюда...

Солнце опять провело над столом серебряным указателем, и под первым словом загорелось другое – то же самое, что было на абажуре. Теперь оно сделалось отчетливым и ясным:

יהוה

– «Хэт – Цади – Пэ – Хэ», – произнесло Солнце. – Читаем опять справа налево. «Хуцпа» в четырехбуквенном написании – тоже тетраграмматон, и в этом смысле является одним из множества божественных имен... Здесь, впрочем, мы вступаем на зыбкую почву – некоторые с этим не согласятся, поскольку, по их мнению, лишь один тетраграмматон может быть божественным именем. Но Абулафия тайно учил, что не только четырехбуквенники «Алеф-Бет», но и все возможные комбинации любых существующих знаков суть разные имена Адонаи, отражающие его бесчисленные аспекты. Подобная точка зрения весьма далека от ортодоксальной. Но в любом случае несомненно, что слово

«хуцпа» в этом написании можно считать эхом базового тетраграмматона – хотя бы потому, что оно тоже кончается на «Хэ»... Вот эта буковка с дырочкой, видите?

– Угу, – сказал Капустин.

– Случайностей в мире не бывает. Подобная возвышенная, если угодно, рифма заставила нас отнестись к вашему подарку серьезно. Выход был только один – глубоко проанализировать суть вашего послания с точки зрения энергий «Алеф-Бет» и принять получающийся смысл в качестве указания по разрешению ситуации. Вы меня понимаете?

На лице Капустина отразилось некоторое умственное напряжение, но он кивнул.

– Итак, рассмотрим слово «хуцпа» буква за буквой.

Солнце взмахнуло своей серебряной палочкой, и на столе зажглась большая буква:

п

– «Хэт», – сказала Солнце. – В старой традиции буква связывается с браком, встречей мужчины и женщины, в которой участвует Адонаи. Эта буква традиционно считается соединением символизирующей мужское начало буквы «Вау», вот она:

у

...и обозначающей женский принцип буквы «Зáин», выглядящей так:

з

– Зайка моя, – задумчиво и нежно пробормотал Капустин.

– А?

– Да вот, ушки развесила... Девчушка совсем... Он ей сейчас такого в уши нагонит... А потом своего кривого и заправит.

– Теодор, соберитесь, – сказала Солнце недовольно. – Я объясняю сложные и важные вещи, а вы дремлете...

Капустин потряс головой из стороны в сторону – и, видимо, пришел в себя.

– Извините, – сказал он, – уводит...

– Так вот, – продолжало Солнце, – как вы уже догадались, в наше время буква «Хэт» может состоять не только из «Вау» и «Заин», но также

из двух «Заин» или двух «Вау». Адонаи, хочешь не хочешь, приходится соединять их своим мостом, потому что прогресс неостановим. Многие ортодоксальные каббалисты не согласны, но с ними, как вы понимаете, плотно работают.

– Понимаю, – прикрыл веки Капустин, – как не понять.

– Такое сейчас везде, даже у буддистов. Раньше символическое совокупление изображал так называемый «яб-юм» – будда Самантабхадра с женским консортом. А теперь дополнительно есть Самантабхадра «яб-яб» и Самантабхадри «юм-юм». У китайских даосов – во всяком случае, на Тайване и в Гонконге – тоже появились инь-инь и ян-ян. Современная буква «Хэт» точно так же обозначает любой интимный союз вообще – в самом широком смысле. Возможно даже рассматривать верхнюю перекладину как третью «Вау» или «Заин» со всеми вытекающими последствиями. Вы готовы это принять, брат Теодор?

Теплая и чуть влажная ладонь Солнца вдруг легла на руку генерала. Некоторое время Капустин тяжело думал, а потом, видимо, решился и кивнул.

– Все остальное будет уже проще, – сказала Солнце, убирая руку. – Итак, первую букву – «Хэт» – мы разобрали. Пропущу пока две средние буквы – «Цади» и «Пэ» – и перейду сразу к последней. Давайте я нарисую ее для вас отдельно...

Солнце махнуло серебряной палочкой, и перед Капустиным загорелась буква:

п

– Это «Хэ»... Сразу скажу вам нечто такое, что может вас огорошить. Если рассматривать слово «хуцпа» исключительно как трансформацию энергий «Алеф-Бет», весь его смысл сведется к переходу от первой буквы «Хэт» к последней «Хэ». Вы удивлены?

– Еще бы, – ответил Капустин.

– А удивляться нечему. Какое значение имеет траектория пути из точки «А» в точку «Б» с точки зрения конечного результата? Поэтому давайте сначала полностью разберемся с этими двумя буквами.

– Согласен, – сказал Капустин.

– Итак, «Хэ». С точки зрения древних комментаторов она означает покаяние, «тешува» – что буквально переводится как «возвращение». Сравним буквы «Хэт» и «Хэ» внешне. Они ведь похожи, не правда ли? В обоих случаях – как бы огороженное с трех сторон пространство.

Четвертой стены внизу нет – и принято считать, что пустота на ее месте символизирует дверь. Вы спросите, как это связано с покаянием?

– Как? – эхом повторил Капустин.

– Вспомним, что Адонаи говорит Каину после братоубийства. «Грех лежит под твоей дверью». Вот этот пустой проем, или дверь внизу обеих букв и есть грех. Но если вы посмотрите на первую букву «Хэт», вы увидите, что выхода из нее нет – кроме как через самую нижнюю дверь греха, трансгрессию. А в букве «Хэ» появляется просвет... Переход от «Хэт» к «Хэ» – это переход от безвыходности к возможности искупления. У меня для вас хорошие новости, Теодор – выход есть!

– А в чем он состоит?

Солнце подняло палец.

– А вот здесь уже надо анализировать две центральные буквы. С какой начнем?

– Вот с этой, – сказал Капустин. – Которая как «Э».

Солнце нарисовало букву на столе:

▮

– Это «Пэ». С ней как раз все просто и однозначно – она означает «рот». Видите, как будто открытый рот с зубиком сверху, да? Рот говорит. Поэтому основной смысл этой буквы – коммуникация, связь. Вот именно то, что происходит между нами сейчас. Но какой должна быть эта коммуникация?

Солнце внимательно уставилось на Капустина. Тот некоторое время думал, а потом сказал:

– Может, надо посмотреть последнюю букву?

– Именно, Теодор, именно! Вы начинаете понимать логику «Алеф-Бет», и это радует мое сердце.

Солнце подняло свою серебряную палочку, и на столе загорелась еще одна буква:

⚡

– Это «Цади». Сразу скажу вам, что именно в ней и заключена мистерия тетраграмматона «хуцпа». Скрытая мистерия... Буква «Цади» в таком написании означает праведника – или праведность, справедливость. Нечто такое, что не отклонялось от истины с самого начала, пребывая в ней непрерывно. Поэтому вместе две центральные

буквы тетраграмматона означают не просто коммуникацию, а правильную коммуникацию. Именно она открывает возможность выхода, намеченного в «Хэ». Если угодно, сам этот выход и происходит через правильную связь. Вы спросите, что значит «правильная?» В нашем контексте это связь, полная покаяния, на которое указывают «Хэт» и «Хэ». Именно покаяние, «тешува», и открывает намеченный в букве «Хэ» просвет. Итак, согрешив и оказавшись в безвыходном положении, говорите праведно, покайтесь, и дверь откроется перед вами... Вы ясно видите этот смысл тетраграмматона?

Капустин кивнул.

Солнце подняло серебряную палочку над столом.

– Все то, что вы слышали до сих пор, Теодор, не требует особо высокого понимания – этот смысл вполне прозрачен для любого каббалиста. Но «хохмат-га-церуф» идет дальше, много дальше. Сейчас вы поймете, как действует «Алеф-Бет» на более тонком уровне. Вы готовы?

Капустин еще раз кивнул.

– Не все искатели знают, что знаки «Алеф-Бет» свободно перетекают друг в друга. Я объясню, как это происходит. Вы видели, что тетраграмматон «хуцпа», хоть и означает на профаническом плане предельную наглость, на самом деле пропитан энергией покаяния. На первый взгляд это касается только двух его внешних букв – «Хэт» и «Хэ», а внутренние «Цади» и «Пэ» сами не несут такого смысла. Но это лишь на первый взгляд... Что происходит, когда энергия покаяния, электрическим током текущая от «Хэт» к «Хэ», проникает в две центральные буквы и пропитывает их собой?

– Что? – отозвался Капустин.

– Ответ перед вами, Теодор. Я лишь помогаю его увидеть. Дело в том, что буква «Цади» имеет два начертания – обычное, то есть изогнутое, и прямое. Изогнутый «Цади» появляется в начале или середине слова – вот как у нас. А прямой «Цади» – или «Цади софит» – появляется только в конце. Сейчас я напишу их рядом, смотрите...

Солнце взмахнуло серебряной палочкой, и на столе зажглись две буквы:

צו

– Видите, обычный «Цади» похож на коленопреклоненного человека, а «Цади софит» похож на вставшего с колен навстречу сиянию истины...

– Да, действительно, – сказал Капустин. – А какая между ними

разница?

– Обычный «Цади» означает праведность. А прямой «Цади софит»... Как бы это объяснить... Вы помните «Возвращение блудного сына» Рембрандта?

Капустин кивнул.

– Так вот – если бы Рембрандт закрасил весь холст белой краской, а в самом центре нарисовал маленькую красную «Цади софит», получилось бы то же самое, только лаконичнее, возвышеннее и точнее. Смысл «Цади софит» – это «баал тещува», что в буквальном переводе означает «хозяин возвращения». Это человек на той стадии развития, где покаяние, соединяющее «Хэт» и «Хэ», позволяет ему сойти с пути греха и вернуться к истине. «Цади софит» выше простого «Цади» не только визуально, но и мистически. Согрешивший и вернувшийся к свету дороже сердцу Адонаи, чем праведник, не грешивший никогда. Вы знаете свой грех, Теодор, и вы пришли ко мне покаяться в нем...

Капустин закивал, словно соглашаясь по очереди с разными аспектами этой мысли.

– Теперь смотрите, – продолжало Солнце. – Энергия покаяния, соединившая крайние «Хэт» и «Хэ» проникает в две центральные буквы и находит свое отражение в скрытой «Цади софит», на которую указывает «Цади». Но что происходит дальше?

– Что?

– Именно здесь тайна. Я ведь не зря нарисовал согнутую «Цади» рядом с прямой. Посмотрите, как меняется эта буква. Она как бы встает с коленей, одновременно распрямляя спину... К чему направлено это движение? Продолжите его мысленно. Чем оно закончится в пределе?

– Буква выпрямится еще сильнее?

– Именно. И что мы увидим перед собой тогда? Какую букву? Смелее, смелее, она уже есть на столе...

– Вот эта? – и Капустин указал на букву:

1

– О да. «Вау». В печатном тексте ее даже обозначают простой вертикальной чертой. Вы помните, какой в ней смысл?

Капустин хихикнул и кивнул.

– Ну нет, – сказала Солнце чуть жеманно, – не совсем то, что вы подумали. Хотя и это тоже. Вы забегаете вперед, Теодор, всему свое время... «Вау» означает не только мужской принцип, но и разум, если

просто – вменяемость. Но главное в другом. Главное в том, как изменится тетраграмматон, когда «Цади» проделает свою скрытую работу полностью и трансформируется в «Вау». Мы получим вот что...

Солнце провело над столом палочкой, и перед Капустиным зажглось еще одно слово:

הוּפָּה

– «Хэт – вау – пэ – хэ», – произнесло Солнце. – Читаем опять справа налево, вы помните, да?

– Что это? – спросил Капустин.

– Это тетраграмматон «купа».

– А что он значит?

– Он означает «брачный полог», под которым должны соединиться муж с женою. Или, если первая «Хэт» состоит из двух «Вау», муж с мужем... Когда скрытый «баал тещува» проделает свою работу, его обязательно пустят под этот полог. Обязательно...

И Солнце снова положило свою теплую ладонь на кисть Капустина. Пальцы Капустина напряглись, но он не убрал руку.

– Скрытый «баал тещува», – тихо и проникновенно произнесло Солнце, – символизируемый теневым знаком «Цади софит» – это вы, Теодор. Смысл потаенности в том, что действовать до поры вам придется тайно. А как именно, вам объяснит мой помощник по региональным вопросам...

Солнце подняло руку и легонько потрепало Капустина по щеке, а потом опять положило пальцы на его ладонь. Прикосновение было мягким, теплым и чуть влажным.

– Я рад был встретиться с вами, мой друг. Сейчас меня ожидают другие братья, но скоро мы увидимся вновь – и, надеюсь, проведем вместе больше времени... Как говорил наш с вами соратник по скрытой работе Александр Пушкин, «из искры возгорится пламя». Я не поэт. Но надеюсь от всего сердца, что наша с вами хуцпа скоро превратится в купу для двух «Вау»... Возможно, уже при следующей встрече.

Последнее написанное на столе слово загорелось вдруг очень ярко. Капустин на миг опустил на него глаза – а когда он их поднял, Солнца в комнате уже не было.

– Worshipful sir...

Капустин оглянулся.

Батлер с бакенбардами так и стоял у двери.

– Вас ожидает помощник по региональным вопросам, – сказал он по-русски.

Капустин кивнул и поднялся со стула. Первые несколько шагов по комнате дались ему с трудом, но он справился с собой и выбрался в коридор вслед за батлером.

Навстречу им шли двое – другой батлер, похожий на первого, и необычного вида масон: на нем был безупречный смокинг и красная бабочка, но с его бритой головы на плечо свисал длинный чуб, а фартук был расшит веселыми ромбиками, крестиками и снежинками, соединенными в симпатичный, но легкомысленный узор – легкомысленный настолько, что в фартуке даже появлялось нечто кухонное. Лишь с усилием Капустин узнал в комбинации крестиков и ромбиков традиционные циркуль и наугольник.

Поравнявшись со странным масоном, Капустин прокашлялся и сказал: – Здоровеньки булы!

Масон с чубом покосился на капустинский фартук, успевший опять обрасти густым мехом, – и настороженно ответил:

– Булы здоровеньки...

Они разошлись.

Батлер уводил Капустина вглубь подвального лабиринта, и чем дальше они шли, тем отчетливее становилась лежащая на всем печать запустения. Кажется, они направлялись в самый дальний аппендикс винного погреба, где люди не бывали годами... Редкие двери были покрыты паутиной и плесенью – их, видимо, давно не пробовали открыть. Кто мог ждать в таком месте?

Но вот в стене появился боковой проход, батлер повернул в него – и нагнавший его Капустин вместе с ним вступил в пятно лунного света.

Впереди была ведущая вверх лестница с чугунными перилами. Высоко над ее пролетом располагалось окно, из которого бил лунный луч.

– Вам туда, – сказал батлер, указывая почему-то на луну. – Я подожду здесь...

Капустин медленно пошел вверх по лестнице.

Происходило что-то странное – с каждым шагом желтое сияние в окне делалось все ярче, а идти вверх становилось все легче, словно луна притягивала к себе сильнее и сильнее. Дойдя до середины лестницы, Капустин замер в неустойчивом равновесии и оглянулся на батлера.

– Смелее, – улыбнулся тот.

Капустин сделал еще шаг, и луна победила. Его оторвало от ступеней, рвануло к окну, и он огромным мячом пробил стекла. Луна потянула его к

себе, и он понесся к ней с невозможной быстротой: в ушах засвистал холодный ветер, мелькнули желтые тучи внизу – и вдруг вознесение кончилось так же внезапно, как началось.

Капустин понял, что сидит на стуле – жестком и довольно неудобном. Вокруг была комната со сводчатыми стенами, почти такой же формы, как его спальня в самолете. Своей аскетической пустотой она, впрочем, больше напоминала его московский кабинет. Но теперь посетителем был он сам.

Перед ним стоял стол, за которым сидел человек в маске Месяца. Его лицо делила надвое изогнутая линия: одна половина была золотой, другая серебряной. В стороны от маски расходились витые лучи – такие же, как вокруг лика Солнца, только белые. На Месяце была военная маскировочная роба без знаков различия. В том месте, где полагалось быть шеврону с именем, зеленел анонимный прямоугольник липучки.

– Приветствую брата Месяца, – сказал Капустин и поднял кулак с двумя оттопыренными пальцами – указательным и мизинцем.

Месяц кивнул и ответил зеркальным жестом. На его пальце мелькнуло золотое кольцо с большой черной «G».

– Высочайший полагает, что вы все постигли и приняли, – сказал он по-русски, – и готовы к серьезной беседе.

– Так точно.

– Вы наш новый баал?

– Да. Если сумею оправдать...

– Сумеете, – сказал Месяц, – я надеюсь... Братья из России в последнее время не слишком частые у нас гости. Я слышал, это связано с каким-то абажуром?

– Да, – ответил Капустин. – Но мы почти решили эту проблему с братом Солнцем. Или скоро решим.

– Вот и славно, – сказал Месяц. – Это все равно не мой круг вопросов. Я собирался поговорить с вами о другом, совсем другом...

Откинувшись на спинку стула, Месяц некоторое время внимательно разглядывал Капустина сквозь прорези маски.

– Можем мы беседовать просто и доверительно, без формальностей?

Капустин кивнул.

– Тогда объясните, брат Теодор, чего вы там выделяете? Чего вытворяете?

– Вы имеете в виду меня?

– Не вас лично. Вашу ложу. Сирия, Украина – зачем все это? Что происходит?

– Да я и сам не очень понимаю, – сказал Капустин осторожно. – Могу

только догадки строить.

– Так поделитесь.

Капустин взялся рукой за подбородок,

– Видите ли... Это выделяем не совсем мы. Наш писатель Толстой в свое время сказал, что люди лишь тешат себя иллюзией контроля над историей. Все большие события происходят независимо от них. Это как если вас затянуло в водоворот – вы можете шлепать ладонями по воде, думая, что создаете воронку сами, а можете делать те же движения руками, чтобы просто оставаться на поверхности. Результат будет один и тот же. Нормальные люди, попав в воронку, машут руками, чтобы удержаться на плаву. Ну а что думают разные там пассионарии, я не знаю...

– Но объяснение должно быть у всего, – сказал Месяц.

– Согласен, – ответил Капустин. – Тогда посмотрите на Россию в исторической перспективе. Ведь это великая культура, великая цивилизация. Мы победили фашизм, мы первыми поднялись в воздух... в смысле в космос, мы первыми построили...

Месяц вдруг икнул. Звук вышел таким громким, что Капустин замолк.

– Извините, Теодор, – сказал Месяц, – но можно я скажу вам прямо, по-русски? Нам поебать на этот ваш русский космизм. Да. Именно так. Поебать на все четыре стороны. Что там было на бородинском поле, пусть вспоминает Наташа Ростова на том свете. Вы, русские, живете то в прошлом, то в будущем. А жить надо в настоящем. Когда вы только поймете?

Месяц опять икнул, и Капустину показалось, что вокруг него волной разошлись какие-то еле видные, но очень красивые радужные волны.

– Дело тут не в космизме, – миролюбиво сказал Капустин. – Дело в том, что русский мир...

Месяц хлопнул ладонью по столу.

– Если вы еще не поняли, мы можем выключить этот русский мир в любой момент – хоть по частям, хоть сразу весь. Щелк, – Месяц махнул рукой, оставив в воздухе мерцающую дорожку, – и ничего не будет...

– Это почему?

– Да потому, – ответил Месяц, – что русский мир – это просто сегмент фейсбука, где последние «Звездные Войны» обсуждают на русском языке.

Капустин вздохнул.

– Что же, – сказал он, – я тоже «Звездные Войны» люблю. Хороший фильм. Только Лукас лучше делал.

– Лучше, – кивнул Месяц.

– Мне знаете что непонятно с этими Звездными Войнами? Кто

повстанцев финансирует. И почему они повстанцы, а не космические террористы. Я так предполагаю, рано или поздно должны будут черную дыру показать.

– Черную дыру? – переспросил Месяц. – Какую?

– Откуда все время шло мутилово и бабки. И куда все галактические империи слились. Думаю, она поглавной любой Звезды Смерти будет раз так в миллион. А правят ей наверняка те самые ребята из лавок, на которых весь Татуин за еду пашет. Понятно, их элита. Как считаете?

– А почему эту черную дыру раньше не упоминали? – спросил Месяц. – Столько серий уже было.

– Тут, как говорит мой консультант, может быть два объяснения. Конспирологическое и цивилизованное. Вам какое?

– Ну давайте конспирологическое.

– Не упоминали потому, что предыдущие серии на этой черной дыре и сняли. Или по ее заказу.

– Понятно. А цивилизованное?

– Черная дыра излучает ноль информации. Но самое главное, о ней неполиткорректно говорить. И для повстанцев, потому что дыра их субсидирует, и даже для ситхов.

– Да? – спросил Месяц. – А ситхам чего бояться?

– Того, – ответил Капустин, – что Звезду Смерти с финансирования снимут. И Первому Ордену пилить будет нечего...

– Полагаете? Интересный ход мысли...

Капустин многозначительно поднял палец.

– Вы когда-нибудь задумывались, зачем ситхи с таким тупым упорством строят одну неудачную Звезду Смерти за другой? Станции все больше и дороже, а сбить их все равно как два пальца обоссать. В одиночку справляется любой дурачок с помойки.

– Да, – согласился Месяц. – Есть такое.

– Теперь понимаете, – прошептал Капустин, – почему на Звезде Смерти все время вентиляционная шахта открыта к главному реактору? Потому что каждый раз вся бухгалтерия сгорает. Это как бы приглашение к междоцивилизационному сотрудничеству. Как вам такое объяснение?

– Не думаю, что человечество созрело, – хихикнул Месяц.

– Значит, нас ждут новые серии, полные передергивания и лжи, – сказал Капустин грустно.

Месяц хотел что-то ответить, но вместо этого икнул, и вокруг него веером разлетелись переливающиеся искры.

– Я все понимаю, конечно, – продолжал Капустин. – Эйфория от

успехов. Повстанцы три Звезды Смерти сожгли. Во всяком случае, медиа-нарратив такой, как мои консультанты говорят. Но темную сторону тоже недооценивать не надо. Темная сторона сама кино может снять. Бюджет поменьше, но эффекты те же самые будут. Никому не понравится. Зачем до такого доводить? А вот если ситхи нормально с черной дырой договорятся, все будут при деле. И дыра, и ситхи, и повстанцы, и особенно эти носатые, которые Звезду Смерти строят. Просто каждые два года будем ее интеллигентно сжигать со всей бухгалтерией и строить заново... Типа как у вас этот Burning Man^[36] в пустыне.

– А что джедаи скажут? – спросил Месяц задумчиво.

– Решим вопрос. Только надо будет договориться, кто джедай, а кто бандит со световым мечом. По цвету плазмы, кстати, уже некорректно различать. Это ведь расизмом отдает, вам не кажется? Будущее должно быть colour blind^[37].

– Будем считать, – ответил Месяц, – что эта богатая мысль и есть ваш вклад в современную культуру. Должен же быть хоть какой-то.

– Да кому эта современная культура нужна, – буркнул Капустин.

– Вам. Вот вы же смотрите. И детки ваши смотреть будут... Давайте теперь серьезно. Ну зачем, зачем вы противопоставляете себя прогрессивному человечеству, Федор Михайлович? Куда, по-вашему, ведет эта дорога? И есть ли у вас силы по ней идти?

– Мы вовсе не противопоставляем, – сказал Капустин. – Мы хотим найти свое место. Мы понимаем ваш бизнес и уважаем его, слов нет... Любуемся просто. Величие, что тут скажешь... Но мы хотели бы иметь рыдышком свой. Пусть и поменьше...

От избытка чувств он приложил руку к груди.

– Вот от чистого сердца говорю, мы правда хотим быть партнерами... Даже союзниками. Почему мы не можем быть союзниками?

– Ага, – сказал Месяц. – Союзниками. Это прекрасно. А зачем?

– Чтобы вместе решать стоящие перед человечеством проблемы.

– Чудесно. Но чтобы вместе решать стоящие перед человечеством проблемы, надо для начала правильно их понимать. Вы уверены, что вы их понимаете? В чем они, по-вашему, заключаются?

– Терроризм? – спросил Капустин. – Исламское государство?

Месяц только вздохнул.

– Распространение ядерного оружия? – прошептал Капустин.

Месяц махнул рукой.

– Глобальное потепление?

Месяц презрительно икнул.

– Тогда разъясните.

– Хорошо, – сказал Месяц. – Слушайте. Чтобы мир был предсказуем и стабилен, живущих в нем людей должна объединять какая-то общая вера. Только не религия – потому что религий много, и все они спорят между собой. Нужно нечто выше религии, нечто такое, что соединяет действительно всех – и не подвергается сомнению никем. Нечто такое, во что верят на уровне рефлекса, все без исключения – иудеи, буддисты, мусульмане, католики, православные. Это может быть только...

– Золото? – тихонько выдохнул Капустин.

Месяц легонько повел головой, но в этом движении было что-то такое, что Капустин сразу приподнял над столом руки, как бы сдаваясь.

– В золото сегодня никто уже не верит, – ответил Месяц. – Даже когда оно идет вверх. Потому что рынок (на слове «рынок» в голосе Месяца появились стальные нотки) доказал – оно крайне волатильно и не может гарантировать безопасность сбережений. Вы ведь сами хорошо это знаете, не так ли?

Капустин опустил взгляд.

– Давайте говорить напрямую, генерал, – сказал Месяц, выделив интонацией слово «генерал». – В вашем служебном компьютере хранится куча интересных материалов, ну просто жемчужные россыпи. Раздолье для этнографа и антрополога, не говоря уже о ваших внутренних контрольных органах... Шучу, шучу. Но вот лично мне любопытнее всего было прочитатъ роман вашего консьльери про Золотого Жука. Вы ведь его тоже читали?

Лицо Капустина стало красным.

– Как? – спросил он. – Как вы залезли? Ни блютуса, ни вайфая, никаких внешних подключений...

– Достаточно уже того, что компьютер включен в розетку, Федор Михайлович. Вы просто не представляете, насколько быстро развиваются сегодня технологии. Так вы прочли этот роман?

Капустин кивнул.

– Мне было занятно еще и потому, – сказал Месяц, – что мое имя в миру – Аарон. Ваш консьльери все время как бы обращается ко мне, сидящему с другой стороны компьютерного экрана – такое совпадение, знаете, даже трогает. Поэтому я прочитал его опус целых два раза. Постельные сцены, конечно, потрясают – ничего равного по мощи и откровенности в гей-литературе я раньше не встречал. Кроме того, ваш помощник неглуп. Он кое-что понимает. Но далеко не все. Он там острит

насчет менструаций Джанет Йеллен и задает философский вопрос – из чего сделаны доллары? И признается, что не может на него ответить. Хотите, я объясню – чтобы вы ему передали?

Капустин опять кивнул.

– Доллары сделаны именно из веры в то, что какая-то женщина в очках, чье личное благоденствие совершенно не зависит от обменного курса, не сократит завтра утром все ваши сбережения в три раза, потому что у нее месячные и ей надо успеть сверстать перед выходными какой-то там бюджет. Понимаете? Деньги опираются не на боеголовки и авианосцы. Деньги опираются на веру в то, что завтра их не превратят в опилки по команде очередного папы Карло. Мы выращивали эту веру веками. И поэтому доллар – это мировая резервная валюта. А ваш деревянный – просто стрелка с выпученными красными нулями, указывающая в том направлении, где деньги лежат. Обменное табло, все время занимающее в ваших новостях самую первую строчку – это и есть лицо и главный символ вашей цивилизации...

– Наша духовная культур...

– А ваша духовная культура, – перебил Месяц, – если совсем коротко, заключается в том, чтобы сначала плюнуть в доллар, назвав его ничем не обеспеченной пустотой, а потом немедленно упасть по сравнению с этой пустотой в два с половиной раза. И уже какой век это продолжается – только раньше вместо доллара был Великий Инквизитор, потом эксплуатация человека человеком, потом что-то еще. Я ведь читал вашу классику. Транс-цен-ден-тально, да. Но самое страшное даже не в этом.

– А в чем?

– В том, генерал, что вокруг вашей пучеглазой обменной стрелки постоянно пляшет огромное количество юродивых со свежими оригинальными идеями насчет новой правильной жизни, экономики, культуры и всего прочего. И рулить вашими сбережениями и судьбой в любой момент могут назначить кого угодно из них – по независимым от вас обстоятельствам... Впрочем, лично у вас проблемы вряд ли будут.

Месяц икнул и замолчал. Молчал и Капустин. Красные пятна постепенно исчезали с его щек. Когда тишина стала гнетущей, Месяц заговорил опять:

– Но все же, как ни странно, я верю в вашу искренность. Почему вы здесь? Вы убедились, что ваш путь ведет в тупик – и пришли искать выхода вместе с нами. Поэтому дальше я буду говорить уже не с генералом Капустиным, а с братом Теодором.

– Благодарю за доверие, – ответил Капустин.

– Я объясню вам главную проблему, стоящую сегодня перед миром. Пока она видна далеко не всем – как айсберг не был виден пассажирам Титаника. Но с каждым днем она все ближе... Видите ли, то, что я сказал вам про рубль, чистая правда. А вот то, что я говорил про доллар... Вы не экономист, и я не экономист – но у нас есть свои экономисты, и они объясняют нам ситуацию с помощью наглядных аналогий, чтобы мы прочувствовали происходящее. Хотите я приведу одну из них?

– Очень интересно, – сказал Капустин.

– Знаете, бывают такие тренажеры для парашютистов. Снизу стоит большой вентилятор, дует со страшной силой вверх – и в потоке воздуха зависает команда прыгунов, отрабатывающих свои формации.

– Что-то такое видел, да, – ответил Капустин.

– Современная экономика устроена примерно так же. Только вентилятор не просто большой, а очень-очень большой, и вверх летит не воздух, а доллары. Сначала в их потоке висит десять тысяч крупных банкиров. Дальше, где струя чуть пожире – сто тысяч финансовых спекулянтов. Еще дальше – всякие инвесторы, трейдеры, брокеры, лоеры, и так далее. Их счет идет уже на миллионы. А потом – все остальные, и где-то там, в самом конце, кувыркается ваш русский мир. Чтобы система работала и вентилятор крутился, надо, чтобы доллары все время кто-то брал в конце цепочки – потому что иначе остановится весь поток. Понимаете?

Капустин кивнул.

– Наш джи-ди-пи^[38], если разобраться – это потребление в долг. Вы слышали про девятнадцать триллионов долга – но это только прямой долг. Общие liabilities^[39] американского правительства – сто триллионов. Обама удвоил долг. До него долг удвоил Буш. И это, судя по всему, уже невозможно остановить. Даже для того, чтобы рост джи-ди-пи делался все меньше и меньше, надо занимать все больше и больше. Наши нобелевские лауреаты по экономике в один голос говорят, что так можно продолжать без конца, потому что на доллары всегда будет спрос... Но у нас закрадывается подозрение – может быть, они говорят так именно для того, чтобы им дали нобелевскую премию по экономике? Вы ведь знаете, как циничны и расчетливы сегодня люди...

Капустин кивнул.

– Мы не сидим сложа руки, – продолжал Месяц. – Мы проводим анализ, делаем математические аппроксимации. И все они указывают, что где-то в будущем будет tipping point^[40]. Момент, где shit will finally hit the

fan^[41]. В этом сходятся практически все модели – они только дают разный срок. Будет кризис, по сравнению с которым все прошлые экономические катастрофы покажутся детскими утренниками. Это случится, когда кредиторы потеряют веру в нашу способность заплатить долги деньгами, у которых остается, как это по-русски, value^[42]. Вы же понимаете, что даже в свободном обществе промывание мозгов работает только до определенных границ. Рынок – это огромное стадо пугливых баранов. И если все бараны вместе побегут из доллара, над планетой понесется финансовое цунами – и смоем человеческую цивилизацию как мы ее сегодня знаем. Ужас в том, что мы не сможем эту волну остановить – и начнется она, скорей всего, на нашем собственном Уолл-Стрите... Как вы думаете, что случится дальше?

– Полная финансовая катастрофа? Коллапс Америки?

– Нет, – сказал Месяц. – Война. Та самая большая и страшная искупительная война, которая опять зачистит все бухгалтерские книги. А воевать в ней, как вы, наверно, догадались, снова будете вы. Причем, скорей всего, сами с собой. При хорошем исходе у нас будет новый Бреттон-Вудс^[43], а у вас – новый День Победы. А при плохом... При плохом исходе в этой войне вместе с бухгалтерскими книгами сгорит весь мир. Но выбора нет.

– Ужас, – сказал Капустин. – Действительно ужас.

– Теперь вы понимаете повестку дня, брат Теодор? Если мы не хотим, чтобы мир сгорел – а мы ведь нормальные люди и этого не хотим, да? – мы должны сплотиться вокруг доллара. Это наш новый Сталинград. Если бы у нас была гипнотическая машина, способная бесконечно поддерживать веру человечества в доллар, мы решили бы проблему тихо и мирно. Но таких машин не бывает. Сегодня мы живем в пузыре надежды, который из последних сил надувают наши героические СМИ, но когда он лопнет, раздавит всех... Поэтому остается единственный выход.

– Какой?

– Мы не можем подпереть доллар изнутри. Мы можем подпереть его только снаружи.

– Но чем именно мы его подопрем?

– Будете смеяться, – ответил Месяц, – тем самым хаосом, о котором столько говорят ваши референты. Турбулентностью. Как бы не обстояли дела у доллара, дела у всего остального должны быть еще хуже. И намного, Теодор.

Капустин вдумчиво кивнул.

– Только где, по-вашему, должна быть эта турбулентность? – спросил

Месяц.

– В мире?

– Нет. В мире должен быть порядок. Турбулентность, как выразился ваш классик, должна быть в головах. А для этого нужно пугало. Страшное. И, главное, большое – потому что малыш Ким в одиночку выглядит уже немного смешно. Знаете, Теодор, вы так хорошо поняли «Звездные войны», что я скажу вам прямо – если бы России не было, пришлось бы ее придумать. Медведь в посудной лавке – это прекрасно. Гибридная война всех со всеми – именно то, что нужно. Провокации, всякие инциденты. И ракеты, ракеты. Больше ракет! Залпом, залпом! Европа сохраняет единство. НАТО выходит из кризиса. Носатые ушастики пробивают финансирование новой Звезды Смерти. И все-все сидят в долларе. Замечательно! Так держать!

– Вы это серьезно? – спросил Капустин.

Месяц кивнул.

– Но это не все, – сказал он, – самое главное, мы запускаем новый раунд количественного смягчения в виде расходов на холодную войну. Проще говоря, вы, ребята, даете нам легитимный повод опять включить печатный станок. Просто подарок с неба. Так что бейтесь головой о стену и дальше, но уже с отчетливым пониманием, что служите цивилизации. Только согласовывайте по спецканалам. А так все верно. Пугайте человечество, сидите в трежерис – и поебывайте своих балерин. Вот это и будет ваш бизнес рядом с нашим. И одновременно место в современном мироустройстве. Уникальное, особое – и не похожее ни на кого. А если вам хочется больше русского мира, мы и здесь поможем. Помните, как в Москве при Лужкове было? Только встретиться поговорить миллион долларов стоило, без всяких обязательств. Вот и мы с вами теперь так будем. Хотите о чем поговорить – купите сначала трежерис...

– Сурово, – сказал Капустин, почесывая подбородок.

– Да отчего же сурово, Теодор? Как вы не поймете: трежерис – это очень даже хорошо! Только это еще не все. Придется, наверное, взять мигрантов. У вас сколько, одиннадцать? Ну, наверно, еще миллиона три... Если они к вам, конечно, захотят.

– А золото до пяти тысяч поднимете? – спросил Капустин робко.

– Этого не обещаю. Но абажур, скорей всего, простим.

Месяц икнул, и над столом заструились веселые радужные мозаики. Его маска склонилась к столу. Долгое время он сидел молча, словно засмотревшись на что-то перед собой. Капустин терпеливо ждал.

– Ваш смешной консилиери, – сказал наконец Месяц, – пишет, что в

долгосрочной перспективе доллару может помочь только хуцпа Федерального Резерва. И он опять прав. Но знаете ли вы, мой друг и брат, что станет этой хуцпой?

– Что?

На стол перед Капустиным упала маленькая красная книжечка.

– Вы в России любите всякие ксивы, – сказал Месяц, – так вот для вас памятный подарок. Это, поверьте, самое серьезное из удостоверений, которые когда-либо грели ваш карман...

Капустин осторожно взял книжечку в руки. На ее обложке было странное золотое слово:

пѣ\$1п

Минуту или две Капустин вглядывался в него, соображая, а потом его лицо расплылось в улыбке.

– А, ну понял, – сказал он. – Я сначала подумал, что это «купа», где деньги лежат. Но это не главный аспект, да? Главный смысл другой. Это «хуцпа», только «Цади» заменили на латинскую «эс». Наверно, читается как «хуспа». Написание в пять букв, верно? Хуцпа, в которую вставили «Вау»?

– Именно, – ответил Месяц. – И эта хуцпа теперь вы.

– Я?

– Загляните-ка внутрь...

Капустин открыл книжечку.

С правой стороны в ней было узкое зеркальце, в котором Капустин увидел свои красноватые глаза с огромными зрачками. А слева было белое поле со столбцом слов:

Хаос –
Уполномоченный
Центрального
Планового
Агентства

– Красиво, – вздохнул Капустин.

– Учтите, – сказал Месяц, – это аванс. Вы у нас не единственный баал. Мы выбирать будем.

– Это понятно, – ответил Капустин. – А что такое Центральное плановое агентство? Что-то типа Госплана? Какой раз уже слышу...

Месяц засмеялся и погрозил Капустину пальцем.

– Хитрый, хитрый, – сказал он. – Где вы это, спрашивается, могли слышать? Но я вам расскажу – просто чтобы вы поняли, где правильная сторона истории. Центральное плановое агентство – это не Госплан. Это...

Капустин услышал громкий щелчок, и все впереди – стол, сидящий за ним Месяц и стена за его спиной – сперва покрылось пестрой радужной рябью, а потом погасло, будто кто-то выключил телевизор, в который Капустин засмотрелся.

Стало темно.

Капустин понял, что сидит на корточках в пыльном закутке под лестницей. Это была та самая лестница, по которой он несколько минут назад начал свое восхождение к луне. Неподалеку, деликатно отвернувшись в сторону, стоял батлер.

– А? Что? – пробормотал Капустин. – Уже все, что ли?

– Видимо, да, – ответил батлер. – Вам помочь?

Капустин стал шарить руками по полу.

– Сейчас, одну секундочку... Я удостоверение выронил... Или там осталось? А, ну да, конечно... Тогда пойдемте.

Вставая, Капустин глянул на часы. Стрелки показывали два часа тридцать три минуты – но чего именно, было трудно понять.

– У нас что-то еще?

– Нет, – ответил батлер, – на сегодня все.

– Моя машина у другого крыла, – сказал Капустин.

– А мы напрямик. Так быстрее.

Батлер повернул за угол, и Капустин послушно пошел за ним по коридору.

Там было совсем темно, и фигура идущего впереди батлера стала почти неразличима. Капустин напряженно вглядывался во мглу, высоко поднимая ноги, чтобы случайно не споткнуться. Он хотел уже попросить зажечь фонарик или зажигалку – но тут вокруг сделалось наконец светлее.

На небе появилась луна. С некоторым опозданием Капустин понял, что они идут уже не по коридору, а по ночному лесу, причем через самую чащу. Когда они успели выбраться из винного погреба, было непонятно.

Над тропинкой склонялись низкие ветки, и под них приходилось подныривать. Батлер уверенно двигался вперед, и через минуту тропинка привела на залитую лунным сиянием поляну.

Батлер остановился и обернулся. Капустин инстинктивно напрягся и шагнул назад.

– Брат Теодор, – сказал батлер, поднимая вверх кулак с торчащими из

него указательным пальцем и мизинцем, – извините за остановку, но я хочу сообщить вам одну вещь. Доверительно. Вы не возражаете?

Капустин кивнул и поднял кулак в ответ, оттопырив те же самые пальцы.

– Я слышал ваш первый разговор с Высочайшим, – сказал батлер, заметно волнуясь. – И я хочу сказать, что буква «Цади», проходя через «Цади софит», разворачивается вовсе не в «Вау». Она разворачивается в прямую «Нун», что означает верного человека. И никакого брачного полога там нет.

– Вот как, – сказал Капустин. – Это меняет всю картину.

– Да. Поэтому передайте в Москве, что простые английские масоны не согласны со многими шагами нашего центрального руководства...

– Спасибо, – ответил Капустин растроганно. – Вы не представляете, насколько мне важно это слышать. Мы сможем поговорить подробнее?

– Возможно, – улыбнулся батлер, чуть играя бровью, – но не сейчас. Я знаю, как с вами связаться.

– Буду ждать, – сказал Капустин.

Лицо батлера вновь стало непроницаемым. Он повернулся и пошел дальше.

Вскоре деревья стали редеть, а потом Капустин увидел в просвете листвы обелиск и двух сторожащих его лунных сфинксов. Они были совсем близко.

– Пришли, – сказал батлер. – Дальше вы сами...

Капустин открыл рот, собираясь что-то сказать, но батлер еле заметно покачал головой. Капустин так же неувовимо кивнул и пошел к ограждению набережной.

Поднявшись по ступеням между обелиском и сфинксом, он обернулся к оставшемуся среди деревьев батлеру, поднес к лицу сложенные зеркальными шестерками пальцы обеих рук – и поглядел на батлера сквозь получившиеся очки. Батлер ответил тем же жестом, попятился и исчез в темноте.

Подул ветер. С каждой секундой он становился все сильнее. Убедившись, что вокруг никого нет, Капустин позволил ему подхватить себя – и вольно полетел над ночной Темзой. Когда он оказался над ее серединой, ветер резко рванул его вверх.

Река, быстро уменьшаясь, поплыла вниз, электрические огни огромного города за несколько мгновений ужались в яркую кляксу, клякса метнулась к горизонту и исчезла.

Прошло несколько томительных секунд, и вокруг сделалось светло. За

розовыми утренними облаками сверкнула ослепительная полоса рассвета, потом ее накрыла тень огромного крыла – и Капустин открыл глаза.

Некоторое время он оглядывал свою небесную спальню, словно пытаясь понять, что это за место. Затем он увидел висящие на стене счеты с черепами, и его лицо прояснилось. Он осторожно снял с головы тяжелый парик из электрических дредов и встал с кровати.

В дверь тихонько постучали.

– Товарищ генерал! Как вы?

– В порядке, – ответил Капустин. – Сейчас выйду. Только каркас расправлю.

– Вам чаю сделать? – спросил голос.

– С лимоном.

На полу рядом с темной медицинской машиной лежала выскочившая из «поляроида» карточка. Капустин поднял ее, не глядя повернул изображением вниз и положил на стол. Потом он пошел в душ.

Через несколько минут он вернулся в спальню, расчесал щеткой мокрые волосы и облачился в костюм (галстук остался висеть на спинке кресла). Вытащив из алюминиевого кейса крохотную бутылочку «Black Label», он свинтил с нее пробку, нагнулся – и достал из-под кровати ракетку для бадминтона. К ракетке длинной нитью был привязан волан. Подбрасывая волан в воздух легкими шлепками ракетки, Капустин вылил виски себе в рот.

– Вот так, – прошептал он, пряча ракетку назад под кровать, – и никакого шотландского мастера...

Сев к столу, он наморщился, словно перед прыжком в воду, и перевернул поляроидный снимок.

Изображение на нем состояло из расплывчатых грубых пятен и линий. Но все-таки можно было различить две рогатые бородатые головы, а между ними – щит с треугольником, в центре которого был, кажется, глаз.

Капустин вынул из кейса переливчатый полотняный мешочек и достал оттуда еще две поляроидные карточки. Они легли на стол рядом с первой.

Фотографии были того же смутно-нечеткого свойства – как если бы кто-то рисовал в фотошопе широким пэйнтбрашем, а потом прятал швы, неумело применяя всякие эффекты и фильтры.

На обоих снимках присутствовали две головы и щит – но на этом сходство кончалось.

На одной фотографии у голов были очень большие косые миндалевидные глаза и какая-то непонятная складка вместо рта и носа. Сами головы напоминали перевернутые груши. Бород у них не было, и

рогов тоже. Треугольник на щите был обращен вершиной вниз и вписан в выпуклую окружность.

С другой карточки строго смотрели два одноглазых птичьих профиля с кривыми клювами. На щите между ними вместо треугольника помещался размытый ромб.

– В этом должен быть какой-то смысл, – прошептал Капустин, ероша волосы. – Обязательно должен...

В дверь постучали.

– Товарищ генерал, чай остынет.

Капустин спрятал все три фотографии в мешочек и бросил обратно в кейс.

– Иду, – сказал он.

В отсеке-лаборатории было полутемно. Светились только мониторы. За одним из них – с разверткой радара, покрытой множеством разноцветных закорючек и значков, – сидел утомленный Пугачев. Карманников спал рядом, устроившись на двух повернутых друг к другу креслах.

– Вы прямо свежий как огурчик, товарищ генерал, – сказал Пугачев. – Даже завидно.

– Где чай? – спросил Капустин.

Пугачев указал на бортовой столик, где стоял поднос с двумя железнодорожного вида стаканами.

Капустин взял стакан, отхлебнул – и поднял шторку иллюминатора.

В отсек ворвалось яркое горячее солнце – и пространство сразу словно наполнилось жизнью. Карманников не проснулся, но беспокойно замычал во сне.

– Рассвет, – сказал Пугачев, улыбаясь и жмурясь.

– Хочется верить, – ответил Капустин.

– Как у вас прошло?

– Нормально. А у вас?

– Все хорошо. Вот только американец мимо проходил, – Пугачев кивнул на свой монитор. – RC-135 с выключенным транспондером. Границу не пересекал, но полчаса петлял рядом.

– И? – спросил Капустин.

– Включили модуль «Хибины-П». Через пять минут развернулся и ушел.

– Во сколько точно включили? – спросил Капустин.

Пугачев поглядел на экран и ткнул пальцем в какую-то зеленую галочку.

– В два тридцать три.
– Так это вы... Эх, черт...
– Что, не надо было?
– Да ладно, – махнул рукой Капустин. – Что уж теперь-то... Что у тебя с руками? Как у первоклассника.

Руки Пугачева были покрыты синими чернильными линиями и зигзагами – вернее, их полустершимися следами.

– Медитировал, – сказал Пугачев, чуть покраснев. – За два часа почти согнал.

– Я тебе покажу, как тренироваться, – ответил Капустин. – С руками техника немного неожиданная. Что называется, контринтуитивная...

Зажужжал тихий зуммер. Пугачев вынул из панели утопленную телефонную трубку и поднес к уху.

– Гвоздика слушает... Так точно, вернулся. Даю...

Он повернулся к Капустину и выразительно кивнул вверх.

Капустин взял трубку.

– Ромашка на связи... Да... Здравия желаю, товарищ Нарцисс. Так точно, контакт был. Только что. Вышел на самых главных. Действуют под прикрытием МИ-6 и ЦРУ. Еще общался с недовольными элементами из МИ-5. Но это меня, возможно, в двойную разработку приняли...

Трубка тихо что-то прожурчала.

– Да, компьютер склевали, – ответил Капустин. – Сто процентов... Нет, не подозревают. Они думают, я у них на крючке по золоту. Думают, я это, компромата ихнего боюсь...

Капустин щелкнул пальцами, привлекая внимание Пугачева, и, когда тот поднял взгляд, вдруг засмеялся – с такими медленными, хриплыми и низкими модуляциями, что глаза Пугачева наполнились неподдельным страхом:

– Хахха!.. Хахха!.. Хахха!.. Хахха!

Отсмеявшись, Капустин подул на ладонь свободной руки – в том месте, где совсем недавно ее касались влажные пальцы Солнца.

Трубка опять что-то вопросительно прожурчала.

– Так точно, теперь могу, – ответил Капустин. – Прогноз такой – абажур нам, скорей всего, простят. Но издержки будут.

Читайте и слушайте книги Виктора Пелевина:

[Синий фонарь](#)

[Затворник и шестипалый](#)

[Принц госплана](#)

[Числа](#)

[Омон Ра](#)

[Жизнь насекомых](#)

[Чапаев и Пустота](#)

[Generation II](#)

[ДПП\(НН\)](#)

[Священная книга оборотня](#)

[Шлем ужаса](#)

[П5](#)

[t](#)

[Ананасная вода для прекрасной дамы](#)

[S.N.U.F.F.](#)

[Empire V](#)

Batman Apollo

Любовь к трем цукербринам

Смотритель:

Смотритель. Т.І. Орден желтого флага

Смотритель. Т.ІІ. Железная бездна

notes

Примечания

1

Продаваемое на бирже сырье.

2

Внутри своей камеры.

«Commodity exchange», рынок, где торгуется основная масса золотых фьючерсов – контрактов на поставку золота к определенной дате, которые, как правило, остаются «на бумаге» и служат только для спекуляции.

4

Спекулянты, играющие на понижение.

Exchange traded funds, биржевые инвестиционные фонды.

«Золото падает, валится, низвергается...»

«Золото пытается оправиться», «Золоту не удастся подняться к...»

«Золото падает первый раз за пять дней».

Убежище, средство сбережения.

Инвестиционный банк, оперирующий большими партиями золота и состоящий в LBMA – Лондонской ассоциации золотого рынка.

Фундаментальных факторах.

13

Отсрочить расплату.

Я – граф Парижский.

«Норвежское дерево – ведь неплохо?» (Из песни «Битлз».)

Долговые бумаги правительства США.

Ориентировка на будущее (*англ.*).

Рынок может оставаться иррациональным дольше, чем вы остаетесь платежеспособным.

Запаздывающий индикатор.

Псевдо-открытый воздух.

Глава американского культа.

Курт Кобейн пахнет как дух юности.

«Здравствуй, грусть» Франсуазы Саган.

Дисфункция пениса, вызываемая кристаллическим метамфетамином.

Играет в командном духе.

Тренированные ЦРУ повстанцы (либералы).

«Поскольку торговля фьючерсами анонимна...» (англ.)

Клод Франсуа – французский шансонье, обычно выступавший вместе с танцующими под его песню девушками.

Выйди из товаров, акций и наличных средств.

Почему букв в Тайном Имени должно быть именно четыре? Считается, что это одновременное указание на троичность Божества и на его единство – три плюс один.

Заем на покупку дома.

Подъем ставки.

Пожалуйста, идите за мной. Вас ждут.

Устраивайтесь удобнее, почтенный сэр.

Спасибо, дружище. Вы очень помогли.

Ежегодный фестиваль в Неваде, во время которого сжигают начиненную пиротехникой фигуру гигантского человека.

Равнодушно к цвету.

Валовой внутренний продукт.

Обязательства.

Переломный момент.

Говно свалится в вентилятор.

Ценность.

Международное соглашение 1944 года, сделавшее доллар мировыми деньгами наравне с золотом.